

МЕЖВУЗОВСКИЙ СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

**ЭКОНОМИКА
И СОЦИУМ:**

современные модели развития

Выпуск № 1

Межвузовский сборник научных трудов

**ЭКОНОМИКА
И СОЦИУМ:
современные модели развития**

Выпуск 1

Москва
Издательский Дом «Наука»
2011

УДК 316.3:330.34

ББК 65.050+65.052+65.26+65.9(2Рос)

Э 40

Рецензент

доктор философских наук, профессор

А. Л. Маршак

Ответственные редакторы:

кандидат социологических наук, **Т. Л. Лихачева**

кандидат экономических наук, **В. Я. Красниковский**

Э 40 **Экономика и социум: современные модели развития.** Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1 / отв. ред. Лихачева Т.Л., Красниковский В.Я. – М.: Издательский Дом «Наука», 2011. – 187 с.

ISBN 978-5-9902331-9-5

В данном сборнике представлены статьи, явившиеся результатом как инициативных, так и плановых научных изысканий исследователей. В статьях отражены результаты теоретических исследований и прикладных разработок практической направленности.

Для студентов и преподавателей, ученых и практиков, а также всех, кто интересуется вопросами социолого-управленческой проблематикой.

УДК 316.3:330.34

ББК 65.050+65.052+65.26+65.9(2Рос)

ISBN 978-5-9902331-9-5

© Коллектив авторов, 2011

Содержание

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ	5
Лапшов В. А. Офицеры как специфическая социально-профессиональная группа военной интеллигенции: теоретические основы социологического исследования	6
Евдокимова С. Ш., Красниковский В. Я. Индивидуально-типологические особенности безработных женщин	21
Лихачева Т. Л. Теория «социального эха» как система инновационной деятельности в современном российском образовании	34
Селезнева Л. М., Киселева Н. И. Мониторинг как средство управления качеством образования	47
Курюкин А. Н. Анализ и обобщение исследования парадигм русской модернизации	56
Ситнова И. В. Активистско-деятельностная методология в моделировании процесса «институциональных изменений»	64
Астахова И. В. Страхи и фобии в современном обществе: взгляд ученого и практика	71
Асоева А. А. Удовлетворенность трудовой деятельностью и карьерным ростом работника: эмпирика взаимосвязи	79
Красильникова Ю. В. Проблема правосознания современного русского общества.	87
Терехова Л. В. Законный аспект торговли людьми в национальном и международном праве	92
Трапицын А. В. Модернизация экономики современной России в контексте антикризисного управления: к вопросу о постановке проблемы . . .	100

Коровкина О. В. Стили руководства и их влияние на формирование морально-психологического климата в коллективе	108
Красниковский С. В. Восприятие значения своей работы и отношение к ней московских пользователей Интернет	112
Пономарев Р. Ю. Организация военно-социальной работы среди военнослужащих и их семей в современной России	117
Савенков А. И. Мотивация персонала как фактор повышения эффективности производства	123
Салова Е. В. Интеграция мигрантов в Германии и России: сравнительный анализ	132
Сергеева Т. А. Формирование стилей потребления современной молодежи	146
Слабиков А. Е. Современная личность: социальный характер	153
Терёхин С. Ю. Теоретические основы социально-педагогической поддержки детей-сирот в России	159
Ульрих И. В. Опыт реализации мер по преодолению последствий глобального финансового кризиса в социальной сфере	166
Устинова Е. Н. Иппотерапевтические программы в реабилитации и социализации инвалидов	176
Юшина М. К. Воздействие социальной рекламы на ценности российской молодежи	182

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В предлагаемом вниманию читателей сборнике представлены статьи, явившиеся результатом как инициативных, так и плановых научных изысканий исследователей, связанных с несколькими московскими ВУЗами и исследовательскими организациями: Финансовым университетом при Правительстве Российской Федерации, Институтом социологии РАН, Институтом инновационной деятельности в образовании (ИНИДО) РАО, Российской академией государственной службы (РАГС) при Президенте Российской Федерации, Российским государственным социальным университетом, Московским институтом права. Всех их объединяет социологический взгляд на изучаемые проблемы и аспекты жизнедеятельности нашего общества, нашей социальной действительности.

Это пример не только успешной межвузовской интеграции, осуществляемой на неформальной основе «снизу» энтузиастами, бесконечно влюбленными в свое дело, но и удачного профессионального взаимодействия представителей разных поколений исследователей в науке. При том, что все вошедшие в сборник работы объединены социолого-управленческой проблематикой, тематически они затрагивают обширный спектр вопросов. В них отражены результаты как теоретических исследований, так и прикладных разработок практической направленности. Это вселяет уверенность в наличии хорошего интеграционного потенциала в межвузовской среде существования московской социологической науки.

Остается лишь выразить надежду, что данный сборник не окажется последним, а станет основой формирования новой площадки неформального взаимодействия социологов, – ученых и практиков, – работающих в самых различных организациях.

В. А. Лапшов,

*доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры «Социология» Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации*

ОФИЦЕРЫ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГРУППА ВОЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: теоретические основы социологического исследования

Прежде чем приступить к рассмотрению офицерского корпуса как специфической социально-профессиональной группы военной интеллигенции, необходимо остановиться на раскрытии сущности и структуры такой категории, как «военно-профессиональная деятельность офицера».

Соотношение категорий «деятельность», «воинская деятельность» и «военно-профессиональная деятельность офицера» выступает как диалектическое единство всеобщего, общего и особенного.

Профессиональная деятельность офицерских кадров и самой военной организации представляется как целостная система, имеющая общественный характер и состоящая из взаимосвязанных компонентов.

Само социологическое понятие «военно-профессиональная деятельность офицера» отражает конкретные потребности общества.

Как и вся воинская деятельность, военно-профессиональная деятельность офицера вырастает на основе совокупности общественных потребностей по использованию насилия (или угрозы насилием). Всякое общество выражает свои потребности, в том числе и по применению насилия, через государство и его органы. В силу этого общественные потребности облекаются в государственную форму, а государственные представители получают возможность выступать от имени общества.

Общество в лице государства обеспечивает «военно-профессиональную деятельность офицера» всеми необходимыми средствами – специальной техникой, вооружением, снаряжением, обмундированием и бытовым снабжением. Для осуществления военно-профессиональной деятельности любое государство создает в Вооруженных Силах такую социально-профессиональную группу, как офицеры. Конкретным же исполнителем военно-профессиональной деятельности становится отдельный офицер. Его военно-профессиональная деятельность по отношению к военно-профессиональной деятельности всей группы можно представить как категорию «единичное».

Исходя из предварительного рассмотрения военно-профессиональной деятельности офицера, мы можем выделить ряд ее характерных особенностей.

С точки зрения общественных интересов это: выполнение потребности общества по сохранению его суверенитета и обеспечению общей безопасности развития; закрепление в юридических актах строгой служебной субординации.

С позиции внутреннего содержания самой деятельности: интенсивность; морально-психологическая напряженность; сочетание личной и коллективной ответственности; экстерриториальность воинских подразделений и в связи с этим особые условия выполнения офицерами своих профессиональных обязанностей; относительно высокая степень риска; результатом деятельности офицеров является уровень боеготовности частей и подразделений, предполагающий в конечном итоге обеспечение конструктивного и безопасного развития как самого общества, так и его различных социальных структур.

Каковы же особенности военно-профессиональной деятельности офицеров? На наш взгляд, это:

- глубокая внутренняя осознанность своего профессионального выбора;
- необходимость получения специального военного образования;
- высокая степень сложности и комплексный характер военно-профессиональной деятельности;
- особые личностные характеристики, выражающиеся прежде всего в развитии таких профессиональных ценностей, как патриотизм, мужество, воинская честь, альтруизм и т.п.;
- правовая обязанность в течение длительного времени выполнять свой воинский долг.

Таким образом, под военно-профессиональной деятельностью офицера понимается общественно необходимый вид воинской деятельности, направленный на защиту общества и государственного суверенитета посредством проведения мер учебно-боевого и воспитательного характера, нацеленных на поддержание частей и подразделений в постоянной боеготовности и боеспособном состоянии [1], чтобы в случае агрессии грамотной и умелой организацией вооруженной борьбы достичь полной победы над противником.

В качестве компонентов, определяющих структуру военно-профессиональной деятельности офицера, мы предлагаем следующие ее составляющие: цели военно-профессиональной деятельности офицера; средства военно-профессиональной деятельности офицера и ее результат.

Под целью мы понимаем идеальную и оптимальную модель результата военно-профессиональной деятельности офицера. Характер и содержание целей военно-профессиональной деятельности офицера определяются рядом социальных факторов: особенностями внутренней и внешней государственной политики, общественно-политическим и экономическим положением в стране; задачами, стоящими перед Вооруженными Силами в целом и перед конкретным воинским подразделением (частью), в частности; психико-физиологическими и социальными характеристиками офицера, определяющими потенциальные возможности конкретного социального индивида в овладении спецификой военного дела.

Под средствами военно-профессиональной деятельности офицера мы понимаем совокупность различных способов, приемов, методов, применяемых индивидом в целях достижения определенного результата. Иными словами, средства выступают неким опосредующим звеном между целью военно-профессиональной деятельности офицера и реальным ее результатом.

Можно выделить такие разновидности средств военно-профессиональной деятельности офицера:

Во-первых, средства обеспечения военно-профессиональной деятельности офицера, то есть совокупность материально-технических, правовых и духовных факторов, способствующих реализации целей и задач, стоящих перед Вооруженными Силами.

Во-вторых, средства воздействия на военно-профессиональную деятельность офицера, которые в свою очередь можно подразделить на:

- а) социально-институциональные (экономические, политические, административно-правовые, образовательные, социокультурные и т.п.). Иными словами, под социально-институциональными средс-

твами военно-профессиональной деятельности офицера мы понимаем специфические, относительно самостоятельные механизмы социальной регуляции, которые осуществляют контроль за поведением индивидов посредством применения специальных мер и способов внушения, убеждения и воспитания, разнообразных форм принуждения и давления, различных способов выражения признания и одобрения. Таким образом, благодаря социально-институциональным средствам военно-профессиональной деятельности формы поведения офицера приводятся в соответствие с принятыми образцами, нормами и стандартами;

- б) организационные (формальные и неформальные). Под формально-организационными средствами военно-профессиональной деятельности офицера мы понимаем систему узаконенных безличных требований и стандартов поведения, формально заданных и закрепленных в нормативно-правовых и законодательных государственных актах, регламентирующих характер и формы функционирования военной организации данного общества. В отличие от формальных средств военно-профессиональной деятельности офицера неформальные средства строятся, прежде всего, на принципах саморегуляции и самоорганизации. Иными словами, их особенность заключается в том, что они основаны на личностных особенностях офицеров, на специфике отношений, складывающихся между ними в процессе их совместной службы.

В-третьих, статусно-ролевые средства. Интересующий нас военно-профессиональный статус является реальным показателем места офицера в конкретном воинском подразделении, где через совокупность предписаний и норм устанавливаются относительно жесткие формы военно-профессиональной деятельности офицера. Именно поэтому все виды поведения офицера находятся в сфере действия соответствующих управленческих структур Вооруженных Сил;

В-четвертых, средства контроля (внешнего по отношению к субъекту военно-профессиональной деятельности и внутреннего).

Характеристику военно-профессиональной деятельности офицера можно продолжить, классифицируя ее по видам. Тогда виды военно-профессиональной деятельности можно представить в следующем контексте:

- в зависимости от предназначения вида войск Вооруженных Сил (военно-профессиональная деятельность офицеров Войск стратегического назначения, Военно-Воздушных Сил, Сухопутных войск и Военно-Морского Флота);

- в зависимости от предназначения рода войск Вооруженных Сил (в каждом виде Вооруженных Сил имеются специальные войска, отражающие специфику и динамику этой военно-профессиональной деятельности офицера);
- исходя из военно-функциональной профессиональной деятельности (управленческо-организаторская, воспитательная и научно-исследовательская).

Далее мы более подробно остановимся на исследовании социальных функций офицерского состава, определении его специфических признаков и черт. Без этого трудно решить на научной основе проблемы формирования профессиональной культуры офицера российской армии на современном этапе развития общества и в перспективе.

Предназначение и место офицерского корпуса в обществе, в Вооруженных Силах определяют его социальные функции – основные направления, характер и социальное содержание военно-профессиональной деятельности в различных условиях общественно-экономического развития общества.

При рассмотрении социальных функций офицерского корпуса необходимо еще раз указать на сущность воинского труда. Последняя заключается в том, что это совокупная деятельность всего личного состава Вооруженных Сил, выражающаяся в форме военной службы, оказания общественной услуги в защите существующего социального строя [2].

Общественное предназначение Вооруженных Сил, как объективный фактор, обуславливает социальные функции, признаки и черты офицерского состава. Следует отметить, что функции данной социально-профессиональной группы и направления ее военно-профессиональной деятельности на практике тесно переплетены и взаимообусловлены.

Суть основных направлений военно-профессиональной деятельности офицерского состава заключается, на наш взгляд, в следующем:

- а) поддержание боеготовности Вооруженных Сил и всесторонняя подготовка личного состава к боевой деятельности, повышение у подчиненных профессиональной культуры в условиях непрерывного обновления и совершенствования боевой техники и оружия, постоянного развития военной науки;
- б) всемерное совершенствование социально-политической деятельности по повышению позитивной действенности демократических и преобразовательных процессов во всех сферах жизнедеятельности Вооруженных Сил, интенсификация внедрения в жизнь Воо-

руженных Сил государственных программ социальной и правовой защиты офицеров и членов их семей, их материально-экономической обеспеченности как важнейших факторов процесса повышения и поддержания боеготовности армии и флота;

- в) непрерывное, на научной основе, совершенствование воспитательной работы с личным составом, целеустремленное воинское и культурно-техническое воспитание подчиненных с учетом характера и требований современного военного дела к личности военнослужащих, к виду и роду войск, постоянная работа по морально-психологической подготовке личного состава к добросовестной воинской службе, к выполнению конституционного долга по вооруженной защите Отечества (стран Содружества) от агрессий, всестороннее повышение уровня педагогических знаний, умений и навыков в процессе воспитательной работы с личным составом.

В определении социальных функций офицерского состава имеются различные научные подходы. Одними из первых дифференциацию функций данной социально-профессиональной группы, их содержание научно обосновали такие ученые, как М.И. Дьяченко, Е.Ф. Осипенков, Л.Е. Мерзляк. Основное содержание военно-профессиональной деятельности командира, специалиста и воспитателя сводится, по их утверждению, к выполнению следующих функций: организаторской, воспитательной, военно-педагогической, военного специалиста, административно-хозяйственной, руководителя повседневной службы [3].

Известный военный ученый М.И. Дьяченко, рассматривая военно-профессиональную деятельность офицерского состава, приходит к выводу о том, что главная его функция – управленческая. Определяя содержание военно-профессиональной деятельности офицерского состава, он обосновывает следующие его функции: 1) общественно-политическая; 2) организационно-управленческая; 3) военно-специальная; 4) военно-педагогическая; 5) административно-хозяйственная [4].

В указанной работе данного исследователя с научно обоснованных позиций подробно раскрывается содержание каждой функции.

Характеризуя основные направления военно-профессиональной деятельности, а следовательно, и функции офицера российской армии, необходимо отметить, что в совокупности они преследуют одну цель – более эффективно и с меньшими материальными затратами укреплять боевую мощь отечественных Вооруженных Сил, поддерживать постоянную высокую боевую готовность воинских коллективов.

Поэтому, на наш взгляд, было бы целесообразнее, с точки зрения социологии, дифференцировать социальные функции офицерского состава на более общие – родовые, т.е. касающиеся всей данной социально-профессиональной группы в той или иной степени, и более конкретные – видовые, в соответствии с занимаемой должностью.

Основными (родовыми) социальными функциями офицера, на наш взгляд, могут являться:

- 1) профессионально-боевые;
- 2) социальные;
- 3) воспитательные.

В свою очередь, родовые функции подразумевают ряд видовых функций рассматриваемой социально-профессиональной группы в зависимости от специфики ее военно-профессиональной деятельности.

Видовыми функциями являются: командирско-начальственные, военно-педагогические, административно-хозяйственные, специальные (штатно-должностные), коллективистские и общевоинские.

Военно-профессиональная деятельность офицера является реальной движущей силой развития прогресса в военном деле, развития военной организации в целом, профессиональной культуры офицера и самой социально-профессиональной группы в целом.

В отечественной и зарубежной социологии интеллигенция (от лат. *intelligens* – мыслящий, разумный) понимается как социальный слой людей, профессионально занятых квалифицированным умственным трудом и обладающих необходимым для этого специальным образованием. В зависимости от выполняемых социальных функций и типа образования различают интеллигенцию: научно-техническую, инженерно-техническую, гуманитарную, медицинскую, художественную, педагогическую, военную [5].

В соответствии с данным подходом в данной статье офицеры рассматриваются как специфическая социально-профессиональная группа военной интеллигенции.

Офицер – это профессиональный военный. В большинстве современных государств офицеры составляют определенный социальный слой военной интеллигенции, требующий своего научного осмысления. Поэтому изучению данной проблемы посвящено немало исследований [6].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля слово «офицер» объясняется так: «общее звание военного, морского, гражданского чиновника, считая от унтер-офицерского до генеральского чина

включительно» [7]. «Словарь иностранных слов» содержит следующее определение: «Офицер (от нем. *offizier*) – лицо командного и начальствующего состава в вооруженных силах» [8].

В настоящее время под словами «офицерский состав» понимается административно-правовая категория лиц, имеющих военную или военно-специальную подготовку (образование) и персонально присвоенные офицерские звания [9].

В отличие от солдата [10] во всех регулярных армиях мира офицер является величиной постоянной.

Офицерский корпус – становой хребет любой армии. Эта истина многократно подтверждена отечественной и мировой историей. Специалисты едины в том, что главной трудностью при организации армии «является создание корпуса офицеров ... способных вдохнуть жизнь в новые формирования» [11]. Ф. Энгельс отмечал, что «для создания армии из вооруженных людей нужна прочная организация, которую олицетворяют офицеры ... регулярной армии» [12]. С потерей офицеров возможность использования армии исчезает.

Офицеры – важнейшая составная часть всех военнослужащих. Они составляют основу Российских Вооруженных Сил. По сфере приложения труда, содержанию, характеру и его сущности данная социально-профессиональная группа отличается от всех остальных социальных образований общества.

Различия по характеру труда – и тем самым по роли в общественной организации труда – выступают в качестве важнейшего критерия, позволяющего понять различия между социальными образованиями.

Взяв за основу методологию подхода, предложенную отечественными учеными М.Н. Руткевичем, Ф.Р. Филипповым и другими, мы можем более конкретно рассмотреть вопрос выявления принадлежности офицерского состава Вооруженных Сил и определить социальную оценку их труда. В соответствии с предложенным подходом совокупность индивидов по характеру трудовой деятельности делится на две основные группы:

- 1) социальные индивиды, занятые высококвалифицированным трудом, содержащим значительные творческие моменты (специалисты);
- 2) социальные индивиды, занятые трудом, в котором преобладают стереотипные операции (неспециалисты) [13].

Учитывая специфику Вооруженных Сил и возложенные на них задачи, необходимо подчеркнуть – в армии и на флоте офицерский корпус со-

ставляют в основном дипломированные специалисты, а неспециалистов представляет часть офицеров, имеющих дипломы, но не по выполняемой служебной специальности. Офицеров, не имеющих дипломов о среднем-специальном или высшем образовании, в Вооруженных Силах нет.

Поэтому, на наш взгляд, исходя из характера воинской деятельности (по сфере приложения труда, содержанию, сущности труда), офицерский состав можно подразделить на ряд основных групп военной интеллигенции:

- офицеры, занятые конструктивно-творческим трудом, требующим высшей военной квалификации. Сюда входит командный, оперативный, административно-инспекторский, конструкторский состав стратегического (высшего) звена, профессорско-преподавательский состав Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ;
- офицеры, занятые высококвалифицированным трудом, содержащим значительные творческие моменты. Сюда входят командный, административно-инспекторский, конструкторско-испытательный состав тактического звена, научные сотрудники различных военных НИИ, профессорско-преподавательский состав высших военных учебных заведений;
- офицеры, занятые квалифицированным трудом, имеющим творческие аспекты. Сюда входят командный состав батальонного (дивизионного), эскадрильного и ротного (батареинного) звена, командиры экипажей, специалисты, имеющие подчиненных, начальники служб, отделов, преподаватели средних военных учебных заведений;
- офицеры, занятые трудом исполнительского характера, содержащим творческие моменты. Сюда входят офицеры расчетного звена, имеющие подчиненных, а также другие офицеры, задействованные в сфере организации учебно-боевой подготовки личного состава, обслуживания техники. Это собственно командиры взводов, расчетов, некоторые члены экипажей, программисты ЭВМ, начальники отделений, инструкторы и т.п.;
- офицеры, занятые исполнительским трудом нетворческого (исполнительского) характера, где преобладают стереотипные операции. Сюда входят офицеры (в основном младшие), несущие воинскую службу по полученной (дипломной) специальности. Это инженеры, номера расчетов, операторы и т.п.

Внутреннюю структуру офицерского состава можно определить из пяти слов:

- 1) специалисты высшей квалификации с оперативно-стратегическим высшим военным образованием;

- 2) специалисты достаточно высокой квалификации с оперативно-тактическим высшим военным образованием;
- 3) специалисты с тактическим высшим военным образованием;
- 4) специалисты с высшим или специальным средним военным образованием;
- 5) специалисты со средним специальным военным образованием.

Исходя из сфер функционирования, офицерский корпус можно разделить на:

- 1) войсковые офицеры;
- 2) вузовские (преподаватели);
- 3) административно-управленческие;
- 4) конструкторско-исследовательские;
- 5) научно-исследовательские.

Основным критерием, определяющим офицерский корпус, является нахождение последнего на постоянной действительной военной службе по контракту.

Рассматривая внутреннюю структуру социально-профессиональной группы офицеров как военной интеллигенции, целесообразно, на наш взгляд, исходить из того, что в социальный состав общества по характеру труда в системе производства входят несколько социально-профессиональных групп, каждая из которых включает в себя специалистов, объединенных на основе сферы применения труда. В свою очередь, каждая социально-профессиональная группа интеллигенции делится на относительно стабильные и внутренне целостные объединения индивидов на основе конкретного вида их трудовой деятельности, составляющих органичные социально-профессиональные группы интеллигенции. Представители этих групп закономерно входят в малые социальные группы как часть больших социальных групп [14].

По своей внутренней структуре офицерский корпус в отличие от других социально-профессиональных групп интеллигенции профессионально неоднороден. Это совокупная социально-профессиональная группа военной интеллигенции, состоящая из представителей различных профессий множества профилей. Офицерский состав включает в себя представителей практически всех других профессиональных групп общества, которые объединены решением единых задач военного характера, едиными условиями труда, быта и жизнедеятельности, обусловленными спецификой военно-профессиональной деятельности.

Офицерский корпус неоднороден и по своему составу. Внутри него выделяются подгруппы, которые отличаются характером и содержанием выполняемых функций, особенностями военно-профессиональной деятельности, а также уровнем профессиональной культуры, сознательности и организованности. Стратификация данной социально-профессиональной группы проходит не только по служебно-формальным параметрам – звание, должность, но имеет и другие критерии: провинциальные и столичные представители офицерского корпуса достаточно сильно разнятся между собой, если не качественно, то количественно; есть офицеры, связанные с высокоинтеллектуальной технической деятельностью, и в то же время большая группа офицеров проходит службу в плохо укомплектованных частях с низким качеством вооружения, где боевая служба чаще всего подменяется хозяйственными обязанностями; офицеры, связанные с управлением (военные чиновники) по роду своей деятельности, значительно отличаются от «полевых» офицеров; есть войска, престиж которых крайне высок, куда многие стремятся попасть (десантные войска, войска оперативного и специального назначения), и есть войска, престиж которых крайне низок, с воинской деятельностью они связаны весьма относительно (строй-бат, железнодорожные войска и т.п.); большое значение в современной армейской иерархии имеет доступ к материальным и финансовым ценностям (продовольственная, вещевая, финансовая и автослужба). В зависимости от положения в этой системе можно дифференцировать современный офицерский состав.

Социально-профессиональная группа военной интеллигенции офицеров российской армии функционирует в особых условиях – в условиях подготовки, готовности к вооруженной борьбе и самой борьбы с врагом в экстремальных условиях. Ее труд необходим для всех членов общества и органически сливается с профессиональной деятельностью всех социальных индивидов, носит характер в высшей степени общественно полезной и необходимой профессиональной деятельности, имеет всеобщее значение для всех членов общества. Отсюда вытекает необходимость иметь социальную структуру данной профессиональной группы тождественной или близкой к социально-классовой (социально-групповой) структуре общества.

Социальная структура нашего общества высоко динамична и продолжает изменяться. В ходе такого изменения преобразуются все социальные группы интеллигенции. Как объективно считают отечественные социологи Г.И. Заславская и Р.В. Рывкина, социальная структура нашего общества находится в самом начале коренных изменений и преобразований и нуждается в более конкретной и подробной научной разработке [15].

Соответственно, на данный момент нет устоявшегося или, по крайней мере, общепринятого в научной среде социального разделения общества. В данном исследовании мы исходили из следующей социально-классовой структуры нашего общества [16]: предприниматели (крупные, средние, мелкие); государственные служащие (в том числе и военнослужащие); служащие негосударственных организаций; рабочие; крестьяне, интеллигенция и т.п.

В свете специфики воинской службы офицера российской армии можно выявить особые признаки и черты данной социально-профессиональной группы военной интеллигенции, которые отличают ее от других социальных групп интеллигенции и обуславливают ее место в социально-классовой структуре общества.

Главными признаками данной социально-профессиональной группы военной интеллигенции в отличие от других являются следующие.

Специфический характер воинского труда, сопряженного с физическим и морально-психологическим напряжением представителей рассматриваемой социально-профессиональной группы военной интеллигенции при исполнении служебно-функциональных обязанностей.

Офицеры составляют относительно постоянный контингент Вооруженных Сил и при выполнении задач, возложенных на армию, являются основной и решающей силой.

Среди офицерского корпуса существует строгая иерархия, где более высокие ступени, как правило, занимают старшие по воинскому званию.

Одним из главных признаков офицеров является то, что они как социально-профессиональная группа военной интеллигенции состоят из социальных индивидов, несущих действительную военную службу по контракту, и являются в руках политической власти инструментом организованной военной защиты Отечества. Современный офицерский корпус имеет строго разграниченное и конкретное социальное предназначение.

Одним из признаков офицера российской армии можно считать и то, что служебная обязанность для каждого строго регламентирована законом, различными документами (инструкциями, наставлениями, уставами, приказами и т.п.).

Офицер выполняет свои обязанности и пребывает в Вооруженных Силах только до определенного возраста, т.е. законом устанавливаются определенные сроки функционирования в данной социально-профессиональной группе военной интеллигенции.

Профессиональную неоднородность офицерского корпуса также можно отнести к одному из его признаков. Благодаря данному признаку в случае необходимости предусматриваются к призыву военнообязанные из числа представителей других социально-профессиональных групп интеллигенции. В особых случаях они могут быть призваны в армию и выполняют социально-профессиональную группу военной интеллигенции офицеров.

Данная социально-профессиональная группа военной интеллигенции имеет также и ряд специфических черт, отличающих ее от других групп. Остановимся лишь на некоторых из них.

Социально-профессиональные группы общества можно разделить по образу жизни (городские и сельские). Офицеры – особый вид социально-профессиональной группы военной интеллигенции, где образ жизни специфический (военный), отличающийся как от городского, так и от сельского.

Условия воинской службы, сама специфика функционирования офицера требуют от него не только глубоких знаний, развитого интеллекта, но и высокой социальной активности. Труд офицера сопряжен с совмещением физического и умственного напряжения в особых условиях.

Современный офицер, в отличие от других профессий, отмечен особой ответственностью за результаты своего ратного труда, что также является одной из специфических черт рассматриваемой социально-профессиональной группы военной интеллигенции.

В отличие от ряда других социально-профессиональных групп интеллигенции офицеры в большинстве своем состоят преимущественно из лиц одного пола (мужского).

Эта социально-профессиональная группа комплектуется из физически здоровых людей, могущих в случае необходимости стойко переносить все трудности и лишения воинской службы, а также быть в состоянии с оружием в руках бороться и побеждать противника.

При более глубоком рассмотрении признаков и черт офицерского состава как социально-профессиональной группы военной интеллигенции возможны и другие, отличающие ее от других социальных групп интеллигенции. Однако названные здесь признаки и черты являются, на наш взгляд, наиболее характерными и приемлемыми.

Характер воинского труда, признаки и черты офицеров российской армии способствуют их постоянному профессиональному росту и разви-

тию, в то же время они становятся действенным фактором в сплочении данной социально-профессиональной группы военной интеллигенции с другими социальными общностями.

Социальные функции офицера российской армии в настоящее время углубляются и приобретают все большую социальную значимость. Более разнообразным, сложным и ответственным становится характер его воинского труда и служебной деятельности.

Литература

1. Милорадов Н.А. Семья в системе факторов профессиональной деятельности офицера (социально-философский анализ). М.: Изд-во ГА ВС, 1993. – С. 20.
2. Федоров Г.С. Социально-экономическая природа воинского труда и характер его кооперации. М.: Воениздат, 1974. – С. 25.
3. Дьяченко М.И., Осипенков Е.Ф., Мерзляк Л.Е. Психолого-педагогические основы деятельности командира. М.: Воениздат, 1978. – С. 10.
4. Дьяченко М.И. Психология высшей военной школы. М.: ВПА, 1983. – С. 26–27.
5. Социологический энциклопедический словарь: на русском, английском, немецком, французском и чешских языках / редактор-координатор Г.В. Осипов. М.: Изд-кая группа ИНФРА-М; НОРМА, 1998. – С. 107.
6. Бухарова А.С. Современная западная концепция военной профессии // Сборник научных статей адъюнктов. – № 5. М.: ВУ, 1998. – С. 3–19; Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1963; Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993; Гильманов А.З. Военная интеллигенция как социально-профессиональная группа. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 1992; Иванов В.В. Русский офицер в контексте социальных преобразований: учеб. пособие. М.: ВУ, 1996; Иванов В.П. Формирование личности офицера. М.: Воениздат, 1986; Каменев А.И. История подготовки офицерских кадров в России. М.: ВПА, 1990; Назаров А.Н. Подготовка военных кадров и культура офицерского корпуса России: Монография. М.: Акад. ФСК РФ, 1994; Соловьев С.С., Образцов И.В. Российская армия: от Афганистана до Чечни (социол. анализ). М.: Нац. ин-т им. Екатерины Великой, 1997; Шарль де Голь. Профессиональная армия. М.: Гос. воен. изд-во, 1935.

7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М.: Рус-ский язык, 1989. – Т. 1. – С. 771.
8. Словарь иностранных слов. 12-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985. – С. 354.
9. Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 2005. – С. 531.
10. Солдат (от итал. *soldat* – монета, жалование) – первичное (младшее) воинское звание в армиях многих государств, категория военнослужащих и военнообязанных в званиях рядовой, ефрейтор.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 12. – С. 220.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 17. – С. 154.
13. Высшая школа как фактор изменения социальной структуры социалистического общества / под ред. М.Н. Руткевича, Ф.Р. Филиппова. М.: Наука, 1978. – С. 39–41.
14. Проблемы малых социальных групп более подробно см.: Гаврилов В.А. Малые социальные группы в социалистическом обществе. М.: Знание, 1968.
15. Заславская Г.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск: Наука, 1991. – С. 228–432.
16. Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении // Социс. – 2009. – № 3. – С. 15–26.

С. Ш. Евдокимова,

кандидат социологических наук

В. Я. Красниковский,

кандидат экономических наук, зав. социологической лабораторией кафедры

«Социология» Финансового университета

при Правительстве Российской Федерации

ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БЕЗРАБОТНЫХ ЖЕНЩИН

Цель настоящей статьи состоит в описании типов безработных женщин, выявленных авторами в процессе проведенных исследований. При этом, основаниями для выделения типов выступают в различных случаях как поведенческие и индивидуально-психологические особенности субъектов, так и особенности их взаимодействия со специалистами службы занятости. В некоторой мере, особенности описываемых ниже типов безработных, могут быть объяснены, исходя из выявленных нами особенностей характерного для них семантического пространства, также описываемого в предлагаемой работе.

К вопросу о типах безработных

Типология клиентов центров профориентации позволяет наметить стратегии работы с безработными женщинами от профориентационного сопровождения профессионального выбора к психолого-педагогическому сопровождению профессиональной карьеры. Для этого, по нашему мнению, необходимо рассмотреть то, «каким образом негативные реакции на увольнение могут побуждать людей к установлению нового жизненного порядка после шока, вызванного потерей рабочего места, так называемого, «справляющего поведения»¹.

Мы полагаем, что «справляющееся поведение» – это взаимодействие субъекта с социально-трудовой средой, осуществляемое для оптимальной его интеграции в сферу профессиональной деятельности при решении проблемы выбора не столько профессии, сколько социально-профессионального

¹ См. Каррье Р. Леана, Дэниэл К. Фельдман. Как справиться с потерей работы: сокр. пер. с англ. М.: Нива России, 1995. – С. 78.

пути, выражающееся в активных попытках человека упорядочить свою жизнь после переживания некоторого стресса. В ситуации потери работы «справляющееся поведение» означает целенаправленные, последовательные и структурированные этапы восстановления занятости.

Различают два наиболее общих типа «справляющегося поведения»:

- Первый тип – это попытки изменить окружающую среду, социальную действительность, а также, собственное психологическое состояние методом активного поиска нового рабочего места, подготовки, открытия собственного бизнеса и т.д.
- Второй тип – направлен на то, чтобы уменьшить «вторичные признаки» потери работы, а именно: депрессию, колебания самооценки, деформацию «Я»-образа. Такое поведение помогает справиться с чувством угнетенности, одиночества, но не может изменить само положение человека как безработного.

По мнению К. Леана и Д. Фельдман, на выбор безработным стратегии «справляющегося поведения» влияют: реакции человека на потерю работы и черты и свойства личности самого безработного. Дело в том, что, во-первых, некоторые люди рассматривают потерю работы как непреодолимый для них барьер, в то время как другие считают эту проблему менее угрожающей. Во-вторых, существуют достаточно устойчивые индивидуальные различия в том, как безработные пытаются справиться с неблагоприятными обстоятельствами своей жизни.

Необходимо отметить, что человек, оказавшийся в ситуации неопределенности, вызванной потерей работы, нуждается в создании для себя нового представления о реальности, способного объяснить случившееся с ним. Это переосмысление уменьшает неопределенность, позволяет человеку действовать, исходя из новых представлений, поэтому, данный процесс получил название «когнитивное оценивание».

«Оценивание» происходит по следующим параметрам таким как: интенсивность, причинность и обратимость. Интенсивность рассматривается нами с точки зрения масштабов стресса, дискомфорта или состояния опустошенности, которые вызваны потерей работы. Многими людьми безработица переживается как очень сильная стрессовая ситуация, разрушающая их жизнь.

Причинность изучается в наших исследованиях с позиций того, на кого возлагают ответственность за потерю работы. Причины потери работы, с точки зрения безработного, могут быть самые разнообразные – от экономической политики правительства до сомнения в своих собствен-

ных способностях и правильности ранее принятого решения о выборе профессии.

Обратимость исследуется нами в рамках возможности восстановления занятости, так как многие люди начинают оценивать себя как беспомощного, неспособного изменить сложившуюся ситуацию. С течением времени развивается «заученная беспомощность». Суть ее заключается в том, что люди, сталкиваясь с событиями, не поддающимися их контролю (сокращение, безуспешные поиски работы), приходят к убеждению, что их трудности не могут быть преодолены собственными усилиями, и, таким образом, «учатся» быть беспомощными¹.

В целом безработных по их отношению к своему положению можно разделить на три большие группы:

- Группа № 1 – люди, смотрящие на безработицу, как на явление случайное.
- Группа № 2 – люди, осознающие, что причины того, что с ними произошло, кроются в объективной экономической ситуации.
- Группа № 3 – люди, воспринимающие потерю работы как личную неудачу, а порой и как трагедию.

К группе № 1 относятся люди с еще значительным трудовым потенциалом, чаще – с высшим образованием, руководители, специалисты. Представители данной категории сразу же начинают поиск работы, достаточно активны в его организации, но, при этом, неосознанно хотят вернуться в прежнее положение или предъявляют завышенные требования к предполагаемой работе, глухи к советам что-либо изменить в профессионально – квалификационном статусе, переобучиться, сменить форму занятости. При этом, период длительность безработицы мало влияет на изменение самооценки в сторону большего реализма, но, объективно ведет в сторону снижения активности, утрате желания, а затем и возможности получить работу. Период активности в данном случае носит импульсивный и непродолжительный характер.

К группе № 2 относятся люди с наиболее активной и целеустремленной жизненной позицией, то есть, та часть безработных, которая, переживая трудности нового положения, главным считают его преодоление.

¹ См. Каррье Р. Леана, Дэниэл К. Фельдман. Указ. соч. – С. 96.

Группы № 3 представляют, в основном, люди, переживающие изменение своего положения, как крушение жизненных планов и надежд. Как правило, такие люди не могут ни самостоятельно выработать положительную установку на целеустремленный, самостоятельный поиск работы, ни опереться на сторонний авторитет.

Таким образом, если рассматривать обозначенные категории безработных в рамках трех измерений – интенсивность стресса (малая/высокая), возложение ответственности или приписывание причин увольнения (на себя/на внешние обстоятельства) и обратимость ситуации (малая/высокая), то можно подвести их под определенные типы с дальнейшим выявлением структуры их относительной частоты встречаемости (табл. 1).

Таблица 1

Типы безработных

№ п/п	Варианты сочетания характеристик измерений	Наименование типа безработного
1	Малая интенсивность стресса + возложение ответственности на внешние обстоятельства + малая обратимость ситуации	Фатально-безразличный – 7%
2	Малая интенсивность стресса + возложение ответственности на внешние обстоятельства + высокая обратимость ситуации	Адаптивно-безразличный с дурным отношенческим шлейфом – 4%
3	Малая интенсивность стресса + возложение ответственности на себя + малая обратимость ситуации	Пессимистично-безразличный – 8%
4	Малая интенсивность стресса + возложение ответственности на себя + высокая обратимость ситуации	Самоадаптивный (профессионал) – 9%
5	Высокая интенсивность стресса + возложение ответственности на себя + малая обратимость ситуации	Брошенный самоед-одиночка – 15%
6	Высокая интенсивность стресса + возложение ответственности на себя + высокая обратимость ситуации	Низкопрофессиональный «ставленник» – 40%
7	Высокая интенсивность стресса + возложение ответственности на внешние обстоятельства + малая обратимость ситуации	Дезадаптированный про-страционист – 11%
8	Высокая интенсивность стресса + возложение ответственности на внешние обстоятельства + высокая обратимость ситуации	Высокопрофессиональный «ставленник» – 6%

Существует два принципиально отличных подхода к типологизации социальных явлений или объектов:

Первый из них – теоретический – состоит в изначальном теоретическом или умозрительном выделении каких-либо типов с последующим поиском соответствующих образцов в реальной жизни. Второй же – эмпирический – заключается в выделении из множества встречающихся на практике образцов, тех, что обладают некоторыми общими типичными признаками, образцов, отвечающих определенным критериям-основаниям классификации с последующим подведением их под те или иные типы.

При реализации нашего исследования мы воспользуемся вторым подходом.

Сотрудники служб занятости имеют дело с безработными, которых можно отнести к следующим типам:

- «Работники» – это безработные, которые согласны на любую приемлемую работу и не затягивают с ее поисками. Таких людей не особо волнуют специализация, условия труда, лишь бы работа хорошо оплачивалась. Обычно такие люди составляют 5–10% обращающихся в службу занятости.
- «Мастера» – это безработные, которые также стремятся побыстрее устроиться на работу, но условия и характер новой работы им далеко не безразличны. По результатам нашего исследования, показатель таких безработных в общем массиве – не больше 15–20%.
- «Трудящаяся элита» – наиболее многочисленная группа безработных, относящаяся к поиску работы очень серьезно, не позволяющие себе и другим спешить в этом вопросе, спокойно выбирая подходящую и достойную для себя работу. Таких, по результатам наших эмпирических данных, среди безработных бывает до 35–40%.
- «Нахлебники» – безработные, ставящие главной целью обращения в службу занятости не решение проблем трудоустройства, а получение статуса безработного для сохранения трудового стажа, либо пособия по безработице. Таких безработных набирается, в среднем, до 30%.

Естественно, особенности того или иного типа безработного существенно влияют на стратегию поиска нового рабочего места¹.

¹ См. Гармашев А.А. Активность безработного по обеспечению собственной занятости и условия ее оптимизации. Автореф. Белгород, 1996. – С. 14.

Далее необходимо отметить, что, теряя работу, человек, закономерно, проходит определенные стадии стрессового состояния, стадии эмоционального развития. Знание социокультурных типов безработных и их психологические особенности может существенно облегчить работу профконсультанта службы занятости.

Следуя идее обозначенного выше эмпирического подхода к типологизации, мы предлагаем свою типологию, где основными типобразующими признаками являются: психологические особенности поведения личности в период вынужденной потери работы; действия по поиску работы; отношение к возможности трудоустройства; личные качества, ценности и возможности самореализации. Итак, рассмотрим эти типы.

«Активно-жизнедеятельный тип», характеризующийся личной активностью, социальной мобильностью, готовый на самоанализ, информационный поиск, пересмотр жизненных позиций, доброжелательный, стремящийся к сотрудничеству при проведении консультации, с внутренним анализом происшедшей с ним ситуации, внутренне подготавливается к возможной смене профессии, условий труда, уровня своего материального состояния. Такой тип достаточно адаптирован в современных условиях, готов к переобучению. По отношению к нему целесообразно занять следующую позицию: побуждать его к активному участию в решении проблемы.

«Незаинтересованный тип», который характеризуется иждивенческим отношением к бирже труда, проявлением инфантильности и потребительской позиции, отсутствием личной и социальной активности. Такие безработные часто состоят на учете в службе занятости несколько месяцев и попадают к профконсультанту по направлению и к инспектору по трудоустройству, которые не видят для них перспектив трудоустройства. Отличаются ригидностью своих жизненных позиций и затруднительностью дальнейшего профессионального самоопределения из-за нежелания проявлять личную активность и что-либо менять в своей жизни. По отношению к нему целесообразнее занять позицию: задавать ему вопросы информативного характера, вовлекая его в беседу; выяснять его точку зрения; постараться выяснить, что интересует лично его.

«Высокомерно-неприступный тип», отличающийся иждивенческой позицией по отношению к обществу, «которое лишило его работы» и, следовательно, к службе занятости, «которая ничем не может помочь ему и таким людям, как он в их ситуации». Требования к возможному месту работы таких клиентов – спокойная, несложная работа с постоянной, хорошей оплатой, т.е. схожесть вида самой трудовой деятельности с тем,

чем они занимались раньше. Безработные, относящиеся к данному типу, делают несколько попыток самостоятельно трудоустроиться, но, столкнувшись с определенными трудностями, постепенно отступают, считая исчерпанными все возможные варианты. Замкнуты, держатся отчужденно, внутренне не включаются в ситуацию обсуждения возможной смены профессиональной среды, условий труда, так как это кажется им недостойным их внимания и усилий. Желают получить от профконсультанта готовый совет, неохотно задумываются о переобучении. В этом случае необходимо: заинтересовать его в участии обсуждения проблемы; постараться установить с ним эмоциональный и психологический контакт, сделать его своим сторонником; если есть возможность, включать в формулировки решения его же высказывания и аргументы; применить прием отражения чувств (например, обратиться к нему с фразой: «Кажется, вы не совсем удовлетворены тем, что было вам предложено?»).

«Депрессивный тип». Он характеризуется крайней психологической нестабильностью, которую вызвало состояние вынужденной безработицы, чувствует себя ущемленным, обиженным. Люди такого типа часто бывают охвачены какой-то идеей, исходя из которой, обвиняют других – кого-то конкретно или весь мир в своих личных неудачах или неудачах и неурядицах в обществе. Часто агрессия и обвинения безработного из абстрактных переходят на недовольство работой службы занятости и профконсультанта. Во время профконсультации демонстрируют неспособность конструктивного решения.

Тактика поведения профконсультанта в этом случае – необходимо признать и оценить этого человека, показать ему, что его услышали и поняли, затем перевести разговор в конструктивное русло, переключить его внимание на решение проблемы. По отношению к нему рекомендуется следующая схема общения: беседуя с ним с глазу на глаз, применять нерефлексивное слушание, чтобы понять истинные причины его депрессивной позиции; не терять хладнокровия, предоставить ему возможность формулировать промежуточные заключения и подводить резюме; в критический момент суметь приостановить беседу, чтобы дать ему остыть. Отметим, что по данным наших выборочных исследований¹, из лиц,

¹ Исследование проводилось «на выходе» из районных отделов пяти московских окружных Центров занятости населения. Методической основой являлась схема сбора первичной информации при проведении «экзитполлов» – опросов, приуроченных к голосованиям на выходе из избирательных участков. Использовалась случайная выборка; объем – 430 человек. Сбор информации предполагал реализацию двух временных срезов, поэтому опрос проводился в течение всех рабочих дней одной летней и одной зимней недели.

обратившихся в ЦСЗН, доля представителей первого типа составляет около 6%, доля второго – 7%, доля третьего – 40% и на четвертый тип приходится около 47%.

Данная типология безработных может быть использована в ходе профессионального консультирования в службе занятости при создании программ переподготовки, учитывающих индивидуально-психологические особенности безработных женщин. Также, поможет адаптировать учебные планы курсов по переобучению к специфике статуса безработного, развивать и совершенствовать меры по психологической поддержке, социальной адаптации безработных женщин, увеличению объема и повышению качества профориентационных услуг, качества информационной культуры.

Для повышения эффективности, адресности профессионально-реабилитационной работы, при формировании банков методик ее проведения необходимо ориентироваться в том, с чем конкретно ассоциируется у безработных женщин их будущая работа: с какими ценностями и жизненными обстоятельствами. Для предварительного выяснения этого вопроса, нами было проведено специальное пилотажное исследование с использованием метода «Семантического дифференциала» Ч. Осгуда.

Краткие методические комментарии: суть метода «Семантического дифференциала», методические аспекты и схема анализа

Данный метод позволяет выявить степень близости интересующих нас понятий в смысловом (семантическом) пространстве, сформировавшемся в сознании представителей целевой аудитории. Кроме этого, метод позволяет выяснить структурную взаимосвязь ассоциаций, сопряженных с исследуемыми понятиями, а также – исследовать эмоциональную окраску слов.

Суть метода в следующем. Слова, понимаемые как стимулы, вызывают различные реакции, отличающиеся друг от друга двумя параметрами: качеством и интенсивностью (например: отличный/хороший; посредственный/плохой). Значение слова, таким образом, может быть определено как некоторая точка на шкале, задаваемая двумя полярными терминами (например: отличный/плохой). Семантический дифференциал – это метод количественного и качественного индексирования значений слов с помощью подобных двухполюсных шкал, задаваемых парой антонимичных прилагательных, между которыми даны семь делений, т.е. семь градаций степени вхождения того или иного слова в данное качество.

Например:

твердый _____ 0 _____ мягкий
 сильно средне слабо слабо средне сильно

Все используемые для оценки прилагательные объединяются в три основные независимые группы эквивалентных шкал. Каждая группа репрезентирует одно качество (одно семантическое измерение или фактор по терминологии Ч. Осгуда) и представлена четырьмя различными шкалами. Первый фактор – это фактор «оценки», представленный шкалами «приятный/неприятный», «красивый/уродливый», «хороший/плохой», «полезный/бесполезный». Второй фактор – фактор «силы», представленный шкалами «Тяжелый/легкий», «сильный/слабый», «большой/маленький», «густой/жидкий». Третий фактор – фактор «активности», представленный шкалами «активный/пассивный», «быстрый/медленный», «тихий/громкий», «возбужденный/расслабленный».

Все три фактора образуют, так называемое, семантическое пространство (СП) значений всех слов языка. Соответственно, каждое слово рассматривается в этом трехмерном смысловом пространстве, где измерениями (координатными осями) являются «оценка», «активность» и «сила».

Нами изучалось взаиморасположение в семантическом пространстве, характерном для группы безработных и незанятых женщин следующих понятий, среди которых два, – «Радость» и «Горе», – являлись тестовыми, т.е. выполняли роль индикаторов работоспособности методики, применительно к обследуемому контингенту и изучавшимся конкретным понятиям.

Остальные использованные слова соответствовали понятиям, обозначающим, во-первых, ценности, связанные с работой, трудоустройством человека (9. «Работа по специальности», 10. «Условия труда», 15. «Безработица», 18. «Учеба»), во-вторых, ценности, связанные с материальным достатком (4. «Достаток», 5. «Деньги», 8. «Устроенный быт»), в-третьих, ценности, связанные с социальным самочувствием человека (1. «Уверенность», 6. «Самореализация», 12. «Будущее», 14. «Независимость»), в-четвертых, общечеловеческие и семейно-бытовые ценности (8. «Устроенный быт», 11. «Дом», 17. «Радость», 20. «Семья»). Так как все названное изучалось в контексте социальных проблем трудоустройства женщин в рамках деятельности Государственной Службы занятости населения РФ, то в число тестируемых были включены такие понятия, как «Государство» и «Служба занятости».

Было опрошено 228 женщин-посетительниц первичных отделов Службы занятости в г. Москве. Опрос проводился на выходе из помещений соот-

ветствующих организаций. Была организована направленная, двухступенчатая выборочная совокупность. На первой ступени производился случайный отбор районных отделов (центров) занятости населения, осуществляющих прием граждан по всему комплексу профильных вопросов; на второй – случайным способом отбирались неработающие женщины-посетительницы этих организаций.

Полученные результаты и их анализ

Итак, выявленное взаиморасположение изучавшихся понятий и ценностей в семантическом пространстве, характерном для неработающих женщин-клиенток службы занятости отличается следующими особенностями (рис. 1).

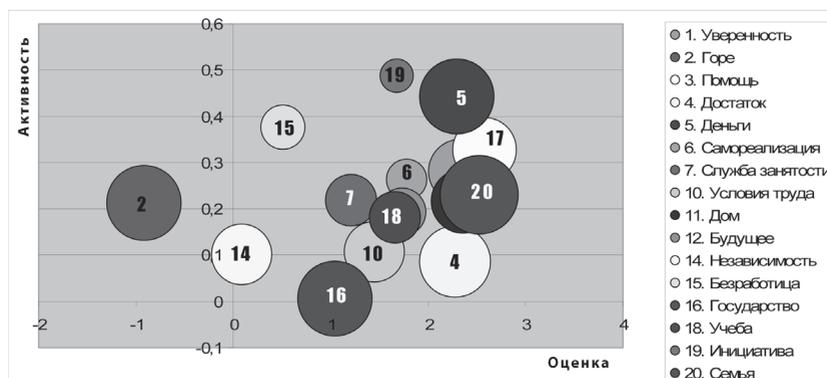

Рис. 1. Взаимное расположение (ассоциативная близость) понятий, обозначающих основные жизненные ценности и некоторые социальные институты в семантическом пространстве неработающих женщин (диаметр точки – треть из измерений: «сила»)

Все изучаемые понятия образовали 4 группы, наряду с которыми отдельно сосуществует в семантическом пространстве ряд обособленных понятий.

Рассмотрим их по мере снижения интенсивности такого параметра, как «оценка».

В первую группу вошли: 17. «Радость», 20. «Семья», 8. «Устроенный быт», 3. «Помощь», отнесенные нами к общечеловеческим и семейно-бытовым ценностям. Отметим, что ценность «Семья», в общем, оказалась не очень

далеко в семантическом пространстве от отнесенного нами к этой категории ценностей «Дом» (вошедшего во вторую ассоциативную группу). Внутри же этой, первой из выявленных, группы ассоциативно наиболее близких ценностей (в которой все они соизмеримы по фактору оценки, ассоциации с чем-либо ценным для опрошенных), наиболее высоко по шкале «активности» оценивается «тестовая» ценность «Радость». За ней следуют (по мере снижения оценки их активности) «Помощь», «Семья», «Устроенный быт». Если говорить о том, в какой мере эти понятия (ценности) ассоциируются в сознании респонденток с чем-то сопряженным с силой, мощью или надежностью, то лидирующие позиции в данной группе занимает «Семья», за которой со значительным отрывом следуют «Устроенный быт» и «Помощь». То есть, своеобразным ядром этой ценностно-ассоциативной группы являются «Семья» и «Помощь»; периферию же составляют «Устроенный быт» и абстрактная «Радость».

Следующую по мере снижения интенсивности фактора «оценки», вторую группу составили: 5. «Деньги», 1. «Уверенность», 11. «Дом» (ассоциативно близкий «Семье») и 4. «Достаток». Здесь оказались ценности, связанные с материальным достатком и социальным самочувствием человека; несколько чужеродным в этой группе представляется ценность «Дом», хотя логичность ассоциирования данного понятия (особенно в женской среде) с другими элементами этой группы представляется вполне обоснованной и понятной «на житейском уровне». Внутри этой, второй из выявленных групп ассоциативно наиболее близких ценностей, наиболее высоко по шкале «активности» оцениваются «Деньги». Отметим, что по этому критерию, в понимании наших неработающих соотечественниц, они довольно близко стоят к «Радости» и «Инициативе» (недаром, в массовое сознание в течение последних 15–20 лет «сверху» внедрялся как абсолютная истина тезис о необходимости «крутиться-по-жизни»). То есть сейчас «Деньги» представлены в сознании изучавшихся респонденток, прежде всего как то, получение чего зависит не от труда, но именно как от способности проявлять активность в разных сферах жизнедеятельности общества. Если же говорить о том, в какой мере эти понятия (ценности) ассоциируются в сознании неработающих женщин с чем-то сопряженным с силой, мощью или надежностью, то лидирующие позиции в данной группе занимают «Деньги», за которыми с некоторым отрывом следуют «Достаток» и «Уверенность». В этой группе присутствует и такая ценность, как «Работа», однако она достаточно низко находится на шкале «силы», слабо ассоциируется с «Деньгами», но довольно тесно ассоциируется как с «Домом», так и с «Достатком». Это говорит о следующей специфической настроенности неработающих женщин на восприятие «Работы» как одной из ценностей нашего бытия, повторно адаптировать к которой

их и стоит задача: она (эта настроенность) может быть охарактеризована следующим образом:

Если деньги в наши дни не ассоциируются у опрошенных с чем-либо, кроме «Уверенности» и «Радости»¹ (да, и то, – не очень тесно) – но, уж – точно – не с их зарабатыванием посредством труда, то все, что связано с домом, опять же, уверенностью, работой и достатком, – имеет для наших респонденток иные, нежели чем чисто денежные основания.

Так, работа для них в первую очередь ассоциируется не с трудовой деятельностью по найму, а с трудовой нагрузкой «по дому»². С этим же в сознании женщин, потерявших работу сопрягаются и «Достаток» с «Уверенностью». Подчеркиваем, что все это в понимании наших респонденток связано не с деньгами, не с их зарабатыванием, но с активностью в иных сферах социальной жизнедеятельности. Более того, в нашей, предложенной опрошенным тестовой ситуации, оказалось, что «Работа» и «Работа по специальности» ассоциативно очень далеки друг от друга. Это связано с тем, что в понимании обследованных женщин работа, в первую очередь, ассоциируется с домашним трудом, а «Работа по специальности» – с трудовой деятельностью по найму.

«Работа по специальности» же наиболее ассоциативно близка в сознании наших женщин к «Условиям труда» (и, к сожалению, больше ни к чему из предложенного им).

Третья группа по степени снижения интенсивности фактора «оценки» – это такие ценности, как: 19. «Инициатива», 18. «Учеба», 12. «Будущее», 6. «Самореализация». Они ассоциируются с чем-то, что имеет оценку несколько выше средней. Первые три из названных ценностей составляют «костяк» этой группы. За исключением стоящей особняком «Инициативы», эти ценности наделяются нашими респондентами средней и ниже среднего активностью, ассоциируясь при этом с небольшой силой.

Как видно из приведенной иллюстрации (рис. 1), они ассоциативно далеки как от «Работы по специальности» и «Условий труда», так и от «Денег», «Достатка», «Дома», «Работы» и прочих из рассматриваемых ценностей.

¹ Есть основания полагать, что и ценность «Радость» в сознании большинства наших сограждан носит некий «шалшой» характер.

² На это указывает и то, что в семантическом пространстве ценности «Работа» и «Работа по специальности» не только отстоят друг от друга весьма далеко, но и на пути возникновения между ними возможной ассоциативной связи расположен барьер в виде групповой связки «Учеба», «Будущее», «Самореализация».

Это значит, что в сознании безработных женщин ценности этой группы (выделенной по основанию близости показателей по критерию «оценка») – «Инициатива», «Учеба», «Будущее», «Самореализация» – практически не ассоциируются: ни с ценностями, связанными с материальным достатком и социальным самочувствием человека («Деньги», «Уверенность», «Дом», «Работа» и «Достаток»); ни с ценностями, связанными с работой, трудоустройством человека («Условия труда» и «Работа по специальности»); ни с ценностями общечеловеческого и семейно-бытового характера («Устроенный быт», «Дом», «Радость», «Семья»); наконец, практически так же, как ценности первой и второй групп, они очень слабо ассоциируются с «Государством» и «Службой занятости».

Следующая, четвертая, группа – «Работа по специальности» и «Условия труда», – к сожалению, в семантическом пространстве обследованных респонденток не ассоциируется ни со службой занятости, ни с нашим государством, ни с заработками (деньгами), ни с семейно-бытовыми ценностями, ни с ценностями, отражающими уровень социального самочувствия людей. То есть, ценности, связанные с работой, обособлены и практически не ассоциируются с прочим содержимым семантического пространства.

Далее следуют довольно «рыхлая» группа, состоящая из двух понятий – «Служба занятости» и «Государство», ассоциативная отдаленность которых говорит о том, что респонденты в основной своей массе не надеются на их помощь в решении своих социально-трудовых проблем; а также – «Безработица», «Независимость» и тестовое понятие «Горе». Все они малоценны, кроме «Безработицы», мало- и средне активны, существенно различаются по измерению «Сила».

Выявленные особенности можно интерпретировать следующим образом. Сознание безработных женщин находится в таком состоянии, да и сложившаяся в обществе ситуация способствует тому, что ценности, теоретически, могущие работать на дело социально-трудовой реабилитации безработных и незанятых женщин, не выполняют эту функцию. Деньги, достаток в доме, социальное самочувствие практически не ассоциируется у наших опрошенных с работой по найму. В их ценностно-мотивационном комплексе имеются существенные разрывы и рассогласования.

Однако, учет особенностей ценностного сознания, зафиксированных с помощью метода семантического дифференциала, вполне может содействовать повышению эффективности работы по профессиональной адаптации безработных.

Т. Л. Лихачева,

*кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник
Института инновационной деятельности в образовании (ИНИДО) РАО*

ТЕОРИЯ «СОЦИАЛЬНОГО ЭХА» КАК СИСТЕМА ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Основы концепции «социального эха»: авторская интерпретация

Вопрос реакции социума на инновационные процессы в современном российском образовании волновал государство, как важнейший общественный институт, всегда. Пройдя длительный путь развития, сегодня, эта необходимость реализуется в изучении профессионального и общественного педагогического мнения, осуществляемого множеством организаций, реализующих различные методики. Однако, все они, по мнению автора данной работы, обладают одним недостатком. Он выражается в известной фрагментарности большинства методик и всего лишь относительном соответствии математического аппарата обработки информации тем целям и задачам, которые ставятся перед ним в условиях применения. В этой краткой работе автор остановится на узловых моментах теории «социального эха», разработке которой сегодня уделяет наибольшее внимание.

Начнем с терминологии. Сегодня, пытаясь описать, объяснить и спрогнозировать результаты инновационной образовательной деятельности на общество в целом, мы должны использовать три основных термина, которые означают собой три узловых аспекта этого воздействия: это – результат, реакция и рефлексия. Эти термины достаточно часто подменяют друг друга. Существуют исследования, в которых речь идет о социальной реакции на инновационную образовательную деятельность, но, на самом деле, изучается социальная рефлексия и наоборот.

Итак, социальный результат есть те трансформации социальной действительности, которые будучи выраженными в возникновении, изменении и прекращении соответствующих общественных отношений, выступают следствием конкретной инновационной политики в образовании. Социальная реакция представляет собой, по мнению автора, деяние или комплекс деяний как ответ социума на реализуемый процесс и ее результаты. В свою очередь, социальная рефлексия есть отражение хода и

результатов осуществления конкретной инновационной политики в образовании в индивидуальном/групповом/коллективном общественном сознании. Именно это отражение, эта рефлексия и выступает основой формирования «социального эха», как динамической формы выражения социального рефлекта.

Разрабатывая и представляя здесь концепцию «социального эха», автор считает необходимым упомянуть еще об одном важном факторе, обуславливающем его воплощение в действительности. Это, так называемый, «социальный ландшафт», то есть выраженная в виде «ландшафтных» представлений «социальная поверхность», обуславливающая структуру и содержание социального эха, отраженного от нее. При этом, продвигаясь по принципу «отражения от поверхности», «социальное эхо» может быть отражено адекватно, отражено с искажениями или не отражено вовсе.

Технологии использования такого рода построений не новы. Так, американская общественная наука уже достаточно давно выстраивает, так называемые карты «социальных температур». Однако, построение «социального ландшафта» предусматривает не простую констатацию факта о высокой или низкой температуре накала борьбы на каком-либо географическом пространстве. Построение «социального ландшафта» призвано осуществить пространственное моделирование общества в виде поверхности с обязательным ее качественным районированием.

Конечной технологической целью реализации предлагаемого, может стать моделирование социального ландшафта образовательных инноваций в объемах целой страны, например России. Создание такой объемной модели позволит прогнозировать рефлексию общества на принятые решения в широкой области образования. Причем, важным фактором здесь станет учет специфики принятого решения, которая определит «социальное эхо», которое поступит из разных районов ландшафта. Предлагаемая технология обеспечивает также и ощутимые возможности для прогнозирования как самого «социального эха», так и специфики осуществления инновационных решений, принимаемых на федеральном уровне и в регионах.

Таким образом, предлагаемая автором концепция «социального эха» есть выражение общественной рефлексии конкретной инновационной политики в образовании, обусловленной «социальным ландшафтом». Именно эта концепция при ее применении даст возможность развести явления реакции и рефлексии в социологических исследованиях в области образования и получить более адекватную, чем при использовании многих современных инструментов, картину функционирования и развития общества.

Феномен социального эха и подходы к его моделированию как явления

Современное российское общество отличает необычайная сложность социальных процессов и явлений. Они проявляются в политической, экономической, национальной и культурной сферах жизни общества. Сложность их проявляется как в частных процессах, так и на уровне единого целого, жизнь российского социума проявляется во всем разнообразии взаимозависимостей целого и частного, общего и специфичного.

Специфичность отечественного социального процесса в целом, и его составных частей в частности, проявляется в синтетичности, разнообразии базисных социокультурных и этнонациональных оснований, отсутствии единой ведущей религии, одновременном влиянии западных и восточных культур. Все указанные особенности отражены в механизмах сохранения и модернизации социума, где ведущая роль принадлежит процессам взаимодействия акторов с социумом в целом, составляющих сущность общественной системы. В этой конструкции значимые для общества нормы, ценности, смыслы и обычаи социокультурной практики, являются основанием оценки инновационной политики в образовании и трансформации общественных отношений, как результата их реализации.

В советский период официально единообразная система оценки обществом принятых и реализованных политических решений в сфере образования, обуславливалась жесткой регламентацией отношений партийно-политической системы, как ведущего актора общественных отношений, так и социума. Эта регламентация крайне затрудняла донесение до политического актора реального, а не ложного или мифического, отношения к происходящему в обществе вообще и конкретным образовательным процессам в частности. Сегодня же, новые условия жизни российского общества стимулируют появление каналов взаимосвязи между социумом и властно-политической системой, приводят к активизации информационного обмена, требуют дифференциации властно-политического воздействия и привязки его к особенностям социального ландшафта в такой специфической области как образование.

Исходя из этого, перед акторами встают такие вопросы как: **«Как проектировать модели инновационных процессов в образовании и, в связи с этим, трансформаций общественных отношений, порождаемых принятыми и реализованными инновационными политическими и социальными решениями; основываясь на каких критериях, пользуясь какой методикой отобрать тип инновационного образовательного решения, адекватный не только ха-**

рактическим проблема, которую оно призвано решить, но и конкретным социально-экономическим, политическим и культурным условиям?». В настоящее время существует несколько практических способов разрешения обозначенной проблемы. Анализ опыта инновационного управления, научной литературы, общественно-политической и педагогической периодики позволяет выделить три основных способа:

1. Характеризуется попыткой политиков-практиков (М. Шаймиев, М. Рахимов, Р. Аушев, А. Тулеев и др.) создать новые, по сравнению с советскими, типы систем принятия инновационных политических решений в целом и в образовании, в частности, на основе обобщения местного опыта и с учетом национальных, этнических и экологических особенностей территорий. Они выделяют существенные признаки традиционно сложившихся форм и типов осуществления образовательного процесса и процесса взаимодействия социум – власть, и на их основе вырабатывают и принимают инновационные политические решения, отвечающих конкретным условиям их местности.
2. Представляет собой модернизацию ранее существующих систем принятия и исполнения инновационных политических решений, в современных условиях России конца XX – начала XXI века (Б.Н. Ельцин, Е.С. Строев, В.А. Стародубцев (в эпоху губернаторства в Тульской области).
3. Предлагаются современными учеными и практиками общественных деятелей (В.В. Путин, Д.А. Медведев). Они предполагают создавать объединенные комплексные структуры инновационно-управленческих модулей разного уровня, со специализированными задачами.

Анализ этих способов позволяет сделать следующий вывод: ни один из вышеназванных способов не в состоянии охватить все многообразие внешних и внутренних факторов, определяющих специфику территорий и присущих им особенностей образовательного процесса. Не дает возможности определять виды и типы взаимозависимости между конкретными специфическими условиями региона и внутренними особенностями функционирования социума и его компонентов, генерируемых и уже существующих на этих территориях. В указанных подходах не используются методики разработки, проектирования и отбора инновационно-политических решений, адекватных местным условиям; в них не выделяются критерии, на основании которых можно было бы обоснованно генерировать и моделировать инновационно-политические решения адекватные комплексу исходных и производных факторов.

Вместе с тем, современная социально-общественная и образовательная ситуация в нашей стране ставит российское общество перед необходимостью преодоления объективного противоречия между желанием актора иметь определенный тип реакции социума на результат реализации принятых решений, и социокультурными и общественными условиями, приводящими к не запланированной реакции, не соответствующей ожиданиям актора. Разрешение такого противоречия возможно через создание специальной технологии выявления, моделирования и проектирования «социального эха», адекватных конкретным условиям реализации инновационно-политического образовательного решения в объеме страны, региона, территории, местности, на основании выявленных социокультурных и политических критериев.

Сказанное выше позволяет сформулировать рабочее определение «социального эха» как явления и представить его в следующем виде: Социальное эхо, есть донесенное до актора отношение социума к результатам социально-образовательных процессов и трансформаций. Данное определение является рабочей формой концептуального определения, приведенного выше.

Переходя к вопросу подходов к моделированию социального эха как явления, автор считает необходимым начать с допущений, при которых должно выполняться моделирование:

1. Вся Российская Федерация в целом и ее конкретные регионы, характеризуются общими и специфическими социокультурными, политическими и экономическими факторами, обуславливающими рефлексию социально-политических трансформаций. Они могут быть выявлены, сгруппированы, формализованы и представлены в виде семантических (знаковых) моделей (матриц):

- а) **эталонных**, отражающих идеальную совокупность факторов;
- б) **конкретных**, отражающих реальную совокупность факторов.

2. Любой район «социального ландшафта», обладает общими и специфическими признаками, которые могут быть выявлены, классифицированы, формализованы и представлены в виде семантических моделей:

- а) **эталонных**, отражающих идеальную совокупность внутренних признаков;
- б) **конкретных**, характеризующих реальную совокупность признаков.

3. Проектирование и моделирование политических решений, адекватных федеральным и региональным условиям, эффективны при наибольшем

соответствии конкретных моделей совокупности эталонных моделей, то есть, при наибольшем приближении конкретных региональных, территориальных и местных моделей к эталонным.

Таким образом, если процентное совпадение **конкретных** моделей социального эха по отношению к **эталонным** равно или превышает 50%, то на основании социокультурных, политических и экономических критериев соответствия возможно проектирование, отбор, принятие и эффективная реализация предлагаемого политического решения в конкретных условиях России в целом и ее регионов в частности.

Основу подхода к моделированию социального эха составляет, по мнению автора, процедура отбора и формализации основных внешних и внутренних факторов, влияющих на реализацию политических решений и последующих их результатов. Осуществление указной процедуры позволяет позже, сформировать действующий механизм разработки модели социального ландшафта.

Из множества регионов Российской Федерации выбираем в качестве апробационного поля Центральный регион России и рассматриваем его в комплексных условиях страны в целом. Двухединый анализ этих условий позволяет выделить доминирующие группы факторов: внешние (социально-экономические, демографические и национально-культурные) и внутренние (социально-политические, психологические, управленческие). Основанием для анализа послужило универсальное понятие «уровень», то есть «...состояние развития чего-либо относительно какого-либо условно выбранного параметра»¹. Поэтому, элементы выделенных групп рассматриваются с точки зрения уровня развития значений их параметров.

Социально-экономические факторы представляют собой явления и процессы, отображающие совокупность уровней развития промышленности, сельского хозяйства, коммуникаций, цен, финансов, товарооборота, приватизации и предпринимательства, жизни общества.

Демографические факторы рассматриваются как совокупность общей численности населения; соотношений сельского и городского, мужского и женского населения; возрастных соотношений; репродуктивного потенциала; миграционного состояния; национального состава населения и здравоохранения.

¹ Советский Энциклопедический Словарь. М., 1979. – С. 1391.

Национально-культурные факторы характеризуют уровни сохранения обычаев и традиций; состояния религии и идеологии; востребования обществом культурных учреждений; развития фундаментальных, прикладных и гуманитарных наук; развития системы образования и общего культурного уровня населения.

Педагогические факторы представлены условиями внутренней организации, координации и осуществления образовательного процесса, в пределах региона, совокупности регионов, составляющих конкретный район социального ландшафта, а именно: педагогическими кадрами, комплексом политических характеристик населения и системой организации инновационных процессов в образовании.

Все выявленные факторы, определяющие социальное эхо и ландшафт, могут быть формализованы с помощью разработанных автором алгоритмов, которые дают возможность представления внешних и внутренних условий развития формирования социального эха в виде цифро-буквенной совокупности, то есть матрицы. В данном случае эти матрицы играют роль моделей, с помощью которых проводится исследование взаимозависимости между внешними и внутренними процессами рефлекта социально-общественных, в том числе, образовательных трансформаций, а также определяются критерии проектирования и отбора проектов образовательных решений для конкретных районов социального ландшафта.

Ниже представлены авторские алгоритмы матричного моделирования социального эха.

Алгоритм № 1

Формализация внешних факторов формирования социального эха

1 этап. Определение доминирующих групп факторов жизнедеятельности и развития района социального ландшафта.

2 этап. Разбиение каждой группы факторов на составные элементы.

3 этап. Выявление характеристических показателей элементов на основе статистических данных и факторного анализа.

4 этап. Придание всем показателям семантического (знакового; цифро-буквенного) обозначения.

5 этап. Формирование семантических (эталонных и конкретных) моделей (матриц).

6 этап. Факторный анализ (сравнение) семантических эталонных и конкретных моделей (матриц).

**Формализация внутренних факторов жизнедеятельности
района социального ландшафта**

1 этап. Составление число-буквенной совокупности, отражающей группу «Политические силы» базисных признаков района (1 строка матрицы).

2 этап. Составление число-буквенной совокупности, отражающей группу «Политические характеристики населения» базисных признаков района (2 строка матрицы).

3 этап. Составление число-буквенной совокупности, отражающей группу «Педагогический процесс» базисных признаков района (3 строка матрицы).

Однако, для осуществления алгоритмов № 1 и № 2, необходимо выполнить процедуру определения градаций, то есть уровней развития каждого показателя множества внешних факторов. Для этой цели служит следующая последовательность действий.

**Определение параметров и градационных разбиений
внешних факторов**

1 этап. Составление таблицы по всем областям Центрального региона России, включающие все показатели определяющих факторов.

2 этап. Выявление статистических данных по годам (1985–1992 гг., 1993–1999 гг., 2000–2009 гг., 2010 г. – настоящее время).

3 этап. Вычисление средних показателей по всем факторам.

4 этап. Определение уровней развития каждого фактора по сравнению со средними показателями, взятыми за критериальные границы.

5 этап. Учет тенденции развития: (+) – подъем; (-) – спад;

6 этап. Определение градационной оценки уровня развития любого показателя факторов через общую сумму.

Применение разработанных алгоритмов позволило формализовать внешние и внутренние факторы формирования социального эха в реальных условиях областей центральной России. Они выражаются матричными совокупностями, выступающими в качестве моделей (эталонных, отражающих идеальные совокупности внешних и внутренних факторов формирования социального эха и конкретных, отражающих реальные совокупности внешних и внутренних факторов его формирования в конкретном районе социального ландшафта).

Прикладные аспекты моделирования социального эха

Каждая сформированная ранее матрица представляет собой своеобразную форму модели внешних и внутренних условий жизнедеятельности конкретных районов социального ландшафта, обуславливающих собой рефлексию социумом социально-политических и образовательных трансформаций. Эти модели используются в виде математических конструктов, отражающих объект и предмет исследования. Формирование матриц рассматривается как процесс проектирования моделей социально-политического и образовательного состояния и развития различных районов социального ландшафта, применительно к рефлексии политико-правового инновационного воздействия актора. Эти модели отвечают общим требованиям, предъявляемым к проектам формализованных (математических) конструкций, то есть они эффективны, надежны, обладают стабильной прочностью, технологичны, эстетически выдержаны и экономичны.

В данном случае, процесс проектирования моделей внешних и внутренних условий формирования социального эха рассматривается как модельный эксперимент, специфика которого, заключается в косвенной, опосредованной моделью, проверке высказанного теоретического предположения. Так как эта проверка относится уже не к самой модели, а к сущности натурального объекта – реального рефлекта социума на деятельность актора, то изучение взаимозависимостей моделей, играющих роль внешних и внутренних условий рассматривается как исследование взаимозависимости реально существующих процессов и явлений жизни общества.

Данные условия выполняют функции оснований, позволяющих разработать процедуру последовательных действий по формированию матричных совокупностей.

Раскрывая сущностное содержание данной технологии, покажем наполняемость каждого элемента, то есть придадим каждому компоненту определенные смысловые значения:

1. Образные (иконические) модели.
2. Гипотетическая модель.
3. Умозрительные модели внешних и внутренних факторов формирования социального эха.
4. Изучение, отбор и классификация факторов развития районов социального ландшафта.
5. Определение элементов матриц (моделей).

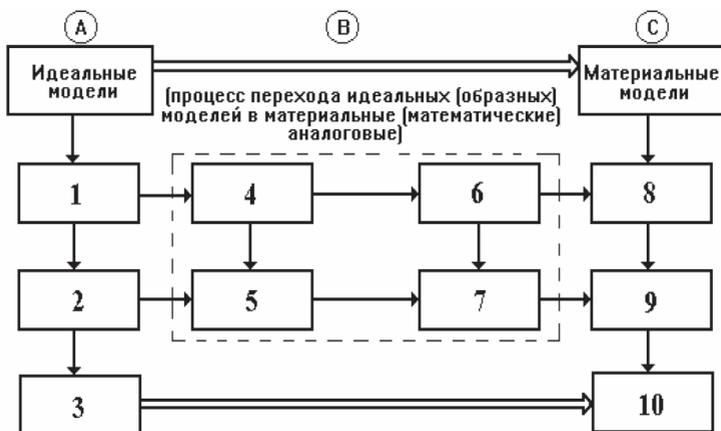

Рис. 1. Технология создания матриц как моделей

6. Формирование совокупности факторов развития районов социального ландшафта и определяющих их условий.
7. Создание строк элементов матриц (моделей).
8. Математически подобные модели.
9. Формирование совокупности объединений факторов развития районов социального ландшафта и определяющих его условий.
10. Создание аналоговых математических моделей, то есть формирование полных матриц (моделей) социального эха и определяющих его условий (социальный ландшафт) в формализованном виде.

Созданные таким образом матрицы являются математическими моделями и дают возможность исследования взаимозависимостей между внешними и внутренними факторами желаемого (проектируемого) социального эха и реальными условиями конкретных районов социального ландшафта. Такое исследование производится посредством сравнительного факторного анализа исходных и производных данных параметров элементов, составляющих модельные совокупности.

Результаты данного анализа позволяют установить соответствие эталонных и конкретных, территориальных и социально-политических матриц друг другу. Используя данные выявленных взаимозависимостей эталонных моделей, разрабатывается последовательность действий по отбору проектов моделей социального эха, характерных для конкретных районов социального ландшафта.

**Отбор проектов моделей социального эха
для центрального региона России**

1 этап.

1. Анализ параметров элементов основных групп внешних факторов, идентифицирующих конкретное территориальное образование.
2. Проектирование модели конкретного территориального образования (района социального ландшафта).
3. Определение степени процентного соответствия конкретной территориальной модели (КТМ) эталонной территориальной модели (ЭТМ) методом матричного наложения.

2 этап.

1. Анализ элементов базисных внутренних политических факторов, имеющих в наличии на конкретной территории.
2. Проектирование конкретной модели социального эха (КМСЭ).
3. Определение степени процентного соответствия конкретной модели социального эха – эталонной методом матричного наложения

3 этап.

1. Определение соответствия эталонной модели социального эха – эталонной территориальной модели (ЭТМ), на основе выявленных взаимозависимостей ЭТМ и эталонной модели социального эха (ЭМСЭ).
2. Проведение экспертной оценки.

Алгоритм № 5

Условия экспертной оценки

1. Территориальные.

1.1. Совпадение конкретной территориальной модели (КТМ) с эталонной территориальной моделью (ЭТМ) на 50 и более процентов означает возможность проектирования модели желаемого социального эха.

1.2. Совпадение конкретной территориальной модели (КТМ) с эталонной территориальной моделью (ЭТМ) менее, чем на 50% означает невозможность проектирования модели желаемого социального эха из-за отсутствия необходимых внешних факторов развития района социального ландшафта.

2. Рефлексивные.

2.1. Совпадение конкретной модели социального эха (КМСЭ) с эталонной моделью социального эха (ЭМСЭ) на 50 или более процентов означает возможность реализации проекта созданной модели желаемого социального эха.

2.2. Совпадение конкретной модели социального эха (КМСЭ) с эталонной моделью социального эха (ЭМСЭ) менее чем на 50% означает невозможность реализации проекта созданной модели желаемого социального эха из-за отсутствия необходимых внутренних социально-политических базисных факторов.

3. Условия взаимозависимости.

3.1. Взаимосовпадение конкретных территориальных и моделей социального эха должно составлять 50 и более %. Только в этом случае возможен вывод экспертной оценки о возможности реализации на данном участке политического ландшафта конкретного политического решения.

Такое соответствие обеспечивает возможность нормального функционирования социума при условии непрерывного политико-правового воздействия актора в настоящем и прогнозируемом будущем, то есть, таким образом, отобранная модель политического решения имеет основания к позитивной реализации в данном районе. Данная методика есть разработанный комплекс критериев, на основе которых ведется анализ исходных и производных факторов, а также отбор проектов моделей политических решений:

1. Социально-экономический критерий, на основании которого определяется соответствие реальных объективных условий социального и экономического развития района социального ландшафта желаемому типу социального рефлекса результата реализации политического решения.

2. Демографический критерий, определяющий соответствие демографических показателей состояния населения района социального ландшафта желаемому типу социального рефлекса результата реализации политического решения.

3. Национально-культурный критерий, определяющий соответствие национальных традиций, этнических особенностей, привычек, условий и образа жизни, вероисповедания, общего культурного уровня населения района социального ландшафта желаемому типу социального рефлекса результата реализации политического решения.

4. Образовательно-педагогический критерий, на основании которого определяется соответствие базовых внутренних признаков образова-

тельного процесса, со всеми его субъектами и их показателями, желаемому типу социального рефлекта результата реализации инновационно-политического решения.

На основании данного комплекса критериев производится:

- а) анализ характеристических показателей основных внешних и внутренних групп факторов, определяющих социальный ландшафт и рефлект;
- б) формирование ЭТАЛОННЫХ ландшафтных и рефлектных матриц, являющихся «идеальными» моделями данных социальных и политических структур;
- в) формирование КОНКРЕТНЫХ ландшафтных и рефлектных матриц, являющихся реальными моделями данных социально-политических и образовательных структур;
- г) анализ соответствия ЭТАЛОННЫХ и КОНКРЕТНЫХ ландшафтных и рефлектных моделей;
- д) экспертная оценка и расчет процентного соответствия;
- е) отбор вариантов проектов моделей политических решений популистских и непопулистских для конкретного района социального ландшафта;
- ж) отбор для конкретного района наиболее адекватной и органичной ему конкретной модели политического решения.

Итак, представленная концепция «социального эха» рассматривается автором как один из вариантов возможных направлений развития социологии образования в ракурсе теоретического и практического преломления вопроса связи образовательных акторов и социума.

Л. М. Селезнева,

*кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Социология»
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации*

Н. И. Киселева,

*кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры «Социология»
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации*

МОНИТОРИНГ КАК СРЕДСТВО УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ

Вхождение в болонский процесс кардинально изменило образовательное пространство России. И хотя не все изменения можно считать позитивными, одним из ее главных, а может быть и единственным достоинством является внедрение системы качества образовательного процесса. Большие надежды в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации возлагаются на Центр качества образования. Основной целью Центра является создание, функционирование и постоянное развитие эффективной, адекватной и результативной системы менеджмента качества (СМК) Финансового университета, осуществление внутреннего контроля качества образовательного процесса и научно-исследовательской деятельности, а также других процессов, обеспечивающих функционирование Финансового университета как научно-образовательного комплекса. Успешная деятельность позволила Финансовому университету получить сертификат соответствия международным требованиям качества ISO 9001: 2008. Однако учебный процесс требует постоянного пристального внимания со стороны руководства Университета и постоянной актуализации методов и инструментария исследования.

Традиционно качество оценивается через педагогические показатели: успеваемость, аттестация текущая и выпускная. Однако только системный подход к его оценке позволяет достоверно определить конкурентоспособность выпускников в профессиональной среде. Вузы перешедшие на уровневую подготовку, а тем более имеющие сертификат ISO уже столкнулись с организацией мониторинга учебной деятельности, который охватывает все стороны студенческой жизни и подразделений вуза. Так, например, Финансовый университет регулярно проводит мониторинг абитуриентов, первокурсников, успешности обучения студентов, магистров, выпускников, работодателей.

При этом особое внимание уделяется взаимодействию с работодателями. Уровень и масштаб требований работодателя, как правило, на-

прямою зависит от уровня полученного образования. Иными словами, наличие диплома обязывает соответствовать высоким стандартам рынка труда. В то же время, с точки зрения большинства работодателей, современные выпускники вузов по приведенным выше параметрам явно отстают от актуальных требований. Проблемой является значительный разрыв между вузовской теорией и тем, что ожидается от выпускников на практике. Работодателями отмечается готовность укрепить сотрудничество с университетами, что дало бы возможность студентам получить реальное представление о рабочей обстановке на том или ином предприятии. Именно недостаточное представление о реальных условиях и требованиях работодателей является одной из наиболее важных проблем при адаптации выпускника на новом месте.

Так, Финансовым университетом в 2008 году принят План мероприятий по совершенствованию форм взаимодействия с работодателями на среднесрочную перспективу (на период 2009–2012 гг.). В плане предусматриваются следующие основные направления работы: проведение анализа рынка труда; заключение соглашений, договоров о сотрудничестве с организациями-работодателями; взаимодействие с работодателями при формировании и корректировке учебных планов, программ профильных дисциплин; привлечение работодателей к учебному процессу по основным образовательным программам высшего профессионального образования и дополнительного профессионального образования; повышение квалификации преподавательского состава Финансового университета с учетом изменяющихся потребностей рынка; содействие трудоустройству студентов и выпускников Финансового университета; взаимодействие с выпускниками Финансового университета – реальными и потенциальными работодателями; оценка и мониторинг удовлетворенности работодателей уровнем подготовки выпускников Финансового университета; информационно-рекламное обеспечение взаимодействия с работодателями.

Безусловно, все эти мероприятия помогут вузу расширить зону своего авторитета, однако, без систематического исследования показателей качества вуза это реализовать трудно. Но кто может дать достоверный результат о качестве подготовки в Финансовом университете: студенты, преподаватели, сотрудники вуза или работодатели?

С целью изучения качества подготовки и конкурентоспособности выпускников Финансового университета, **на средства его Научного фонда было проведено исследование** «Социологический мониторинг качества подготовки экономистов в условиях становления уровневой системы высшего профессионального образования и повышения конкуренции на рынке труда и профессий». В процессе работы проводились социологи-

ческие опросы, результаты которых, позволили установить, что Финансовый университет является конкурентоспособным вузом, так как качество подготовки выпускников в основном соответствует запросам рынка.

В приведенном исследовании объектом стали студенты Университета (первокурсники, выпускники пятикурсники, магистранты 2 года обучения) и работодатели активно взаимодействующие с нашим Университетом.

Предмет исследования: система оценки качества и эффективности подготовки выпускников Финансового университета социологическими методами.

Была выдвинута следующая гипотеза-основание: Финансовый университет является конкурентоспособным вузом, так как качество подготовки выпускников в основном соответствует запросам рынка. Однако меняющиеся условия на рынке труда, занятости и профессий, а также вхождение в двухуровневую систему подготовки профессиональных кадров вынуждают организовывать систематические наблюдения за конфликтами интересов между рынком труда, вузом и студентами.

Гипотезы-следствия:

1. Эффективность подготовки выпускников Финансового университета с точки зрения работодателей в условиях конкуренции на рынке труда, занятости и профессий включает совокупность профессиональных, личностных, межличностных особенностей и дополнительных требований рынка, а также престижности вуза.
2. «Идеальный» портрет выпускников Финансового университета в оценках работодателей представляет собой молодого профессионала, который обладает рядом профессиональных (обладание базисными знаниями, знание языков, наличие стажировки за границей, знание компьютера и бухгалтерского учета и т.д.), личностных (коммуникабельность, лояльность, лидерство, неконфликтность) и коллективных качеств (возможность работы в коллективе).
3. Работодатели выставляют профессиональные требования, такие как: планирование, работа с первичной документацией, работа со специализированными компьютерными программами, составление отчетности.
4. Ряд социальных, экономических, правовых и психологических факторов влияет на конкурентоспособность выпускников Финансового университета.

Качество образовательного процесса определяется не только имеющимися ресурсами вуза, но и существенно зависит от того, кто приходит обучаться в вуз. Введение ЕГЭ привело к тому, что престижные вузы

конкурируют между собой за возможность зачислить в свои ряды лучших абитуриентов страны, обладающих не только высокими баллами по выпускным экзаменам, но и мотивацией на получение лучшего профессионального образования в избранном направлении обучения.

Начиная с 1998 года, кафедрой «Социология» Финансового университета реализуется мониторинговая программа по изучению социокультурного облика современного студента-экономиста¹. Проведенное обследование среди студентов-первокурсников Финансового университета демонстрирует, с какими качествами приходит к нам новое поколение студентов.

Знание индивидуальных личностных особенностей, скрытых от внешнего наблюдения, педагогов, социологов, имеет большое значение для успешности обучения, воспитания и профессиональной деятельности. Как же оценивают свои особенности (интеллектуальные, личностные и межличностные и др.) наши первокурсники?

Таблица 1

**Самооценка высоко развитых качеств первокурсников
(в % опрошенных)**

Качества	в %
Адаптивность	55,1
Самостоятельность	54,5
Чувство юмора	49,1
Уверенность в себе	44,3
Умение работать в команде	43,7
Социальная зрелость	41,9

Формирование личности, особенно молодого человека, происходит в социуме, и от того как складываются с ним взаимоотношения, зависит дальнейшее развитие и социализация личности. В нашем случае бакалавры отметили, что в учебной группе, на курсе и на факультете в целом царит благоприятный климат, способствующий процессу обучению и личностному развитию.

Качество подготовки выпускников это комплексный критерий оценки деятельности вуза. Предполагается, что процесс обучения формирует не только необходимые компетенции, но и социально-психологические ка-

¹ Социологический коллектив ГАЛСИ. Руководитель – заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой «Социология» д.ф.н, профессор Г.Г. Силласте

чества для начала профессиональной деятельности, которые в совокупности образуют капитал выпускника. Если успешность овладения необходимыми компетенциями формируется в учебном процессе и является интеллектуальной составляющей капитала, то социальные и психологические компетенции образуют социальную часть (социальный капитал). Степень овладения учебной программой в Финансовом университете систематически отслеживается учебным центром и, по итогам аттестаций, кафедры и деканаты корректируют свою педагогическую деятельность.

Целью данного этапа исследования было выявление развития учебной и профессиональной мотивации студентов 5 курса факультета международных экономических отношений Финансового университета. Объект исследования: мотивация учебной и профессиональной деятельности студентов-экономистов. Предмет исследования: особенности развития учебной и профессиональной мотивации студентов-экономистов. Возраст респондентов от 20 до 22 лет.

Проведенное исследование среди студентов 5 курса факультета МЭО позволило определить особенности мотивационной сферы и ведущие потребности будущих выпускников одной из самых престижных специальностей Финансового университета.

Таблица 2

Ранг значимости учебных мотивов студентов МЭО

Ранг	Мотивы учебной деятельности
1	Успешность в будущей профессиональной деятельности Получение диплома о высшем образовании
2	Стать высококвалифицированным специалистом
3	Успешность обучения Интеллектуальное удовлетворение
4	Учиться на «хорошо» и «отлично» Соответствие педагогическим требованиям Одобрение родителей и окружающих
5	Уважение от преподавателей Приобретение глубоких и прочных знаний Не отставать от сокурсников
6	Избежать осуждения и наказания за плохую учебу Не запускать изучение предметов учебного цикла

В рамках представленного социологического исследования был проведен опрос среди магистрантов Университета.

Подавляющее большинство опрошенных магистрантов молодые люди до 25 лет (93% опрошен.), что является весьма показательным, так как практически все магистранты не прерывали своего образовательного процесса и в год получения диплома бакалавра (или специалиста) поступили в магистратуру. Обучающиеся в магистратуре молодые люди в подавляющем своем большинстве имеют профильное, т.е. экономическое образование (83% опрошенных). Остальные магистранты пришли к нам с техническим, гуманитарным и юридическим образованием. Этот факт с одной стороны облегчает усвоение программы магистерской подготовки, а с другой стороны требует от преподавательского состава качественно нового уровня, учитывающего базовый уровень компетенции по предыдущему образованию.

**Рис. 1. Мотивы выбора магистратуры Финансового университета
(в % опрошенных)**

Неотъемлемой частью анализа качества подготовки выпускников вуза являются отзывы работодателей, так как они в конечном итоге являются потребителями образовательного продукта.

Согласно принятому в январе 2009 года Стандарту мониторинга и оценки удовлетворенности внешних потребителей (СТО ДП 8.2.1/2) в

Финансовом университете мониторинг осуществляется по разработанной анкете 1 раз в год, ответственность за его реализацию несет Центр качества образования. Предполагается, что постоянное отслеживание состояния удовлетворенности потребителей образовательными услугами, представленными Финансовым университетом, анализ соответствия требований и ожиданий со стороны работодателей позволит вузу динамично реагировать на существующие запросы, а также опережать возможные потенциальные варианты развития как экономики, так и рынка труда, занятости и профессий. Разработанный Стандарт качества содержит пошаговый алгоритм реализации мониторинга, однако инструментарий реализации нуждается в совершенствовании.

В 2010 году Центром трудоустройства и развития карьеры по утвержденной анкете было проведено 2 полноценных исследования среди работодателей для оценки качества и конкурентоспособности выпускников Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Выборку исследования составляли те организации, с которыми есть договоры о сотрудничестве, а также личные связи сотрудников различных отделов и подразделений Финансового университета, в штате которых есть выпускники нашего вуза. Однако проведенные исследования позволяют лишь в целом определить удовлетворенность работодателей, а многие аспекты для совершенствования образовательного и научного процесса остались вне поля зрения исследователей. В связи с этим в рамках представленного научного проекта коллектив авторов, опираясь на имеющийся задел для реализации социологического мониторинга, усовершенствовал инструментарий исследования (анкету). В январе-феврале 2011 года было проведено 3 исследования среди работодателей, результаты которых содержат анализ динамики изменения мнений о качестве и конкурентоспособности выпускников Финансового университета.

Итак, в целом работодатели высоко оценивают качество подготовки выпускников нашего вуза. Первое место из всех позиций заняла «степень образованности» (ее высокое качество подтвердили 91,1% респондентов). По показателю «среднее качество подготовки» лидирует «практическая подготовка по профилю полученной специальности» (51,1%). Ниже всего работодатели оценили «осведомленность в смежных областях полученной специальности» (6,5% опрошенных считают, что качество подготовки по этому направлению низкое). Помимо названных показателей, будущим выпускникам Финансового университета обратить внимание стоит на: знание иностранных языков (28,3% респондентов считают качество подготовки в этом вопросе «средним», а 2,2% – «низким»);

навыки работы на компьютере и знание необходимых программ (24,4% – «среднее» качество подготовки); навыки делового общения (30,4% – «среднее» качество подготовки). Выпускникам также необходимо быть готовым участвовать в организации и проведении переговоров, быть специалистом не только в своей сфере, но и в смежных областях.

Проведенные опросы позволили определить не только оценки качества, удовлетворенности и конкурентоспособности наших выпускников, но и конкретные рекомендации для совершенствования учебного процесса через анализ востребованности современного рынка труда. Идеальный, по мнению работодателей, специалист, это продвинутый пользователь специализированных программ (1С, Project Expert и др.), организатор совещаний, презентаций, переговоров, разработчик схем бизнес-процессов, составитель бизнес-планов и бизнес-проектов, специалист по предоставлению и продаже услуг (продуктов), способный создавать и вести клиентскую базу, разрабатывать документацию, осуществлять документооборот, работать не только с клиентами, но и договорными документами и сопровождать их. Он должен уметь рассчитывать финансовые показатели, оценивать риски (экономические, социальные и др.), составлять отчеты, выводы, рекомендации, а также знать и соблюдать законодательство и регламент нормативных документов – все это считается необходимым навыком для современного бизнеса. А в случае непредвиденных обстоятельств, молодой специалист должен быть способен расставлять приоритеты, планировать рабочее время, распределять имеющиеся ресурсы и, по необходимости, принимать аргументированные оперативные решения.

Помимо профессиональных требований работодатели пристальное внимание уделяют личностным особенностям молодых специалистов. В первую очередь выпускники должны уметь работать в команде, грамотно излагать свои мысли и уметь брать ответственность на себя.

Однако выявленные позиций работодателей позволяет заключить, что иногда сами работодатели не знают, что требовать, чего желать от молодого выпускника. Многие «прячутся» за термин «практическая подготовка выпускников», и сами слабо представляют, какие конкретные навыки необходимы будут в ближайшей перспективе. Иногда ответы несколько категоричны, прагматичны, в них четко прослеживается желание получить готовый продукт, способный приносить немедленную прибыль. Очень немногие работодатели готовы вложиться в доработку и карьерное становление молодых специалистов, отсюда и перекладывание ответственности за уровень профессиональных навыков на вуз.

Проведенное исследование позволило не только апробировать более точный инструментарий для организации и проведения социологического мониторинга, но и определить для дальнейших исследований распределение выборочной совокупности работодателей, исходя из особенностей занятости наших выпускников.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Объекты мониторинга динамичны, находятся в постоянном развитии. Целесообразно для объективности оценки качества подготовки выпускников проводить мониторинг не только среди работодателей, но и студентов старших курсов, выпускников вуза.
2. Реализация мониторинга предполагает организацию по возможности постоянного слежения (оценку, изучение) за объектом. Мера постоянства определяется особенностями объекта и ресурсными возможностями.
4. Мониторинг позволяет прогнозировать в перспективе варианты развития (изменения состояния) объекта.
5. Каждая конкретная система мониторинга ориентирована на определенного потребителя.

В целом можно заключить, что мониторинг позволяет применять полученные эмпирические данные о состоянии социокультурной практики и использовать их как познавательные ценности, добываясь приближения к истинности познания, точности, строгости, доказательности, обоснованности. Потенциальные возможности мониторинга как исследовательского метода уже сейчас позволяют эффективно использовать его на многих исследовательских направлениях: выявлять приоритеты общественных интересов; находить оптимальные пути решения управленческих задач; своевременно прогнозировать возможные социальные конфликты и пути их преодоления.

А. Н. Курюкин,

*кандидат политических наук, старший научный сотрудник
Института социологии РАН*

АНАЛИЗ И ОБОБЩЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАРАДИГМ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Приступая к рассмотрению заявленной темы, следует, по моему мнению, определиться с понятием парадигма в том виде, как оно будет использовано в данной краткой работе. Собственно термин парадигма не нов. Нет нужды напоминать читателям данной работы, что, в дословном переводе с греческого, понятие *paradeigma* означает пример или образец. В обращение, применительно к социальным и научным процессам, это понятие ввел известный американский исследователь и теоретик науки Томас Кун. Он использовал дедуктивный подход к понятию парадигмы, видя в них глобальные примеры или образцы поведения, применяемые всем научным, для Т. Куна, прежде всего, сообществом при решении поставленных задач в познании действительности и исследованиях. Смена парадигм обуславливает научную революцию. Несколько позже эти положения, без крупных изменений, были экстраполированы на рассмотрение социальных, исторических, культурных и политических вопросов.

Применительно к вопросам общества и власти, исходя из изложенного выше, могут быть выделены антропосоциальная, институциональная и смешанная парадигмы рассмотрения политической власти. Такого мнения придерживается известнейший российский социолог, член-корреспондент РАН Ж.Т. Тощенко. С Жаном Терентьевичем нельзя не согласиться! Однако, кроме дедуктивного подхода (метода) существует еще и индуктивный, а он приведет нас к рассмотрению парадигм как образцов поведения, присущих уже не всему общественно-политическому или научному сообществу в целом, а конкретному человеку, если хотите политическому деятелю.

Этот подход также не нов и появился он гораздо раньше «куновского». Известный немецкий философ Шеллинг, видел в парадигме идеальный прообраз, определяющий принципы упорядочивания и рациональной организации природных (реальных) тел¹. Именно этот подход наиболее

¹ См. *Философский энциклопедический словарь* / под ред. Губский Е.Ф., Кораблёва Г.В., Лутченко В.А. М.: ИНФРА-М, 1997. – С. 332; идентичное двойное определение содержится и в других изданиях, например СЭС, БЭС, *Социологический энциклопедический словарь* / под ред. акад. РАН Осипова Г.В. М., 1998.

близок автору данной работы и послужит теоретическим основанием для дальнейшего анализа. В его ракурсе индуктивную разновидность парадигмы (и-парадигму, тогда как дедуктивная разновидность – «д-парадигма» – А.К.) можно сформулировать как: сплав интеллектуальных и динамических стереотипов решения поставленной проблемы, достижения поставленной цели, присущего носителю (носителям) парадигмы. Таким образом, по мнению автора, именно и-парадигмы, присущие конкретному политическому деятелю/деятелям, определяют ряд важнейших процедур, для реализации политической власти в обществе, а конкретно: восприятия социально-политических проблем; их распознавания и анализа; формулирования их решения; выбора средств его осуществления.

Рассматривая в указанном ракурсе процесс модернизации, мы неизбежно приходим к выводу, что с точки зрения авторского парадигмального подхода он выступает как сложно-составной процесс. Его состав обусловлен тем, что различным общественным группам, равно как и группам истеблишмента, присущи не совпадающие между собой парадигмы определяющие их взгляды на различные компоненты процесса модернизации. Среди этих компонентов, по которым не совпадающие парадигмы могут быть выделены наиболее ярко, могут быть названы: Понятие и сущность модернизации. Цели модернизации, как ее осознанно предвосхищенные результаты. Методы осуществления и ресурсы модернизационного процесса. При этом, автор хотел бы отметить, что указанный подход без изменений реализуется применительно не только рассмотрению собственно политической составляющей модернизационного процесса, на базе которой он и был сгенерирован, но и к двум другим важнейшим составляющим общественно-экономической и правовой. Рассмотрим эти аспекты.

Итак, широкий спектр современных разногласий относительно понятия и сущности политической модернизации, однозначно показывает нам, что парадигмы политической модернизации, присущие различным группам политического истеблишмента не просто не совпадают между собой. Этот тезис, на взгляд автора настоящей работы, имеет более высокое значение, нежели чем просто терминологический спор. В конечном итоге, именно представления о политической модернизации, можно даже сказать ее образ, который будет присущ ведущей группе властно-политического поля и будет реализован на практике в реальной социальной действительности.

Рассматривая теоретическую парадигму политической модернизации необходимо отметить, что в корне своем практически все силы представляют ее в ракурсе этимологического толкования этого понятия. В дословном переводе на русский язык модернизация означает осовре-

менивание. В свою очередь, взгляды на суть этого осовременивания, выраженного в понятии модернизации, и выступают определяющими для формулирования образа всего процесса в целом.

Одним из первых парадигмальных подходов к определению сущности модернизации выступил технологический. Он присущ зарубежным общественным наукам, где определяется, в частности энциклопедией «Британика» (Britannica) как связанный с индустриализацией процесс перехода общества от традиционности, сельского быта, аграрного хозяйства, к секулярному, урбанистическому, индустриальному состоянию. Это довольно распространённый подход. Именно с него фактически и начались первые преобразования, которые могут быть нами отнесены к периоду 1985–1991 гг., получившие название «Перестройка». Все остальные инновации, свойственные этому периоду, относящиеся к экономическим и политическим преобразованиям, должны были и фактически последовали за этим технологическим этапом, создававшим для их реализации материально-финансовую базу.

Вторым подходом к определению сути модернизации, хронологически, выступит рыночный. Этот подход проявился в начальную эпоху правления первого Президента РФ Б.Н. Ельцина и был связан с идеей об универсальных свойствах и способностях рыночной экономики. В его ракурсе модернизация есть перевод экономики на рыночные основания, путем внедрения, на всех уровнях, именно торговых, а не производственных отношений. Господство этого подхода связывают с фигурой А.Б. Чубайса. Его теоретическим ядром и сутью практической реализации выступает универсализация рыночных отношений. Они, будучи внедрены в социум на всех уровнях, модернизируют общество в необходимом направлении, преобразовав и политическую, и культурную сферу, применительно к тем условиям, которые создаст рынок.

Наконец, третьим подходом, на сегодняшний день, выступает подход, присущий ряду оппозиционных политических движений, считающих необходимым, в первую очередь, трансформировать именно политическую систему власти как структурно, так и содержательно. Сюда же примыкает и элитистская трактовка этого подхода, заключающаяся в том, что именно политическая модернизация будет связана в нашей стране только и исключительно со сменой центральных и региональных политических элит, которые, составив новый истеблишмент, модернизируют, сообразно со своими представлениями политическую, а, за ней, и все остальные сферы общественной жизни.

С представлениями о сути модернизационного процесса непосредственно соотносятся образы его целей, как осознанно предвосхищаемых результатов. Комплексно анализируя целевые парадигмы модернизации,

свойственные политическим группам современного российского общества, следует отметить, что сегодня мало просто выделить положительную цель, т.е. тот результат модернизации, который мы хотим достичь. Говорить следует и об антицелях модернизационного процесса, то есть тех результатах, которые реально достижимы, но, достижение которых не должно произойти ни при каких условиях.

Характеризуя цели модернизации, обозначим их образ, присутствующий в сознании самой большой политической группы – гражданского населения нашей страны. В ее представлениях результат модернизации выражается кратко, но, в тоже время, весьма не конкретно. Для этого используется категория «хорошей жизни». При этом, со времен начала 90-х гг. XX века образ «хорошей жизни» формулируется в народе путём как положительного комплекса критериев «хорошей жизни», так и отрицательного комплекса, то есть чего не должно быть, чтобы жизнь была хорошей.

Относительно образов целей модернизации присущих современному российскому истеблишменту, мнение автора заключается в том, что четких образов целей модернизации у истеблишмента еще нет, тогда как антицель сформирована весьма ярко. Она заключается в том, что любые модернизационные процессы не должны ни в коем случае привести к ослаблению позиций истеблишмента или системы политической власти в целом. Таким образом, можно утверждать, что цель модернизации, присущая истеблишменту формируется скорее «от противного», нежели чем представляет собой осознанно предвосхищаемый результат, в полном смысле этих слов.

Переходя к рассмотрению ресурсно-методической составляющей необходимо отметить, что она непосредственно вытекает из первого компонента – понимания сути политической модернизации и уточняется вторым компонентом – образами ее конкретных целей. Анализ имеющейся государственной позиции, где превалирует технологический подход, приводит нас к мысли о том, что основным методом модернизации вообще станет именно метод стимулирования технологического развития. Реализовываться он будет и на отечественной и на иностранной технологической базе, то есть путем развития собственных инноваций, так и приобретения технологий за рубежом. При этом, суть указанного подхода к технологии модернизации, напрямую соотносится с присущей истеблишменту антицелью. Технологический рывок, как представляется властным группам, способен обеспечить стабильность и, хотя бы пассивно, воспрепятствовать смене политических элит.

Рассматривая общественно-экономическую парадигму модернизации, необходимо отметить, что, не смотря на то, что указанные нами выше

вопросы в качестве коренных сохраняются, суть у них будет совсем иная. Итак, на практике понимание модернизации в общественно экономическом плане вытекает сегодня не столько из теоретических построений, сколько из попыток спрогнозировать образ того мира, в условиях которого предстоит жить и функционировать нашей стране и присущей ее социальной и политической системам. Основы этого видения мы найдем в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»¹.

По мнению авторов этого документа, будущему миру будет свойственно увеличенное глобальное экономическое соревнование, сопровождаемое увеличенной геополитической конкуренцией, особенно по контролю над сырьем, энергией, водой, и пищевыми ресурсами. Другой тенденцией станет структурная перестройка мировой экономики, в условиях которой региональные экономические союзы будут существовать с четким прицелом на длительную глобализацию. Такое районирование выступит как защитная мера от напряженности, возникающей между влиятельными мировыми экономическими центрами, основывающихся на экономических и социо-культурных различиях между ними.

Господствующим, в этих условиях, будет выступать «мультивекторный» подход к международным экономическим отношениям. Он будет основываться не на деятельности во имя победы конкретного политического учения в отдаленной исторической перспективе, а на сериях конкретных и материальных целей в конкретных странах и областях мировой экономики. Исходя из этого важной чертой нового мира станет призыв к большему прагматизму во взаимоотношениях и обязательствах со многими областями мира, который сегодня пока выражен на бумаге, но обязательно должен быть реализован успеха заявленных приоритетов модернизационного развития.

Исходя из этого, суть экономической модернизации заключается в повышении экономической конкурентоспособности России, которая выступит для собственной безопасности в длительной перспективе. Такая трактовка модернизации продиктована также и пониманием того, что низкий уровень технологического развития приводит к уязвимости России в этом сценарии. Однако это не единственное положение о ее сущности в контексте будущего развития мира. Ее важным компонентом выступа-

¹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. Издательство «Юридическая литература», 24 ноября 2008, № 47, ст. 5489

ет причастность российского государства к поддержке национальных и близких деловых кругов за границей, активизации внешних рынков и обеспечении поддержки прав национального бизнеса на рынках других государств, подчеркивая важность дальнейшей экономической интеграции с евразийским Экономическим сообществом. Это же видение предполагает активное членство России в ВТО (WTO) и в ОЭСР (OECD), продолжая развивать глобальную интеграцию, одновременно удовлетворяя потребности в региональной консолидации.

В сложившихся условиях, цели модернизации, как ее осознанно предвосхищаемые результаты заключатся в достижении инновационной модели развития, которая противопоставляется современному состоянию страны, как экспортера энергоносителей и импортера товаров. Основываясь на этом утверждении, предполагается, что, по результатам модернизации, Россия может стать одной из лучших 5-ти экономических систем в мире. Путем достижения этого избран путь создания условий для конкуренции и инноваций во всех секторах российской экономики. Исходя из этого одной из важнейших тактических целей выступает превращение России в государство здоровой конкуренции, где созданы подходящие условия для конкурентоспособности фирм, и дома и за границей, посредством формирования системы социально-экономического регулирования.

Другой не менее важной целью экономической модернизации выступает внедрение стандартов экономического функционирования, свойственных продвинутому индустриальным обществам. Это, как следствие, приведет к тому, что российские граждане смогут претендовать на идентичное положение и пользоваться такими же преимуществами, как и граждане демократических развитых государств. Достижение этой цели предполагает решение важной задачи поддержки всем обществом механизмов рынка и инновационного развития. По мнению В. Путина, эти преобразования должны были осуществляться на основе общественного договора в форме социальной разработки. Однако, уже 5 ноября 2008 года, Президент РФ Д. Медведев в своем Послании к Федеральному собранию назвал в качестве принципов построения инновационной экономики развитие организационной структуры, инвестиции, инфраструктуру, инновации и интеллект. Упор на эти компоненты основан на фактическом диагнозе нежизнеспособности России зависимой от энергии и основных ресурсов и прогноза необходимости дальнейшей интеграции в мировое сообщество и развитие инновационной экономики.

Рассматривая методы осуществления и ресурсы модернизационного процесса, экономическая парадигма предполагает постепенное пре-

крашение существования текущей модели развития, зависимого от энергоносителей и предусматривает потребность в увеличенной глобальной интеграции России на рынок товаров высокой технологии, интеллектуальных товаров и услуг, наряду с увеличением ее конкурентоспособности в традиционно важных областях энергетики, транспорта и сельского хозяйства. Важно отметить, что, хотя рассматриваемая парадигма предполагает инновационный сценарий развития, в условиях которого господство энергетических ресурсов в российской экономике уменьшается, его реализацию планируют осуществить, прежде всего посредством модернизации традиционно сильных (добывающий комплекс, энергетика) отраслей промышленности и их доходов. В наиболее упрощенном виде: повышенные доходы от нефти и газа предполагается направить на создание инновационной экономики, основанной на высоких технологиях и информационных услугах. Таким образом, окончания периода гегемонии доходов от энергоносителей в российской казне пока не приходится.

Рассматриваемая парадигма экономической модернизации предполагает появление «инновационного социально-ориентированного типа экономического развития». Здесь предусматривается, что модернизация сначала происходит в традиционных секторах российской экономики – нефти и газе, сырье, сельском хозяйстве и транспорте – и сопровождается распространением технологических новшеств к другим отраслям промышленности. Это, в конечном счете, достигает наивысшей точки в формируемой экономике знаний, где высокие технологии и отрасли промышленности/услуг, основанных на знаниях, совместно составляют часть ВВП, сопоставимую с той, что формируется сегодня из нефти и газа.

Более определенно этот блок состоит из шести компонентов:

1. Развитие человеческого потенциала в России и человеческого капитала. Это включает улучшение качества жизни российских граждан, стабильность и, в конечном счете, рост населения.
2. Создание конкурентоспособной регулируемой экономической среды, для привлечения капитала в российскую экономику и стимулирования предпринимательской деятельности, включая сокращение государственной роли в экономике, повышение уровня самоорганизации деловых кругов, прозрачность в бизнесе, и т.д.
3. Экономическое разнообразие, основанное на инновационном научном и технологическом развитии, включая развитие национальной инновационной системы, которая базируется на продвижении российских научных исследований и его перевода в сектора на основе высоких технологий и экономику знаний.

4. Укрепление и расширение традиционно конкурентоспособных преимуществ российской промышленности в энергии, аграрном секторе, транспорте и переработке природных ресурсов.
5. Расширение и укрепление внешнего экономического положения России через увеличенную активность на иностранных рынках и усиление положения в международном разделении труда (через привлекательность капитала, технологии и персонала). Это включает интеграцию евразийского пространства и России, становящейся международным финансовым центром.
6. Новое понимание пространственного развития России, посредством чего региональные различия будут уменьшены за счет увеличения конкурентоспособного потенциала каждой территории.

Указанное предусматривает фактически формирование новой российской экономики, которая конкурентоспособна в традиционных и новых секторах, основа которой, в высоком уровне технологического развития и человеческого капитала. Это подчеркивает потребность России в формировании организационной структуры, характеризующейся наблюдением государства и созданием конкурентоспособной национальной политической экономики, при обязательном обеспечении безопасного инвестиционного климата, который включает уважение права частной собственности, преобразование российской системы судопроизводства, борьбу с коррупцией, увеличение прозрачности бизнеса, сокращение влияния государства на деловую активность и ее контроля и предоставления более широких возможностей входа на рынок для частных акторов.

Итак, в данной статье автор представил свое видение развития парадигм российской модернизации конца XX начала XXI веков.

И. В. Ситнова,

*кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология»
Финансового университета при Правительстве РФ*

АКТИВИСТСКО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В МОДЕЛИРОВАНИИ ПРОЦЕССА «ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ»

Сторонники деятельностного подхода описывает институциональные изменения как «морфогенез» (от английского morphogenesis) в отличие от морфостаза (от английского morphostasis)¹, как постоянное становление (анг. «becoming»)², «структуриацию»³, как результат человеческой практики⁴. В качестве элементов институтов признаются не только индивиды, но и их коммуникации, практики, взаимодействия. Акцент ставится на активности «агента», («актора») (Э. Гидденс, Ю. Хабермас, А. Турен, П. Бурдьё).

Результатом данной статьи является теоретическая модель «институциональных изменений», для этого суммируем теоретические идеи упомянутых выше авторов.

Достоинство концепции М. Арчер, по нашему мнению, состоит в том, что выделяются посредники социального взаимодействия: культурная система (C-S или Cultural System), куда автор относит идеи и тексты, и социокультурная система (S-C или Socio-Cultural), где взаимодействуют люди и социальные группы⁵. Определенные свойства социальной структуры и культуры изначально задают те пределы, внутри которых могут иметь место конкретные социальные ситуации. М. Арчер рассматривает различные сценарии, которые существуют в культурном морфогенезе и уделяет большое внимание морфостазису или культурной репродукции⁶. С точки зрения М. Арчер, «способ понять изменения состоит в использовании аналитического дуализ-

¹ Арчер М. Реализм и морфогенез // Социологический журнал. – 1994. – № 4.

² Штомпка П. Социология социальных изменений: пер. с англ.; под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 416.

³ Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии // Альманах THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1993. – № 2 – С. 57–83.

⁴ Archer M.S. Culture and agency: The Place of Culture in Social Theory. Cambridge University Press. Cambridge New York Port Chester Melbourne Sydney. – P. 334.

⁵ Там же.

⁶ Archer M.S. Указ. соч. – P. 334.

ма, посредством концептуального толкования культуры относительно стран и людей, изучая взаимосвязь между ними»¹. Таким образом, М. Арчер предлагает перенести эту область в культурную сферу, используя аналогичные аналитические фазы (культурную обусловленность – социально-культурное взаимодействие – культурное развитие), чтобы раскрыть взаимодействие культуры и действия во времени. По мнению М. Арчер, «это говорит о нашем неизбежном вкладе возобновление культуры, поскольку наши практики включают язык, правила, системы развития, которые и воспроизводят их». М. Арчер считает что «сама практика может привести к культурным преобразованиям», но институциональные изменения становятся вероятностью, которую нельзя предсказать и объяснить». Ее, так называемая модель «М/М подхода», включает в себя, во-первых, предшествующие структуры; во-вторых, условия и механизмы, порождающие «структурное обновление» в процессе «социального взаимодействия» субъектов, результатом чего является «разработка структуры». Выдвигаются два основополагающих тезиса: во-первых, структура предшествует во времени действиям, которые её трансформируют; и, во-вторых, «разработка структуры» оказывается, по времени более поздней, чем действия трансформировавшие ее. При изучении взаимовлияний структур и действий автор руководствуется принципом «аналитической», а не «концептуальной» дуальности. Т.е. действия и структуры разделяются, поскольку их эмергентные (возникающие самопроизвольно) социокультурные системы предполагают прерывность между начальным взаимодействием и конечным продуктом»². Структура логически питается действиями, которые ее трансформируют, а «разработка структуры» логически отстаёт по времени от этих действий. Институциональные изменения с позиции М. Арчер, могут представлять собой процессы трансформации (морфогенеза) или воспроизводства (морфостазиса).

В отличие от М. Арчер, Э. Гидденс понимает под структуриацией процесс воспроизводства и преобразования систем и структур. Социальные системы состоят из воспроизводимых (и изменяющихся) в пространстве и времени «паттернов» отношений между социальными агентами и группами, т.е. это системы разворачивающихся в пространстве и времени социальных практик. Структуры существуют во времени и пространстве только в виде этих практик. Под структурами Э. Гидденс понимает правила и ресурсы – багаж воспроизводства социальных систем. Ресурсы являются заданными струк-

¹ Archer M.S. Culture and agency: The Place of Culture in Social Theory. Cambridge University Press. Cambridge New York Port Chester Melbourne Sydney. – P. 22.

² Archer M.S. Realist social theory: the morphogenic approach. Cambridge University Press. 1995. – P. 61.

турой качествами социальных систем, которые используются и воспроизводятся агентами в процессе взаимодействия. Это средства, с помощью которых исполняется власть, определяющее поведение в социальном воспроизводстве, формы зависимости, посредством которых те, кто подчиняет, может влиять на тех, кто подчиняется (Э. Гидденс называет это диалектикой контроля в социальных системах).

Взаимосвязанные сети практик, правил (норм, ценностей, предписаний), образуют нормативное поле, его «социальные инструкции». Единицей анализа становится поля социального взаимодействия.

Таким образом, мы полагаем, что понимание процесса институциональных изменений с точки зрения активистско-деятельностной парадигмы и с позиции конструктивистского структурализма (П. Бурдьё) возможно в том случае, если исследователь не игнорирует несколько важных теоретических определений.

Во-первых, «актор» или «агент» – это социальный субъект с определённой ресурсоёмкостью, различными властными диспозициями, знаниями, навыками, определённым уровнем символического капитала. Властная группа мобилизована, готова к солидарному действию ради достижения общей цели.

Во-вторых, социальные практики прямо зависят от ресурсов властной группы.

В-третьих, социальные институты – суть механизмы устойчивого воспроизводства определенных практик, ресурсов, социальных ситуаций и норм, это правила взаимодействия между агентами и между властными группами. Социальные институты определяют социальные позиции акторов и властных групп.

В-четвертых, структура – это комплекс взаимодействующих элементов (институтов, секторов общества), обладающих свойством активного обмена со средой. Основной единицей структуры является социокультурное поле, представляющее собой наиндивидуальную реальность, порожденную социальным взаимодействием акторов. Это поле взаимодействий образует социальный порядок, пространство игры. Правила игры определяют структуру, в границах которых акторы взаимодействуют, исходя из своих стратегических целей и выгод, реализуют эффективные модели поведения для обладания желаемыми социальными ролями и статусным положением, в результате чего и формируются их социальные позиции.

Социальные позиции и статусные роли распределяются исходя из пределов легитимных действий, которые формируют институты, а те в свою очередь оказывают давление на поведение акторов. Акторы вырабатывают повторяющиеся модели социального поведения, создавая условия

и предпосылки для воспроизводства существующих практик. Именно ради положения во власти индивид, группа, страта их воспроизводят или стремятся изменить.

Между участниками социальных процессов имеет место неравное распределение ресурсов. Обладающие «редкими ресурсами» транслируют их издержки во власть, уступая часть тем, кто их лишен, в обмен на желаемое поведение. Тот, кто обладает ресурсами, может подкреплять старые и формировать новые практики, и таким образом успешно закреплять свои позиции в полях взаимодействия. Распределение социальных ресурсов осуществляется в рамках институционального порядка в обмен на выполнение функций и обязанностей акторов в каждой социальной позиции.

Взаимодействия акторов, предположительно формируют более или менее солидарные группы, члены которой готовы к совместным практикам ради общей цели и общего интереса. Это совокупность социальных агентов, которые обладают сходными габитусами (общими схемами восприятия, представлений и действий), общими практиками и ресурсами, разделяют общие стратегии действия. Для того чтобы существование институтов оставалось неизменным, такие группы должны постоянно воспроизводить сложившиеся практики и должны быть согласны действовать в принятых рамках.

Воспроизводство и формирование институтов, в идеальном виде можно представить в виде рис. 1.

Рис. 1. Механизм воспроизводства и формирования институтов

Оформление институтов. Институциональные изменения возможны, в случае если предписанные правила начинают мешать эффективному процессу распределения ресурсов. С этим связано «институциональное не равновесие», когда часть социальных акторов стремятся изменить правила игры или использовать нормы, не согласованные с остальными игроками.

Процесс институциональных изменений начинается с трансформации старых формальных и неформальных структур. Кризисные ситуации вызывают сбои и перерывы в работе старых структур. В результате чего происходят изменения сети взаимосвязанных норм и правил, которые управляют социальными взаимоотношениями и связями социальных акторов. Это предполагает разрушение формальных и неформальных ограничений старого порядка.

Это в свою очередь приводит к снятию формальных ограничений и постепенной замене старых правил. Данные обстоятельства нарушают стабильное взаимодействие социальных акторов по распределению ресурсов, существующие правила начинают противоречить их целям.

Замена правил открывает новые возможности для политических и экономических акторов. «Сильные» группы, различающиеся по степени своей влияния, вступают в социальное взаимодействие, которое носит конфликтный характер. Такие ситуации связаны с борьбой за ограниченные ресурсы.

Отсюда – деформация и разрушение сети старых экономических и политических практик. В результате в «поле» взаимодействий сдвигается относительное равновесие сил, а новые практики постепенно в него вписываются и начинают воспроизводиться.

Разрушение старых практик является основанием к изменениям в жизни населения, усвоению новых ориентиров и выработке новых стратегий действия. Добиваясь доминантного положения, отдельные группы навязывают остальным свои правила.

Все это подготавливает почву для следующего этапа формирования новых структур.

Образование новых структур начинается с формирования сети новых социально-экономических предпочтений и интересов, которые оформляются в новую практику. Акторы новых социальных отношений, обладающие большим культурным, социальным или экономическим капиталом, встраиваются в новые практики. Постепенно эти практики объективируются в совокупности политических капиталов. Занимающие общую социальную позицию агенты, постепенно приобретают идентичность,

которая выражается в групповом габитусе. Таким образом, вновь созданные практики (отношения) субъективируются в устойчивые общности носителей. Происходит закрепление вновь созданных практик, правила из абстрактных превращаются в некоторую основу взаимодействия, постепенно закрепляются: происходит формирование новых институтов. Существующая система социальных позиций полей взаимодействий создает предпосылки и условия для новых практик. Практики изменяются в соответствии с законами-тенденциями поля, в результате чего могут появиться новые социальные отношения.

Сформировавшиеся практики способствуют дифференциации и селекции акторов по признаку обладания важными ресурсами, что в свою очередь ограничивает возможности менее ресурсоемких политических и экономических акторов. Так, конкурентная борьба в поле политики принуждает агентов (в первую очередь доминирующих) к поискам наиболее эффективных инвестиций своих капиталов, и воспроизводить их во все возрастающих масштабах. В результате возникает новая структура или трансформируется прежняя.

Это приводит к завершающей фазе – легитимному оформлению пределов действий, созданию новых правил и норм. Происходит фактическое закрепление некоторой совокупности объективных ресурсов (капиталов) за сильными группами. Доминантные группы формируют социальные отношения исходя из собственных целей с имеющихся у них ресурсов. Измененные социальные отношения создают предпосылки для формирования новых практик (рис. 2).

Подведем итоги:

1. Изменение институтов сопровождается изменением социальных статусов и социальных позиций.
2. При трансформации старых институтов происходит деформация и преобразование сети старых экономических и политических отношений и практик, формируются сети новых предпочтений, отношений и практик, которые впоследствии оформляются в институты.
3. Изменение институтов связано с изменением определенных схем восприятия, мышления, действий субъектов социальных перемен.
4. Структура системы оценивается как динамическое целое, то есть процесс, а не статическое состояние.
5. Воспроизводя социальную практику и принцип трансформации власти, который проявляется в социальном действии, люди в функции деятельностных агентов «делают» историю.

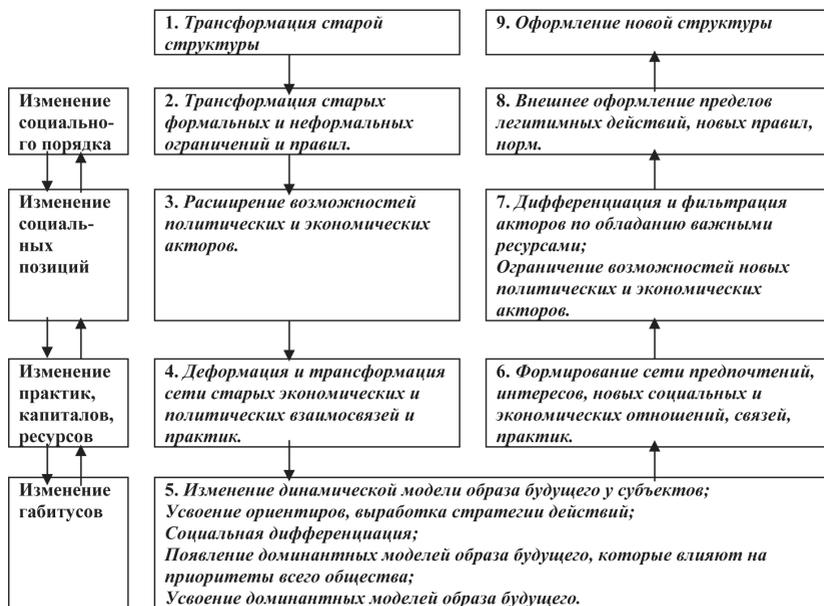

Рис. 2. Модель процесса «институциональных изменений»

6. Изменения институтов связаны с изменением старого социального порядка, этому процессу предшествует перерыв в функционировании старой структуры, т.е. кризис. В поле взаимодействий происходят процессы трансформации старых структур, формальных и неформальных правил, легитимных действий, а затем в процессе формирования новой структуры происходит внешнее оформление пределов легитимных действий, нового социального порядка.

И. В. Астахова,

*соискатель Российской академии государственной службы (РАГС)
при Президенте Российской Федерации*

СТРАХИ И ФОБИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ВЗГЛЯД УЧЕНОГО И ПРАКТИКА

В призме исследования психологических аспектов страхов и фобий в социальной страте современного российского общества автор считает необходимым изучение самого процесса формирования представлений о данном феномене в широком социально-психологическом плане. И, прежде всего, необходимо отметить, что страхи и фобии становятся одной из ключевых характеристик современности, обусловленных тем, что когда государство не может гарантировать определенности, человеческая жизнь «сводится к узкой грани между угрозой физического насилия и отпором возможных посягательств». Следствием этого является страх, подстегивающий самого себя и являющийся ключевым элементом массового сознания в индивидуализированном обществе.

Страх относится к числу противоречиво и динамично изменяющихся явлений общественного сознания. С развитием цивилизации человечество избавляется от одних страхов, но появляются новые его формы, ранее не исследованные. В современном мире страх охватывает практически все стороны человеческой жизнедеятельности. О хрупкости существования современного человека свидетельствуют трагические события последних лет: случаи террористических актов, рост экстремальных ситуаций и катастроф, экономические и политические катаклизмы. Все это ставит задачу поиска новых путей преодоления страха, переосмысления накопленного наукой в сфере исследования данного феномена опыта.

К осмыслению феномена страха обращались отечественные и западные представители психологии, философии, медицины и многих других наук. К числу наиболее значительных в этой области работ, в которых определяется сущность, значение и основополагающие функции эмоции страха, относятся исследования В.К. Вилюнаса, К. Изарда, Г. Селье, А. Маслоу, П.В. Симонина, Ю.В. Щербатых и др. Работы отечественных психологов на протяжении долгих лет являлись единственным источником в отечественной науке, проливающим свет на природу этого явления. Данный факт обуславливает и многие существенные отличия в концепциях страха у советских и зарубежных психологов. Социально-психологическая направленность в исследовании проблемы страха характерна для трудов Д. Майерса, Ф. Римана, И.С.

Кона и др. Эти авторы большое значение придавали процессам взаимодействия психических и социальных качеств личности.

Большой вклад в теоретико-методологическое исследование феномена страха перед социально-значимыми событиями и явлениями был внесён отечественными исследователями: С.Я. Матвеевой, В.Э. Шляпентохом, В.Н. Шубкиным, В.А. Ядовым и др. Для настоящего исследования полезными оказались работы классиков социологии П. Сорокина и М. Вебера, где данная проблема рассматривается в контексте объективных и всеобщих закономерностей развития общества.

В последние годы появился ряд диссертационных исследований, посвященных значению страха в политике, истории, культуре, искусстве, религии и т.д. Авторы данных работ: Е.М. Боровой, Л.Н. Грошева, Н.А. Павленко, М.О. Савина, Е.Н. Романова, О.С. Фролова, Е.В. Шевченко и др. рассматривают этот феномен в непосредственной взаимосвязи с социально-историческим и духовно-нравственным развитием России, анализируя формы его проявления как на материале современной российской действительности, так и на основе анализа посвященных чувству страха литературно-художественных произведений прошлых лет.

Изучение проблемы страха с философских и собственно социально-философских позиций, позволяющее выявить основные сферы, условия и смыслы его проявления на уровне организации общественного сознания, осуществлялось на протяжении всей истории человечества и позволило накопить достаточно знаний о роли страха в жизни личности. Ведущие мыслители разных эпох обращались к феномену страха с целью получить ответы на вечные вопросы человечества: о смысле жизни, назначении человека, смысле истории и т.д. С понятием страха тесным образом связаны философские категории времени, бытия, хаоса [4].

Многие ценностные общечеловеческие аспекты понимания страха в истории развития философской мысли к настоящему моменту не потеряли своей актуальности и отражены в трудах ведущих мыслителей античности (Платон, Аристотель, Эпикур, Тит Лукреций Кар и др.), Средневековья и Возрождения (Августин Блаженный, М. Монтень и др.), Нового времени (Р. Декарт, Б. Паскаль, Б. Спиноза и др.), Просвещения (К.А. Гельвеций и др.), немецкой классической философии (И. Кант, Л. Фейербах, Г.В.Ф. Гегель) и др. Взгляды этих философов оказали заметное влияние на осмысление феномена страха в русской религиозной философии конца XIX – первой половины XX вв.

В изучение проблемы страха значительный вклад был внесен экзистенциализмом и психоанализом. Работы ведущих представителей этих течений С. Кьеркегора, Ж-П. Сартра, М. Хайдеггера, А. Камю, З. Фрейда и его после-

дователей относятся к числу наиболее полных и глубоких. Анализ творчества западно-европейских мыслителей обусловлен сопоставлением русского и зарубежного экзистенциальных направлений в исследовании страха, так как у истоков экзистенциализма стояли и представители русской ренессансной философии Л. Шестов и Н. Бердяев. С этой точки зрения полезными оказались работы Е. Коссака, И. Ялома, В.Ф. Асмуса, В. Анца, О.Ф. Больнова, Б.Ф. Быховского, Т.Н. Захаровой, Н.В. Мотрошиловой, Ф.В. Херрманна и др., посвященные как творчеству отдельных философов-экзистенциалистов, так и характеризующие данное направление в целом.

Большое значение для анализа явления страха в отечественном научном наследии имели труды современных исследователей русской философии, носящие общий характер: И.И. Евлампиева, Б.В. Емельянова, А.А. Ермичева, А.Ф. Замалеева, А.А. Королькова, В.А. Кувакина, И.Д. Осипова, С.Н. Пушкина, Л.Е. Шапошникова и др.

Обратившись к эволюции представлений о страхе, можно увидеть, как мыслители античности Платон, Аристотель, Эпикур, Тит Лукреций Кар и др. рассматривали страх в рамках законов естественного и гражданского состояния людей. Панацеей от страха они видели в изоляции от общества, в состоянии безмятежности, гармонии, отрешённости от всех проблем, от суетной жизни, наполненной страданиями и тревогами. Главными страхами для античного человека являлись: утрата славы или хорошей памяти о себе, порицание общества, страх перед законом. Соответственно, социальный страх в эпоху античности ассоциировался с понятием «стыд», и выполнял морально-воспитательную функцию, мобилизуя силы человека на создание системы противостояния причинам страха и способствуя формированию социально приемлемых форм поведения.

Духовная жизнь Европейского Средневековья характеризовалась абсолютным господством христианской религии и разработка понятия страха в это время происходила, прежде всего, сквозь призму религиозных положений: ожидание скорого конца света, короткая продолжительность жизни, эпидемии, голод способствовали генерализации страха среди населения, поэтому, взгляды мыслителей этой эпохи определены катастрофическим мировоззрением и апокалиптичностью мышления. Августин Блаженный, Бернард Клервоский и другие мыслители Средневековья основным страхом человека считали религиозный страх. В правильном отношении человека к Богу, наличии у него страха Божьего они видели его избавление от всех прочих людских бед [2].

Страхи, царящие среди людей в эпоху Возрождения, исследовал французский учёный Ж. Делюмо. В своей книге «Ужасы на Западе» он рассматривает комплекс проблем, связанных с коллективными страхами и

бунтами, а также, с чувством страха, укоренившемся в сознании отдельного человека и с его возможными последствиями. Среди различных страхов, окружавших человека в данный период истории Европы, Делюмо особо выделяет два следующих: страх перед «потусторонним» миром и страх водного пространства.

Чувство контроля над окружением и самим собой, вырабатываемое исторически, постепенно смягчало человеческие страхи перед будущим. И страху, и катастрофизму в общественном сознании был объявлен вызов в философии Нового времени. Вера в прогресс, оптимистические воззрения на судьбу человечества способствовали снижению уровня тревожности, поэтому мыслители этого времени решали проблему страха рационалистически, отдавая приоритет разуму перед чувствами.

В эпоху Просвещения проблемой страха занимались Д. Юм, П. Гольбах, К.А. Гельвеций и др. С атеистических позиций они исследовали природу этого чувства как социального явления, феномена психического сознания, источника возникновения религиозных верований [4].

Первое определение страха в качестве состояния неопределённого, расплывчатого беспокойства, отличного от обычного его понимания как чувства, возникающего перед какой-либо конкретной опасностью, принадлежит одному из наиболее значительных предшественников современного экзистенциализма – датскому философу С. Кьеркегору. Работы экзистенциалистов М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, А. Камю, К. Ясперса и др. во многом опираются на учение этого мыслителя.

Наряду с отрицательным воздействием страха на ход социальных процессов, представители экзистенциализма и психоанализа особо выделяли его положительное значение в качестве решающего фактора для осознания человеком истинной цели своего существования в мире. Но если в экзистенциальной философии иррациональный страх способствует пробуждению индивида от обыденности, то в психоанализе он заставляет человека чувствовать вину перед окружением, бояться своей собственной деструктивной деятельности.

С развитием в XX веке фрейдизма и психоанализа значительно расширяется предметное поле исследования страха. Зигмунд Фрейд различал три вида страха: страх перед внешней опасностью, иррациональный внутренний (невротический) страх и страх совести [5].

Последователь Фрейда Э. Фромм придал страху социокультурный характер. По его мнению, страх является определяющим чувством при становлении личности и ее вхождении в общество. Социокультурные

аспекты феномена страха обуславливают его закрепление в архетипах коллективного бессознательного, поэтому, рассматривая общество на разных стадиях его развития, К. Юнг выделяет подсознательный «базальт», в котором отражен опыт переживания страха, обозначены основные опасности.

По мнению Освальда Шпенглера, всякая символика проистекает из страха, она знаменует защиту. По убеждению К. Изарда, результаты ряда исследований убеждают в том, что необходимо различать страх и тревогу, хотя ключевой эмоцией при тревоге является страх.

Страх – это эмоциональное состояние, отражающее защитную биологическую реакцию человека или животного при переживании ими реальной или мнимой опасности для их здоровья и благополучия. Следовательно, для человека как биологического существа возникновение страха не только целесообразно, но и полезно. Однако для человека как социального существа страх часто становится препятствием для достижения поставленных им целей.

Анализ психологических определений страха (В.М. Блейхер, С.Ю. Головин, А.И. Захаров, К.Э. Изард, И.В. Крук, Н.Д. Линде, И.П. Павлов, А.В. Петровский, К.К. Платонов, Ч. Райкрофт, И. Раншбург, А. Роббер, З. Фрейд, А. Фром, В.Д. Шадриков, Э. Эриксон и др.), позволил сформулировать рабочее определение страха как базовой эмоциональной реакции человека, возникающей в результате опредмечивания тревожности под влиянием действительной, воображаемой или внушенной опасности, угрозы его биологическому или социальному существованию. Страх проявляется в четырех планах: соматическом, субъективном, когнитивном и поведенческом [1].

В последние годы опубликовано большое количество работ отечественных и зарубежных психологов по проблеме страхов взрослых и детей (Т.А. Арефьева, Н.И. Галкина, И.О. Вагин, С.Ю. Мамонтов, А.Ю. Татаринцева, М.Ю. Григорчук, В. Цыбульский, С. Торлецкий, Ю.В. Щербатых, Р. Эммануэль, А.И. Захаров, А.М. Прихожан, J. Leveau, S.W. Garber, M.D. Garber, R. Spyzman, J. Girard-Frusard и др.), при этом, не только подходы, но и определения страха категориально различаются. Страх определяется как эмоция (А.И. Захаров, К. Изард, Е.П. Ильин, К.К. Платонов, А.М. Прихожан, Ч. Райкрофт, Ю.В. Щербатых и др.), как психическое состояние (Е.П. Ильин, А.О. Прохоров, И. Раншбург, З. Фрейд, Э. Эриксон и др.) и (У. Джемс, Э. Клапаред, У. Макдауголл, М. Правдин, С.С. Степанов), как реакция на действительную или воображаемую опасность (И.П. Павлов, Р. Герриг, Ф. Зимбардо и др.).

Анализируя все вышеперечисленные теории и практики, автор, сам ведущий как научно-теоретическую, так и практическую деятельность, делает вывод о том, что во многих определениях страха представлен физиологический компонент регуляции страха, не зависящий от какой-либо деятельности самого индивида; отсутствуют описания регуляторной активности индивида по предупреждению или преодолению негативного эмоционального состояния. Нефобическое переживание страха предполагает некоторые действия совладания со страхом. Эмоция страха мобилизует человека, если он способен регулировать свое поведение в ситуации переживания страха, в противном случае это становится психологической проблемой индивида: страх перерастает в фобию. В характеристиках страха, как и других эмоций, редко присутствует качественное (феноменологическое) описание, вместе с тем существуют достаточно отчетливо представленные нефеноменологические «сопутствующие» характеристики соответствующих состояний, выражающиеся в следующих проявлениях: физиологические процессы, двигательные или экспрессивно/импрессивные действия и действия по совладанию со страхом, то есть, саморегуляционный компонент личности. Отметим, что исследователи не всегда обращают внимание на достаточно распространенную потребность людей искусственно вызывать и переживать состояние страха (М.В. Осорина и др.) [1].

Термин «фобия» образован от греческого «phobos» – страх, ужас. Понимание этого явления в научной литературе разнообразно, а именно: Кербиков достаточно лаконично определяет фобию как навязчивый страх, Снежневский раскрывает это понятие как «навязчивый страх, характеризующийся интенсивностью и непреодолимостью, несмотря на его иррациональность и попытки с ним справиться», по мнению Коркиной фобия это «весьма мучительное переживание страха, который вызывается разнообразными предметами и явлениями». Итак, очевидно, что эти определения весьма схожи.

Другие авторы, такие как Давиденков, определяет фобию как «случайно пережитые большим жизненные опасения, непропорционально разросшиеся до степени тяжелого патологического симптома», Карвасарский трактует фобию как «навязчивое переживание страха с четкой фабулой, обостряющееся в определенных ситуациях при сохранении достаточной критики к своему состоянию», Свядош определяет «фобию как страх, связанный с определенной ситуацией или группой представлений и не возникающий в их отсутствие», по мнению Полякова, в настоящее время рамки понятия «фобии» необоснованно расширены за счет сходных расстройств с той же фабулой. «Фактически, термин «фобии» утратил в значительной степени психопатологическую конкретность, – подчерки-

вает автор, – а сами эти чрезвычайно важные и распространенные нарушения потеряли во многом свою дифференциально-диагностическую значимость».

Автор статьи убежден, что фобия – это сильно выраженный упорный навязчивый страх, необратимо обостряющийся в определенных ситуациях, и не поддающийся полному логическому объяснению. Традиционно фобии объяснялись и рассматривались в рамках навязчивых состояний человека, которые причисляли расстройством мышления. Изучение этого явления уходит корнями в XVII век. Plater в Esqurol выделил как один из видов навязчивых состояний «болезнь сомнений». Отечественный исследователь И. Балинский выделил общие характерные признаки этого расстройства – чуждость сознанию, и предложил назвать его «навязчивым состоянием».

По мнению Б. Карвасарского диагноз «невроз навязчивых состояний», как правило, сливается с понятием патологического развития личности (акцентуации и психопатии), затяжные и тяжелые случаи заболевания нередко квалифицируются в рамках малопрогрессирующей шизофрении. Другие отечественные исследователи предлагают несколько иные классификации навязчивых состояний, в основе которых находятся три основных синдрома: фобический, обсессивный и компульсивный.

Точкой отсчета многочисленных исследований фобий можно считать 1871 г., когда Westphal было предложено описание агорафобии, в котором указывалось на то, что фобии возникают помимо воли человека и не могут быть ее усилием выключены из его сознания, при этом, умственные способности сохраняются. В противовес этому мнению, Морел утверждал, что нарушения мышления являются причиной нарушений эмоциональной сферы личности. Такое соотношение фобий к столь различным феноменам отражает многогранность данного явления и показывает ее трудности, с которыми сталкиваются исследователи фобий.

Проанализировав существующие определения фобий, можно выделить следующие их характеристики: навязчивость страха, четкость фабулы, интенсивность и настойчивость в протекании, присутствие критического видения человеком своего состояния, а также, иррациональный характер страха (Каплан и Сэдок).

Автор считает необходимым отметить еще один важный момент при проведении исследований страхов и фобий современного общества, а именно тот факт, что проблематика страха междисциплинарна: теоретико-методологические аспекты осмысления феномена страха, его онтологического значения представлены в идеях Эпикура, Лукреция Кара, Платона, стоиков, А. Августина и христианской философии, Г.В.Ф. Гегеля, С. Кьер-

кегора, М. Хайдеггера, Ж.Л. Сартра; гносеологическое значение страха рассматривается Р. Декартом, М. Монтенем, Б. Спинозой, И. Кантом, О. Шпенглером; психологические детерминанты страха описаны в работах Аристотеля, Р. Декарта, Б. Спинозы, Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, З. Фрейда, Э. Фромма, К. Юнга; аксиологический аспект феномена страха, исследуемый через философское осмысление религии и культуры, представлен в работах Л. Фейербаха, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, С. Кьеркегора, М. Хайдеггера, Ж.П. Сартра, Э. Фромма.

Эволюция представлений о страхе в философской мысли отражена в исследованиях Т.В. Абакумовой, В.А. Андрусенко, В.О. Антонова, В.К. Бакшутова, И.Б. Сапожниковой и др.

Таким образом, эволюционный анализ представлений о страхе в философской мысли позволяет заключить что, являясь важнейшим модусом бытия, страх организует поведение человека. Природа страха двойственна, с одной стороны присутствие страха защищает человека от опасности, с другой стороны ограничивает постижение бытия.

Литература

1. Акопян Л.С. Психология эмоциональных состояний и их регуляция у детей младшего школьного возраста (на материале детских страхов). Автореф. ... канд. псих. наук. ГОУ ВПО «Поволжская государственная социально-гуманитарная академия». Самара, 2011. – С. 25
2. Андрусенко В.А. Социальный страх (опыт философского анализа). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 172 с.
3. Витковская М.И. Социальные страхи как предмет социологического исследования: Дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01 Москва, 2006. – 182 с.
4. Логинова Е.Г. Страх как социальный феномен в Русской религиозной философии конца 19 – первой половины 20 вв. Автореф. ... канд. филос. наук. ГОУ ВПО «Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского». Чита, 2007.
5. Фрейд З. Страх // Введение в психоанализ: лекции. М., 1989. – С. 250–263.

А. А. Асоева,
аспирант СГА

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ И КАРЬЕРНЫМ РОСТОМ РАБОТНИКА: эмпирика взаимосвязи

В данной статье автором выделяется: организация и проведение эксперимента по исследованию взаимосвязи удовлетворенности трудовой деятельностью и карьерным ростом работника посредством традиционных и авторской методик. Прежде всего необходимо отметить, что авторский анализ методик исследования показал, что у респондентов обеих выборок (контрольной и экспериментальной) ведущими карьерными ориентациями являются: «стабильность» (общая) (14,078), «интеграция стилей жизни» (6,928), «служение» (6,388), «автономия» (6,072) (табл. 1).

Таблица 1

Показатели средних значений методики «Якоря карьеры»

Про- фессио- нальная компе- тентность	Менедж- мент	Авто- номия	Стабиль- ность м/р, м/ж	Служе- ние	Вызов	Интег- рация стилей жизни	Пред- принимательство
5,284	4,984	6,072	14,078	6,388	4,732	6,928	4,81

В целом для испытуемых характерно стремление к стабильности, предсказуемости жизненных событий; сбалансированности различных сфер жизни; альтруистическая направленность и потребность в независимости от организационных правил, предписаний и ограничений. Учитывая противоречивость, сложность жизни, а также специфику профессиональной карьеры в России, можно предположить, что выбор в качестве ведущей карьерной ориентации – стабильность, очевиден. Для большинства людей, живущих в нашей стране, остро выражена потребность в безопасности. Самые низкие оценки получены по шкалам «вызов» (4,732), «менеджмент» (4,984) и «предпринимательство» (4,81). Это можно объяснить спецификой экономических отношений в нашей стране, где до сих пор не создано благоприятных условий для развития бизнеса. Более детализированные данные представлены в таблице 2.

Из таблицы видно, что для экспериментальной выборки (контрольная и экспериментальная группа) характерно равномерное распределение оце-

Частота выборов различных карьерных ориентаций (в %)

Выборка	Профессиональная компетентность	Менеджмент	Автономия	Стабильность	Служение	Вызов	Интеграция стилей жизни	Предпринимательство
Общая выборка (n = 270)	10,9	11,6	14,8	14,7	14,1	11,1	13,5	10,0
Мужчины (n = 150)	10,5	12,8	14,4	13,5	13,3	12,3	12,6	11,2
Женщины (n = 120)	11,2	10,5	14,7	15,0	14,3	9,9	14,4	8,8
Менеджеры (n = 90)	12,5	13,7	13,9	12,9	13,7	10,8	13,7	9,1
Юристы (n = 90)	10,5	13,3	13,5	14,8	14,5	12,5	12,0	9,7
Экономисты (n = 90)	10,1	13,6	14,3	11,6	12,3	12,2	12,8	13,4

нок по всем карьерным ориентациям. Наиболее часто выбираются такие карьерные ориентации, как «автономия», «интеграция стилей жизни», «служение» и «стабильность». Частота выбора карьерных ориентации в группах, которые различаются по профессиональному признаку, различна, то есть для каждой профессиональной группы существует своя специфика карьерных ориентации. Проведенные исследования показали также, что социальные различия являются более важными, чем половые. То же самое можно сказать и об ориентации «менеджмент». Для выборки менеджеров ведущими карьерными ориентациями стали менеджмент (13,9% выборов), на втором месте по выборам находятся карьерные ориентации служение и интеграция стилей жизни (13,7% выборов). Для выборки юристов ведущими карьерными ориентациями являются стабильность (14,8), вторая по значимости карьерная ориентация служение (14,5%). В выборке экономистов в качестве приоритетной карьерной ориентации зафиксирована автономия (14,3 % выборов). Это свидетельствует о том, что первичная забота личности с такой ориентацией – освобождение от организационных правил, предписаний и ограничений. Такой человек не хочет подчиняться правилам организации (рабочее время, место, форменная одежда). Если такая ориентация выражена сильно, то личность готова отказаться от продвижения по службе или от других возможностей ради сохранения своей независимости. Такой человек может работать в организации, которая обеспечивает достаточную степень свободы, но не будет чувствовать серьезных обязательств и преданность организации.

В общей совокупности выборок приоритетными карьерными ориентациями являются автономия (14,8% выборов) и стабильность (14,7% выборов).

Это говорит о преобладании потребности в безопасности и стабильности для того, чтобы будущие события были предсказуемы. В психологической литературе различают 2 типа стабильности, а именно стабильность места работы и стабильность места жительства. В нашем случае акцент делается именно на потребности в стабильность места работы. Люди, ориентированные на стабильность, могут быть талантливыми и занимать высокие должности в организации, но, предпочитая стабильную работу и жизнь, они откажутся от повышения, если оно грозит риском и временными неудобствами, даже в случае открывающихся возможностей роста.

Рассмотрим анализ результатов анкеты по изучению организационных условий, удовлетворенности трудом и профессиональным развитием, отметив следующее: по исследованию позиции «мои коллеги» в группе менеджеров 23% отметили, что коллеги упрямые, 25% – симпатичные, 8% сплоченные, 18% – часто ссорятся. В целом 26% рассматривают собственное отношение к рабочему коллективу как удовлетворительное. (см. рис. 1).

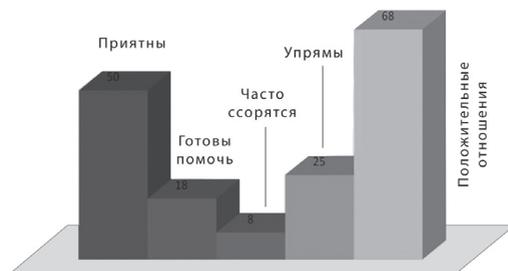

Рис. 1. Результаты анкетирования по позиции «Мои коллеги» в группе юристов

По исследованию позиции «мои коллеги» в группе экономистов зафиксированы следующие отношения: 45% респондентов определили коллег как приятные, 25% респондентов данной выборки отметили сплоченность коллектива, 26% – готовы помочь. В целом по выборке 76% респондентов определили свое отношение к коллегам как скорее доволен, чем нет (рис. 2).

Таким образом, анализ значимости мотивационных факторов показал, что для исследуемой общей выборки высоко значимыми мотивационными факторами являются: заработная плата, ответственность в работе, надежность (стабильность) рабочего места, удовлетворение от хорошо выполненной интересной работы, занятия любимым делом, а также соответствие работы способностям; среднюю степень значимости имеют факторы престижа и уважения в коллективе, условия труда, напряженность работы, а также

Рис. 2. Результаты анкетирования по позиции «Мои коллеги» в группе экономистов

возможность инициативы. Наименее значимыми являются возможность продвижения по карьерной лестнице, удобство графика работы, престижность работы, а также возможность непрерывного обучения. Таким образом, подтверждается отмеченная ранее общероссийская тенденция смещения трудовых ценностей в сторону занятия работой как любимым делом, которая соответствует способностям работника и позволяет получить достойный уровень дохода и стабильную занятость.

Анализ результатов методики (BIV) Боттшера

Анализ результатов методики показал, что максимально высокие оценки получены по шкалам «социальное положение» (7,1) и «социальная активность» (6,26), что свидетельствует о том, что для респондентов обеих выборок характерно значительное влияние факторов внешней среды, выраженное напряжение в личных и социальных ситуациях; трудности социальной адаптации; неспособность устанавливать и поддерживать социальные контакты, существует проблема раскрытия себя.

По сравнению с указанными двумя шкалами, значительно низкие оценки получены по шкалам «воспитание» (4,88) и «экстраверсия» (4,54). Низкие оценки по шкале «воспитание» могут говорить о благоприятном, способствующем дальнейшему развитию воспитательном поведении родителей, хорошем взаимодействии между родителями. В тоже время, невысокие баллы по шкале «экстраверсия», показывают невысокую социальную активность, уединенный образ жизни, неспособность к спонтанному реагированию (табл. 3).

Исследование личностных особенностей показало максимально высокие оценки по шкалам «социальное положение» и «социальная активность». По сравнению с указанными двумя шкалами, значительно низкие оцен-

Показатели средних значений методики «BIV»

FAM	ICHSTK	SOZLAG	ERZIEN	N	SOZAKT	PSYKON	E_
5,12	5,38	7,1	4,88	5,34	6,26	5,24	4,54

ки получены по шкалам «воспитание», «экстраверсия», «психофизическая конституция». Выбор такого критерия как «качество жизни» в нашем исследовании обусловлен тем, что переживание психологического комфорта, неотъемлемой частью которого, выступает удовлетворенность субъекта персональным качеством жизни, является важным показателем динамики здоровья и соотносится с удовлетворенностью самореализацией личности, устойчивостью развития позитивного самоотношения к себе как субъекту деятельности и ее психическим здоровьем, и, следовательно, эффективному построению индивидуального карьерного роста.

В структуре понятия «качество жизни» нами выделены условия, формы и критерии жизнедеятельности отдельного субъекта деятельности, а именно учителя начальных классов (работа, личные достижения и устремления, здоровье, общение с друзьями, поддержка, оптимистичность, напряженность, самоконтроль, негативные эмоции).

Анализируя полученные результаты исследования оценки уровня удовлетворенности качеством жизни мы получили следующие результаты (рис. 3).

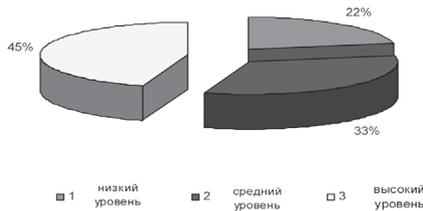

Рис. 3. Уровень удовлетворенности качеством жизни в выборке юристов (n = 90)

Выборка юристов показала общий индекс качества жизни на среднем уровне из них индивидуальные показатели составили 22% – низкий индекс качества жизни, 33% – средний уровень удовлетворенности качеством жизни и 45% респондентов отметили высокий уровень качества жизни.

В целом данная выборка отметила высокий уровень удовлетворенности по четвертой субшкале – общение с друзьями (близкими).

Выборка менеджеров по общему индексу качества жизни показали средний уровень, что составило 33% респондентов отметивших низкий

уровень удовлетворенности такими критериями жизнедеятельности как здоровье, общение и самоконтроль. По остальным критериям данная группа (77%) показала средний индекс качества жизни (см. рис. 4).

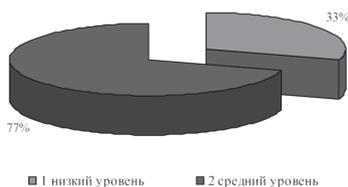

Рис. 4. Уровень удовлетворенности качеством жизни в выборке менеджеров (n = 90)

Результаты диагностики индекса качества жизни в выборке экономистов показали равное процентное соотношение между средним и высоким уровнем удовлетворенности качеством жизни, что составило 46% и наличие группы респондентов отметивших низкий уровень удовлетворенности качеством жизни – 8% (см. рис. 5).

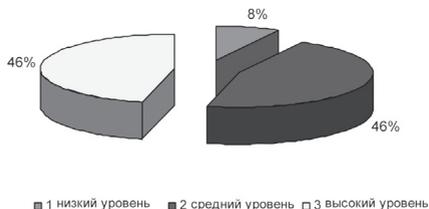

Рис. 5. Уровень удовлетворенности качеством жизни в выборке экономистов (n = 90)

Таким образом, если сравнивать полученные результаты трех выделенных нами категорий респондентов (различия в профессиональном выборе) то можно отметить преобладание низкого уровня удовлетворенности качеством жизни в группах юристов и менеджеров. Причем, в выборках юристов и экономистов 45 и 46 процентов респондентов соответственно отметили высокий индекс удовлетворенности, что характерно для людей с выраженной оптимистичностью и активной жизненной позицией. В выборке менеджеров данный показатель отсутствует, что свидетельствует о наличии напряженности, снижении уровня оптимистичности и переживании синдрома выгорания, что характерно формированием низкого уровня адаптации, приспособленности к жизни, неудовлетворенностью собой и выбранной профессией (см. рис. 6).

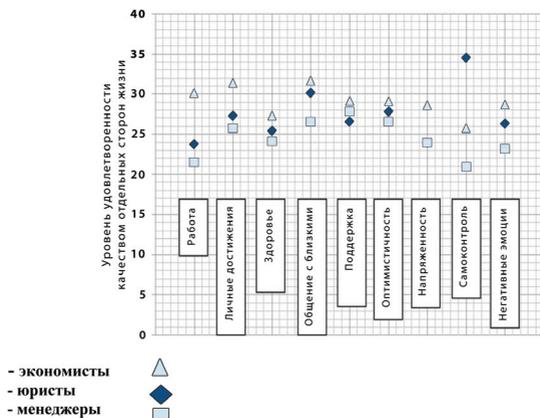

Рис. 6. Зависимость уровня удовлетворенности качеством жизни от профессионального выбора

Описанный выше анализ подтверждают коэффициенты Пирсона подсчитанные математически (см. табл. 4). По всем выборкам коэффициент составил $p < 0,05$, таким образом, есть основания считать полученные результаты достоверными.

Таблица 4

Значение коэффициентов ранговой корреляции Пирсона по методике «Уровень удовлетворенности качеством жизни»

№ п/п	Индексы качества жизни	Выборки респондентов с различным профессиональным выбором		
		Юристы (n = 90)	Менеджеры (n = 90)	Экономисты (n = 90)
1	Работа	0,391	0,425	-0,391
2	Личные достижения	0,345	0,553	0,380
3	Здоровье	0,553	-0,504	0,380
4	Общение с близкими людьми	0,403	0,446	0,386
5	Поддержка	0,389	0,336	0,386
6	Оптимистичность	0,373	0,336	0,322
7	Напряженность	0,732	0,391	0,611
8	Самоконтроль	0,403	0,345	0,352
9	Негативные эмоции	0,323	0,342	0,824

Итак, представленное исследование выявило существенную значимость для потенциала карьерного роста централизованной составляющей, полученной методом рекалькуляции данных личностно-профессионального опросника. Данная составляющая складывается из характеристик личности, детерминирующих стремление респондентов экспериментальной группы актуализировать свой потенциал. Факторный анализ показал, что по ролевой нагрузке компонентов данной составляющей выделяется ценностно-смысловой компонент (22,1%), который характеризуется осознанием текущих и перспективных задач, умением формулировать смыслоразнозначные проблемы и видеть пути их решения.

Очевидно, что построение иерархии «карьерных якорей», и выбора ведущего детерминировано сочетанием разных факторов: личностных особенностей человека, социальных влияний на личность, макроэкономических условий сложившихся в обществе. Поэтому, система карьерных ориентаций, таким образом, содержательно определяет пути для саморазвития и личностного роста, включая в себя одновременно их направление и способы их осуществления. Предпочтение одних карьерных установок, ориентаций другим зависит от особенностей развития личности, уровня удовлетворенности трудовой деятельностью, системы ценностных ориентаций и множества других факторов. Тем самым автор показывает эмпирику взаимосвязи между удовлетворенностью трудовой деятельностью работника и его карьерным ростом.

Ю. В. Красильникова,

*старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
НОУ ВПО «Московский институт права»*

ПРОБЛЕМА ПРАВОСОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Социально-политическая ситуация современного российского общества подходит, по мнению автора, к состоянию, характеризующемуся в современной социологии и социальной практике как общество риска. Под обществом риска понимается специфический способ организации социальных связей, взаимодействий и отношений людей в условиях неопределенности, когда воспроизводство жизненных средств, духовных и физических сил человека приобретает не социально направленный, а преимущественно, случайный, вероятностный характер, вытесняясь производством самого риска¹.

Формирование правосознания личности, предполагает, что взаимоотношения «государство – гражданин – личность» должно быть направлено на подготовку ролевых функций гражданина, добросовестное выполнение которых предоставляет возможность каждому человеку нормально существовать в системе государственной жизни, использовать свои права и свободы, определенные Конституцией. К сожалению, приходится констатировать, что осуществление правовой реформы проходит на фоне негативных факторов, к числу которых можно отнести рост наркомании, злоупотребление алкогольными и табачными изделиями, увеличение преступности, поэтому первоочередной задачей государства и общества становится создание условий для оздоровления нации, в том числе, и реализации системы мер по повышению правосознания и правовой культуры граждан.

Данная проблема всегда привлекала к себе пристальное внимание ученых-правоведов. Проблемы правосознания, их место и роль в жизни общества исследовались представителями российской правовой науки конца XIX – начала XX столетия: Н.Н. Алексеева, И.А. Ильина, Б.А. Кистяковского, Н.М. Коркунова, С.А. Муромцева, П.И. Новгородцева, Л.И. Петражицкого, К.П. Победоносцева, Н.С. Таганцева, Е.Н. Трубецкого, Г.Ф. Шершеневича, Б.Н. Чичерина, В.М. Хвостова и др.

¹ Зубок Ю.А. Проблема риска в социологии молодежи. М., 2003. – 146 с.

Формированию правовой культуры и правосознания посвящены работы С.С. Алексеева, Б.В. Аграновского, К.Т. Бельского, Н.В. Гапоненко, Н.Л. Гранат, И.Л. Давитнидзе, А.И. Денисова, А.И. Иванчак, В.И. Каминской, Н.М. Кейзерова, Д.А. Керимова, Н.И. Козюбры, М.П. Каревой, В.Н. Кудрявцева, Е.А. Лукашевой, Г.В. Мальцева, А.В. Мицкевич, А.С. Мордовец, В.В. Оксамытного, Г.С. Остроумова, И.Ф. Покровского, А.Р. Ратинова, М.А. Рейснера, В.П. Сальникова, А.П. Семитко, М.С. Строговича, И.Е. Фарбера, и др.

Обращаясь к сущности правосознания, как к достаточно сложному, многоаспектному явлению, автор рассматривает его специфику и выделяет следующие особенности: правосознание является особой формой общественного сознания, объектом отражения которого является право, юридическая действительность; правосознание включает в себя теории, идеи, чувства, представления, ценности, ожидания, настроения, складывающиеся у различных социальных групп и индивидов в процессе их включения в систему правоотношений; правосознание характеризует всю совокупность духовных образований, определяющих способность человека к существованию в правовом пространстве, его умение следовать нормам права, нести ответственность за реализацию своих прав и свобод.

Одновременно, автор убежден, что правосознание, в отличие, от иных явлений правовой действительности – интенционально, так как правосознание: есть саморефлексия, оно обладает свойством нормативности; характеризует субъективную сторону права; ключевой пункт правосознания – осознание людьми ценности права и одновременно представления о действующем праве, о том, насколько оно соответствует требованиям разума и справедливости, правовым ценностям и идеалам¹.

Несмотря на тот факт, что проблемой изучения данного социального феномена явились работы многих исследователей, мы должны отметить, что на данный момент отсутствует единый общепринятый подход к определению понятия правосознания. Ряд авторов разделяют позицию Е.А. Лукашевой, которая понимает под правосознанием форму общественного сознания, которая воплощает взгляды, представления, настроения, чувства рабочего класса (всего народа) относительно характера, сущности, принципов права и законности, рациональную и эмоциональную оценку действующих норм права; убеждение в необходимости претворять нормы в жизнь; понимание смысла и социального значения, юридических прав и обязанностей в их не-

¹ Ишкильдина Г.Р. Правосознание молодежи: Проблемы становления и эволюции в современных условиях: Автореф. ... дис. канд. юр. наук: 12.00.01. Казань, 2002. – 21 с.

разрывной связи, осуждение неправомерного поведения и любых фактов несправедливости, беззакония и произвола».

Большинство авторов подчеркивают, что правосознание в основном имеет дело с «субъективацией» права, то есть с субъективной рефлексией и умонастроениями того или иного участника правоотношений. Правосознание имеет при этом весьма сложную структуру. Оно включает в себя множество различных компонентов и обусловленные ими отдельные уровни: общественное, групповое и индивидуальное сознание; правовую психологию и идеологию, чувства и эмоции, представления и идеологемы, ориентации и установки, и другие духовные, рефлексивные образования, связанные с познанием и освоением мира реального права, реальной юридической действительности.

По мнению автора, правовое сознание – это особая форма духовного освоения действительности, которая может быть представлена системой идей, представлений, убеждений, теорий, чувств, взглядов, складывающихся в отношении правовой действительности в процессе ее познания и осмысления. Правосознание может быть представлено следующими основными элементами: правовой психологией и правовой идеологией.

Правовая психология соответствует эмпирическому, обыденному уровню общественного сознания, которое формируется в результате повседневной человеческой практики как отдельных индивидов, так и социальных групп. Правовая идеология – это совокупность юридических идей, теорий, взглядов, отражающих и оценивающих в концептуальном, систематизированном виде правовую реальность.

Правосознание включает знание действующего права, его основных принципов и требований, но не сводится к нему: для правосознания не менее важен оценочный момент и поведенческие установки. Правосознание неразрывно связано с правовым поведением, является его подготовительным этапом, наполняет его смыслом, а также делает возможным правовое взаимодействие между субъектами правового процесса, правоотношений.

На взгляд автора, в правосознании можно выделить две составные части этого явления: познавательную и мотивационную. К познавательной следует отнести знания о праве, интерес к правовым явлениям и убеждения. К мотивационной – потребности, ценности, чувства и установки.

Особо следует отметить, что продолжавшийся в течение ряда последних лет спад производства и периодические социально-экономические, политические и финансовые кризисы лишили людей уверенности в завтрашнем дне. В настоящее время значительная часть населения пере-

живает чувство исторической растерянности, людям чрезвычайно трудно самоопределиться, идентифицировать себя со временем, окружающей действительностью. Происходит распад традиционных ценностей, смена политических, культурных ориентиров а, следовательно, и изменение отношения к праву как к ценности.

Расслоение общества сопровождается усилением социальной напряженности, ростом преступности. Растет количество молодежи, которая не совершает тяжких преступлений, но допускает преступные действия, не представляющие большой общественной опасности. И подобные действия отнюдь не осуждаются в молодежной среде, а, напротив, получают оправдание как средства достижения поставленных целей. Социологические исследования показали, что 38% респондентов считают обоснованным применение шантажа, угроз при решении жизненно важных проблем, а 20% уже ими воспользовались.

Для весьма значительной части российских граждан противоправное поведение становится нормой жизни, способом решения экономических, социальных проблем. Насилие все больше выступает в качестве своеобразной ценности, жизненной стратегии, доминирующего образца поведения. Красноречивым свидетельством криминализации правосознания являются различные формы социальной девиации: преступность, наркомания, токсикомания, алкоголизм и т.д. Исследователи называют вышеперечисленные формы социальной девиации не иначе как социальной патологией, которая дезорганизует жизнедеятельность всего общества. Поэтому исследование уровней правосознания весьма актуально сегодня, поскольку именно от уровня зависит, насколько осмысленно и инициативно будут участвовать все социальные группы в процессе осуществления социально-политической деятельности.

Одни исследователи выделяют активный, обычный, пассивный уровень правосознания¹. Другие выделяют не уровни, а слои, которые включают в себя: 1) представления о должном в праве, т.е. что должно быть в правовой действительности с точки зрения требований общества, этноса, класса; 2) представления о сущем в праве, т.е. отражение существующих на данный момент элементов правовой действительности и 3) представления о желаемом в праве и иных элементах².

¹ Максимова И.М. Правосознание как источник правового поведения личности: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Тамбов: РГБ, 2005. – С. 20.

² Белканов Е.А. Структура и функции правосознания: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. – С. 46.

Третьи считают слоем правовую психологию: «правовая психология – это своего рода стихийный, «несистематизированный» слой правового сознания, выражающийся в отдельных психологических реакциях любого человека или той или иной социальной группы на государство, право, законодательство и другие юридические феномены»¹.

Четвертые выделяют уровни в отдельных компонентах правосознания (правовой идеологии). Например, Р.С. Байниязов выделяет четыре уровня: идеология отдельно взятой личности; идеология небольшой социальной группы, класса; идеология большинства членов общества и идеология, включающая достижение общемирового духовно-правового прогресса².

Некоторые исследователи довольно уникально определяют взаимосвязи между правом и уровнем правосознания: «Право – это то зеркало, которое отображает уровень индивидуального сознания и подсознания современного человека и состояние умов (коллективное сознательное и бессознательное) социальных групп, сообществ и всего человечества как доминирующего вида разума на планете Земля в целом. Право – определенный стоп-кадр мысли, срез сознания, проявленно-материальный отрезок информопотока или документированный след информации, который запечатлевает уровень правосознания, вектор и качество культурного развития субъекта во времени. Отображение это совсем не прямое и нелинейное»³.

Таким образом, рассмотрев различные подходы, можно сделать вывод, что количество уровней (слоев, пластов) правосознания, их взаимосвязь трактуется различными учеными неоднозначно, следовательно, данный вопрос является дискуссионным и требует дополнительных исследований.

¹ Синокова Т.В. Правосознание и правовое воспитание. Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2002. – С. 612.

² Байниязов Р.С. Правосознание как правовая идеология // Атриум. Серия юриспруденция. – 1998. – № 1. – С. 8.

³ Молчанов С.Н. Об использовании понятий «культурные ценности» и «культурное наследие» (достояние) в международном праве (информационно-аналитический обзор) // Московский журнал международного права. – 2000. – №2. – С. 20–27; Молчанов С.Н. Международно-правовое сотрудничество в области культуры // Московский журнал международного права. – 2002. – № 4. – С. 110–123.

Л. В. Терехова,

соискатель НОУ ВПО «Московский институт права»

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ В НАЦИОНАЛЬНОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Мировое сообщество серьезно заинтересовалось темой «торговля людьми» в конце XIX века. Так, в 1899 г., в Лондоне состоялся Международный конгресс по борьбе с торговлей женщинами. Конференция отметила устрашающие размеры этого явления, обратилась к государствам с призывом заключить многосторонний договор и повсеместно создать национальные комитеты по борьбе с проституцией. Такие комитеты были созданы во многих странах, в том числе и в России в 1900 году – «Российское общество защиты женщин». В задачу комитета входило «содействие предохранению девушек от опасности быть вовлеченными в разврат и возвращению падших женщин к честной жизни, устройство приютов Св. Магдалины, распространение здоровых понятий о нравственности и вреде разврата»¹. В результате деятельность Международного конгресса по борьбе с торговлей женщинами повлекла за собой формулирование такой проблемы как «белое рабство». Большинство стран Европы подписало в 1904 году в Париже Международный Договор, направленный на борьбу с этим явлением. В то время особенное внимание уделялось женщинам Великобритании, которых принуждали к проституции в странах континентальной Европы. Позже понятие «белого рабства» распространилось на общее понятие торговли «живым товаром». Ввоз женщин в другие иностранные государства в качестве «невест по переписке», домашних работниц, официанток или фотомоделей очень часто служил для вовлечения их в работу в секс-бизнесе путем обмана или угроз.

В современном мире деятельность по предотвращению торговли людьми осуществляют международные негосударственные организации, правительства многих стран мира. Одними из первых превентивную работу в этой области начали неправительственные организации. В конце 1980-х гг. в Нидерландах был создан Фонд против торговли женщинами. Эта организация в 1995 году инициировала вместе с неправительственными организациями международную программу «Ла Страда» – «Предотвращение торгов-

¹ Панов В.П. Торговля женщинами и детьми. Российская юридическая энциклопедия / под общей редакцией А.Я. Сухарева. М., 1999. – С. 974.

ли женщинами в странах Центральной и Восточной Европы». Основными направлениями деятельности программы «Ла Страда» являются: помощь пострадавшим от торговли людьми; организация работы «горячей линии»; проведение исследований по проблемам насилия в отношении женщин; экспертиза законодательных актов, которые регулируют положение женщин в стране; ведение просветительской деятельности среди молодежи по проблемам женских прав и предотвращения торговли женщинами и иным видам насилия; работа со средствами массовой информации, распространение информации по проблеме; издание материалов, бюллетеней, листовок по проблеме предотвращения торговли женщинами и их распространение; проведение семинаров, рабочих секций, конференций; сотрудничество с государственными структурами с целью формирования национальной программы действий по предотвращению торговли женщинами; сотрудничество с посольствами за границей, сотрудничество с правительственными и неправительственными организациями в стране и за границей с целью предотвращения торговли женщинами и помощи жертвам нелегальной торговли.

В январе 2004 года в Москве состоялась первая Всероссийская Ассамблея неправительственных организаций по противодействию торговле людьми. Тогдашний Президент России Владимир Путин направил участникам ассамблеи приветственное послание, в котором признал торговлю людьми одной из опаснейших угроз цивилизации. В документе, в частности, говорилось: «Вас объединило стремление внести деятельный вклад в решение острых социальных и правовых проблем современности. Ежегодно во всем мире миллионы мужчин, женщин и детей покупаются, продаются, перевозятся и удерживаются против своей воли. Торговля людьми становится одной из опаснейших угроз цивилизации – наряду с организованной преступностью, терроризмом, наркоманией, наркоторговлей.

Россия последовательно выполняет свои обязательства по борьбе с такими преступлениями. Принятые поправки в Уголовный кодекс РФ, устанавливающие ответственность за торговлю людьми, исключают возможность безнаказанности подобной деятельности. Рассчитываю, что работа вашего форума привлечет общественное внимание к проблемам торговли людьми, объединит усилия государственных органов и неправительственных организаций и поможет решению этой проблемы».

В конференции участвовали 83 неправительственных организации из России, стран ближнего и дальнего зарубежья. Открыл ассамблею госсекретарь США Колин Пауэлл, который призвал мир объединиться против торговли людьми.

По данным Европейского союза, жертвами торговли людьми ежегодно становится свыше 120 тысяч женщин и детей только из стран Центральной и Восточной Европы, включая Россию. Государственный департамент США опубликовал список 19 стран, руководство которых обвиняется в пассивности в деле борьбы с торговлей людьми. В число таких государств вошли Россия, Афганистан, Греция, Турция, Саудовская Аравия.

«Подавляющее большинство жертв торговли людьми составляют женщины и дети. Торговцы зачастую вовлекают их в порнобизнес и проституцию. Это приносит жертвам ужасные моральные и физические страдания и создает сильный риск опасных заболеваний, подобных СПИДу», - заявил госсекретарь США Колин Пауэлл.

Согласно материалам доклада, опубликованного на сайте государственного департамента США, число жертв торговли людьми ежегодно составляет от 700 тысяч до 4 миллионов человек. Помимо России, Греции, Турции и Саудовской Аравии наиболее сложная ситуация с торговлей людьми сложилась в Албании, Бахрейне, Белоруссии, Болгарии, Боснии, Индонезии, Китае, Ливане, Мьянме, Нигерии, Румынии, Судане и Объединенных Арабских Эмиратах, Таиланде, Украине. Чаще всего люди отправляются из этих стран в ту же Германию, а также в США, Италию, Нидерланды, Японию, Грецию, Индию, Таиланд и Австралию. Польшу, Черногорию и Венгрию авторы доклада считают главными транзитными центрами работорговли. Сотрудники государственного департамента отметили ухудшение ситуации в Камбодже и Киргизии.

О том, что Россия стала одним из ведущих экспортеров рабов, и российские, и иностранные эксперты говорили неоднократно. Так, 24 января 2003 года российское представительство Международного совета по научным исследованиям и обмену (IREX) привело результаты исследования истинных масштабов женской эмиграции из России, ее основные мотивы и результаты. Анализ проводился четыре года (с 1998-го по 2002 год) в США и Франции. По данным IREX, ежегодно из России уезжает больше 150 тысяч невест. И с каждым годом это число растет. По данным IREX, в Интернете существует 600 американских и более 200 русских брачных агентств, работающих только на американском «направлении».

Центр ООН по предотвращению международных преступлений представил отчет по проблеме сексуальной эксплуатации в июне 2003 года. Согласно документу, первое место в мире среди поставщиков секс-рабов заняла Россия. По данным экспертов ООН, российские граждане составляют большую часть из общего числа тех, кого переправляют с целью сексуальной эксплуатации в страны Западной Европы, Ближнего Востока и Северной Америки.

По оценкам ООН, число рабов в современном мире составляет 27 млн. человек. Сегодня из числа граждан бывшего СССР 600 тысяч человек пребывают в невольничьем состоянии. Организованные преступные группы зарабатывают на современной работорговле до 7 млрд. долларов в год, что по уровню прибыльности стоит сразу после торговли наркотиками и оружием. Емкость международного рынка работорговли составляет, как минимум, 4 млн. человек в год. При этом речь идет не только о проституции, хотя традиционно именно проституция ассоциируется с торговлей людьми. Речь идет и об эксплуатации в виде использования рабского труда, а также изъятии органов и тканей человека.

С 2002 года Комитет по законодательству Госдумы и межведомственная рабочая группа под руководством тогдашнего заместителя председателя комитета Государственной Думы РФ Мизулиной Е.Б. начали разрабатывать законопроект «О противодействии торговле людьми». В создании законопроекта принимали участие специалисты из МВД, МИДа, Минюста, Минтруда, Федеральной пограничной службы, представители общественных кризисных центров. Разработчиками был учтен иностранный опыт (к 2003 г. законы о противодействии торговле людьми и защите прав пострадавших приняты в Бельгии, Болгарии, Германии, Италии, Нидерландах, США, Таиланде, Украине и др. странах), проект получил положительную оценку специалистов, в том числе экспертов ОБСЕ.

Координатор рабочей группы по подготовке проекта Татьяна Холщевская пояснила, что проблема постепенно выходит за рамки правового регулирования. Поэтому параллельно «большому закону» группа подготовила два «предваряющих».

Первый законопроект 27 октября 2003 г. внес в Госдуму РФ Президент России. Внесение и принятие второго ожидается, и предположительной название его – «О статусе жертв торговли людьми». В нем будет указано, кого считать жертвой, и прописан механизм помощи тем лицам, которые оказались за границей без документов и денег, их возвращения на родину и предоставления им защиты.

8 декабря 2003 года в Российской Федерации был принят Федеральный закон № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный Кодекс Российской Федерации», который предусмотрел уголовную ответственность за торговлю людьми ст. 127.1 УК РФ и использование рабского труда ст. 127.1 УК РФ. По данным статьям предусматривается максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до 15 лет.

В соответствии с дефиницией, данной в ст. 127.1 Уголовного Кодекса РФ, под торговлей людьми понимается купля-продажа человека либо

его вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение, совершенные в целях его эксплуатации. В примечании 2 данной статьи под эксплуатацией человека понимаются использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги), подневольное состояние¹.

Анализируемая статья является новеллой уголовного права России, но не международного права. Так, например, торговля женщинами и детьми – самостоятельные преступления международного характера, но при условии, что торговля осуществляется без цели обращения в рабство и, следовательно, не подпадает под действие международных соглашений о борьбе с работорговлей. В 1910 г. была подписана Международная конвенция о пресечении торга женщинами. Она возложила на государства обязанность вести борьбу с таким преступлением, как «склонение или вовлечение в разврат несовершеннолетних и совершеннолетних женщин и девушек, даже если отдельные действия, являющиеся частями этого преступного деяния, были совершены в различных странах». Вменялось в обязанность и оказание правовой помощи по уголовным делам: сообщать законы, передавать судебные поручения, выписки из приговоров. Однако в Конвенции не было норм об ответственности за насильственное задержание женщины в доме терпимости и за сам факт продажи женщин. Многие проблемы решила Женевская конвенция о запрещении торговли женщинами и детьми, принятая в 1921 г. Она рекомендовала государствам привлекать к уголовной ответственности субъектов, вовлекающих женщин в занятия проституцией или занимающихся торговлей женщинами и детьми.

25 сентября 1926 года также в Женеве была принята Конвенция относительно рабства². Она действует и по сегодняшний день с изменениями, внесенными Протоколом от 7 декабря 1953 года. Стороны, подписавшие данную Конвенцию, исходили из действующих до того актов, например, Генерального акта Брюссельской конференции 1889–90 гг., где было заявлено о твердом намерении положить конец торговле невольниками в Африке, доклада Временной комиссии по рабству, назначенной Советом Лиги Наций 12 июня 1924 г. и других³.

¹ В ред. ФЗ РФ от 21.07.2004 г. № 73-ФЗ.

² Международное право в документах: учеб. пособие / сост.: Н.Т. Блатова, Г.М. Мелков. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2003. – С. 340.

³ Преамбула к Конвенции относительно рабства от 25 сентября 1926 года.

В соответствии со ст. 1 данной Конвенции рабство определяется как состояние или положение человека, над которым осуществляются атрибуты права собственности или некоторые из них, а торговля невольниками включает всякий акт захвата, приобретения или уступки человека с целью продажи его в рабство; всякий акт приобретения невольника с целью продажи его или обмена; всякий акт уступки путем продажи или обмена невольника, приобретенного с целью продажи или обмена, равно как и вообще всякий акт торговли или перевозки невольников.

Стороны договорились о том, что поскольку они еще не приняли необходимых мер, и каждая в отношении территорий, находящихся под ее суверенитетом, юрисдикцией, покровительством, сюзеренитетом или опекой, обязуется: а) предотвращать и пресекать торговлю невольниками; б) продолжать добиваться постепенно и в возможно короткий срок полной отмены рабства во всех его формах. Кроме того, стороны обязуются принять все соответствующие меры для предотвращения и прекращения погрузки, выгрузки и перевозки невольников в своих территориальных водах, равно как и вообще на всех судах, носящих их национальные флаги.

Конвенция от 21 марта 1949 г. о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами¹ содержит в Преамбуле, что торговля людьми и сопровождающая ее проституция несовместимы с достоинством и ценностью человеческой личности и угрожают благосостоянию человека, семьи и общества².

Конвенция 1949 г. признала преступлениями: а) сводничество, склонение или совращение в целях проституции другого лица, даже с его согласия; б) эксплуатацию лиц, занимающихся проституцией (или вовлекаемых в проституцию), даже с их согласия; в) содержание дома терпимости или управление им, а также сознательное финансирование и участие в финансировании дома терпимости; г) сдачу в аренду или наем здания либо другого места при осведомлении, что они будут использоваться в целях проституции третьими лицами; д) покушение на вышеуказанные действия, а также подготовку к ним и умышленное соучастие в этих действиях.

Торговля женщинами и детьми признаны экстрадиционными, т.е. влекущими за собой выдачу преступников как при наличии двустороннего договора

¹ Международное право в документах: учеб. пособие / сост.: Н.Т. Блатова, Г.М. Мелков. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2003. – С. 353.

² Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов. М., 1990. – С. 32, 211.

между государствами, так и в отсутствие такового. Предусмотрено и уголовное преследование преступников по нормам национального законодательства. Само по себе занятие проституцией не является преступлением. Запрещены регистрация проституток и выдача им особых документов. Эта норма призвана защитить человеческое достоинство женщины. Конвенция предусмотрела меры пресечения торговлей женщинами и детьми в целях проституции. При этом государства-участники взяли на себя следующие обязанности: а) принимать необходимые нормативные акты для защиты женщин и детей из числа иммигрантов и эмигрантов в пунктах их прибытия и отправления, а также в пути их следования; б) принимать меры для соответствующего оповещения населения об опасностях торговли людьми; в) обеспечивать наблюдение за железнодорожными станциями, аэропортами, морскими портами для предупреждения этих преступлений, уведомлять соответствующие власти о прибытии подозреваемых в совершении таких преступлений лиц и их жертв, д) наблюдать за конторами по найму труда, чтобы оградить женщин и детей от вербовки в целях проституции, е) оказывать временную помощь лицам, которые стали жертвами международной торговли, а при их желании - способствовать репатриации. При этом каждое государство обязывалось учредить на своей территории специальный (центральный и координационный) орган борьбы с перечисленными международными преступлениями. Предусмотрены обмен информацией и принятие необходимых законодательных мер для обеспечения реализации Конвенции. Это значит, что нормы ее должны быть трансформированы в национальное законодательство. После ратификации Конвенции в Италии, например, был принят Акт № 75, которым установлены строгие наказания за вовлечение в занятие проституцией и эксплуатацию проституции третьими лицами и торговлю людьми в целях занятия проституцией. Подобный закон был принят в Японии.

В Риме 4 ноября 1950 года в рамках Совета Европы была принята Конвенция о защите прав человека и основных свобод¹, ст. 4 которой содержит положение о том, что никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии. В Женеве, в Европейском отделении ООН, 7 сентября 1956 г. была принята дополнительная (к Конвенции от 25 сентября 1926 года) Конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством².

¹ Международное гуманитарное право в документах. М.: Московский независимый институт международного права, 1996. – С. 69.

² Международное право в документах: учеб. пособие / сост.: Н.Т. Блатова, Г.М. Мелков. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2003. – С. 343.

В соответствии со ст. 1 институтами и обычаями, сходными с рабством, являются: а) долговая кабала, т.е. положение или состояние, возникающее вследствие залога должником в обеспечение долга своего личного труда или труда зависимого от него лица, если надлежаще определяемая ценность выполняемой работы не зачитывается в погашение долга или если продолжительность этой работы не ограничена и характер ее не определен; б) крепостное состояние, т.е. такое пользование землей, при котором пользователь обязан по закону, обычаю или соглашению жить и работать на земле, принадлежащей другому лицу, и выполнять определенную работу для такого другого лица, или за вознаграждение или без такового, и не может изменить это свое состояние; в) любой институт или обычай, в силу которых: i) женщину обещают выдать или выдают замуж, без права отказа с ее стороны, ее родители, опекун, семья или любое другое лицо или группа лиц за вознаграждение деньгами или натурой; ii) муж женщины, его семья или его клан имеет право передать ее другому лицу за вознаграждение или иным образом; или iii) женщина по смерти мужа передается по наследству другому лицу; d) любой институт или обычай, в силу которого ребенок или подросток моложе 18 лет передается одним или обоими своими родителями или своим опекуном другому лицу, за вознаграждение или без такового, с целью эксплуатации этого ребенка или подростка или его труда.

Необходимо отметить, что Российская Федерация как демократическое, правовое государство участвует во многих упомянутых Конвенциях, создавая при этом и внутринациональную систему норм права, касающуюся данной проблематики и видит необходимость серьезных действий на пути «торговли людьми», этого позора нашего времени!

А. В. Трапицын,

председатель Совета Некоммерческого Партнерства

*«Саморегулируемая организация арбитражных управляющих при ТПП РФ»,
магистр экономики*

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ: к вопросу о постановке проблемы

Актуальность исследования процессов модернизации современной российской экономики в контексте антикризисного управления определяется тем основанием, что современный этап состояния нашего общества в глобализационных условиях «затухающей волны» мирового системного финансово-экономического кризиса характеризуется множественностью сущностных, структурных и содержательных несоответствий, порождающих противоречие между насущной необходимостью иметь в наличии комплексные теоретические и практические разработки системных экономических механизмов модернизации российской экономики в контексте предупреждения негативных последствий всемирных кризисных ситуаций и отсутствием таковых именно в комплексном ракурсе и, прежде всего, в призме антикризисного управления экономикой в конкретных отраслях, на конкретных предприятиях, в конкретных экономических системах. Отсюда вытекает и сама проблема обоснования необходимости и научно-практического обоснования разработки многофакторных моделей антикризисного управления в ситуации модернизационного процесса экономики современной России конца первого десятилетия XXI века.

Рассматривая степень разработанности проблемы, необходимо отметить, что существует множество направлений и подходов изучения выявленной автором проблемы. Проанализируем наиболее значимые для нашего исследования.

Исследованием теории и истории экономических кризисов занимались Е. Варга, Т. Веблен, Дж. М. Кейнс, С. Кузнец, К. Маркс, С. Миньшиков, У. Митчелл, И. Трахтенберг, Й. Шумпетер и др. [3, 6].

Важный вклад в работу над определением сущности понятия кризиса и его проявлениями внесли российские ученые, такие как А. Богданов, А. Ивантер, Э. Коротков, В. Панич, В. Поздеев, Б. Расин, Ю. Яковец и др. [2].

Кризисные фазы долгосрочных экономических циклов исследовал Н.Д. Кондратьев [1].

Особое внимание уделяли антикризисному управлению и решению проблем, возникающих в его рамках, З. Айвазян, В. Баринов, О. Богатырева, Е. Броило, О. Вишневская, А. Грязнова, А. Зуб, Ю. Новиков, Р. Попов, Н. Самоукина и др. [2, 5].

Теоретические и методологические аспекты реструктуризации предприятий как одного из основных инструментов антикризисного управления рассматриваются в работах зарубежных ученых, среди которых Л. Бартон, Б. Ричардсон, И. Митрофф, Дж. Мэйерс, Р. Хит и др. [3, 7].

В последние годы на фоне антикризисных процессов мирового экономического кризиса все большую популярность приобретают теории управления стоимостью бизнеса, одним из основополагающих разделов которых является реструктуризация. Значительный вклад в развитие данного научного направления внесли такие российские и зарубежные ученые как С. Валдайцев, А. Грязнова, Ю. Еленева, В. Ефимов, Ю. Козырь, Т. Коллер, Т. Коупленд, К. Уолш и др. [3].

С точки зрения организационно-методических основ превентивного антикризисного управления промышленными предприятиями необходимо отметить, что вопрос о необходимости превентивного реагирования на угрозу кризиса в своих трудах актуализировали следующие ученые: В.А. Баринов, Б.И. Кузин, А.Г. Грязнова, А.П. Градов, А.Б. Крутик, А.И. Муравьев, И. Кац, Е.В. Козлова, Э.М. Коротков, В.П. Панагушин, Э.А. Уткин [5].

При обосновании организационных основ превентивного антикризисного управления и формировании адекватных ему ролей и функций обобщались результаты научно-теоретических и прикладных исследований таких ученых как М.Д. Аистова, Х. Бюи, А. Дведенидова, Е.М. Трененков, Г. Кунц, О'Доннел [4].

Также нами исследовались работы по контроллинговой деятельности Е.А. Ананькиной, С.В. Данилочкина, Н.Г. Данилочкиной, А.М. Карминского, Н.И. Оленева, Э. Майера, Э.С. Минаева, А.Г. Примака, Г. Фалько [6].

Вместе с тем, нами были учтены и вопросы диагностического обеспечения антикризисного менеджмента и развитие его инструментально-методических основ, которые нашли свое отражение и решение в трудах российских ученых: В.И. Долгого, А.П. Ковалева, В.И. Кошкина, Б.И. Кузина, Р.Ю. Лоскутова, В.П. Панагушина, Н.В. Родионовой, Р.С. Сайфулина, М.А. Федотовой, А.Д. Шеремета, а также зарубежных ученых – И.А. Бланка, Ю. Бриггема, Д.К. Ван Хорна, Л. Гапенски, К. Хеддервика, Э. Хелфорта [2, 5, 8].

При рассмотрении процесса формирования стратегии антикризисного управления на промышленных предприятиях акцент был сделан на труды,

подразумевающие разработку комплексной системы адаптивных мер, сокращающих, в свою очередь, стратегический разрыв между состоянием реальной социальной среды и потенциалом организации, тем самым обеспечивающие ее вывод из кризисного состояния.

Исходя из сказанного, ясно, что широкий интерес к формированию стратегии антикризисного управления обусловлен новизной и недостаточной проработанностью многих аспектов данной проблемы. Определенный вклад в ее исследование внесли известные отечественные ученые: Л. И. Абалкин, А. А. Алексеев, И. А. Бланк, А. А. Беляев, Г. Беляев, О. Виханский, А. П. Градов, Л. И. Евенко, Э. М. Коротков, В. И. Кошкин, В. Л. Лунев, А. И. Наумов [2].

К ученым, исследующим проблемы стратегического и антикризисного управления можно отнести таких зарубежных авторов, как К. Боумэн, А.А. Томпсон, М. Портер, Ф. Котлер, И. Ансофф, Дж. Грейсон, К.О. Дейл, М.Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури, В. Ханеш и др. [1, 3].

С позиций анализа эволюционно-ориентированных систем антикризисного управления корпорациями можно сделать вывод о том, что для преодоления переходных процессов во внутренней среде предприятий при устойчивой внешней среде предпринимались попытки творчески сочетать передовой зарубежный опыт управления и отечественные особенности. В рамках такого подхода работают Л.И. Абалкин, А.Г. Аганбегян, А.Г. Гранберг, С.Е. Каменицер, Д.С. Львов, Б.З. Мильнер, Н.П. Федоренко и др. [4, 5, 8].

Особое значение для настоящего исследования имеют работы по применению экономико-математических методов и вычислительной техники для управления предприятием, начало которым положила разработка Л.В. Канторовичем метода линейного программирования в 1939 году, продолженная в трудах Ф.Ф. Аунапу, К.А. Багриновского, И.М. Бобко, П.Г. Бунича, В.И. Данилина, Г.Б. Клейнер, М.В. Лычагина, В.Л. Макарова, В.Д. Маркова, Г.И. Марчук, Н.В. Махрова, Н.Б. Мироносецкого, А.А. Модина, Ф.И. Перегудова, В.Л. Перламутрова, В.И. Псарева, В.В. Титова и др. [6, 8].

В современный период, когда в экономике РФ сформировалась быстроменяющаяся внешняя среда, учёные и специалисты, такие как В.Г. Антонов, А.В. Бандурин, В.А. Бородин, В.И. Беляев, С.Ю. Вайнштейн, Э.М. Коротков, С.А. Орехов, Б.А. Чуб, М.И. Бухалков, О.С. Виханский, А.П. Ковалев, В.И. Козырев, Н.А. Кравченко, О.Т. Лебедев, О.П. Мамченко, А.И. Наумов, А.А. Невелев, А.Л. Петров, А.Г. Порпшев, З.П. Румянцева, Н.А. Саломатин, В.В. Титов, В.К. Толстов и др. эффективно используют применительно к управлению предприятиями и корпорациями РФ модели стратегического планирования и менеджмента [2, 5, 7, 8].

В то же время, в работах А.Г. Грязновой, Э.М. Короткова, Э.С. Минаева, В.П. Панагушина, Г.П. Иванова, А.П. Градова, Б.И. Кузина, Г. Беляева, В.И. Кошкина, В.А. Ирикова, С.В. Леонтьева, А.Б. Крутика, Н.Л. Маркенова, Н.В. Родионовой, Г.И. Шепеленко выделяется антикризисное управление, которое рассматривается как комплекс управленческих функций, состав и совокупность которых соответствует определённым состояниям и фазам развития предприятия [4, 7].

В плане разработки механизмов и методов принятия решений в системах антикризисного управления региональными АПК в контексте мониторинговых составляющих нами рассматривался целый комплекс работ.

В работах российских ученых Абалкина Л., Алтухова А., Белокрыловой О., Борисенко Е., Боровской Б., Бугаяна И., Винслава С., Васютина А., Гайсина Р., Гарькавого В., Жигалова А., Иншакова О., Ионова Ч., Клейнера Г., Кузнецова В., Лившица В., Можина В., Никонова А., Рекитара Я., Солдатовой И., Тамбиева А., Трисвятского Л., Узякова М., Усенко Л., Шабуниной И., Чешева А., Яковца Ю. и других исследовались национально-исторические особенности социально-рыночной трансформации аграрного сектора в России и способы его государственного регулирования. Названные ученые определили специфику агропромышленной деятельности, выявили сущность управления сельскохозяйственными объектами не только как формой экономической деятельности, но и как формой организации общественной жизни [1, 5, 7].

В системе управления социально-экономическими объектами теснейшим образом переплетены правовые, экономические и информационные аспекты антикризисного управления, представляющие собой сложный комплекс разнонаправленных управляющих воздействий. Ученые Борщевский П., Григорьев В., Иванов Г., Новиков В. и другие исследовали процессы санации и банкротства социально-экономических объектов [5, 8].

Среди авторов, исследующих проблемы совершенствования процессов управления и регулирования экономических систем на стадии предкризисного развития с целью предотвращения непосредственного спада эффективности их функционирования, необходимо отметить Беляева С., Гуськова И., Грязнову Д., Игнатову Т., Короткова Э., Минаева Э., Овчинникова В., Тамбиева А., Федотову М. и др. [1, 4].

В трудах Александрова И., Баранского Н., Голосова О., Дружинина А., Кетовой Н., Колесникова Ю., Морозовой А., Немчинова В., Некрасова Н. и других исследуются проблемы регионального управления в условиях трансформационных преобразований в экономической системе страны [2, 5].

Как один из путей разрешения данной, выявленной автором и сформулированной, проблемы предлагается исследовать процесс антикризисного управления в системе модернизации экономики современной России как в теоретическом, так и в плане внедрения авторской модели антикризисного управления в реалии настоящей экономической ситуации в современной России.

Остановимся на методологической базе исследования. Исходя из темы, определенной автором, цель исследования заключается в обосновании, разработке и внедрении авторской модели антикризисного управления в модернизирующуюся систему экономики современной России и выявлении ее экономической эффективности, объект исследования – российская экономика в призме современной системной модернизации в посткризисных условиях ее развития, предмет исследования – антикризисное управление на предприятиях российской экономики в условиях «затухающей волны» всемирного финансово-экономического кризиса, а задачи определяются как процедуры, необходимые для достижения поставленной цели, а именно:

1. Определить методологические основания исследования антикризисного управления в системе модернизации экономики. Для этого необходимо: выявить научно-теоретические и методологические основы антикризисного управления в трудах отечественных и зарубежных ученых; рассмотреть процесс модернизации экономики современной России как фактора эволюционного развития страны; разработать проект (сущность, структура, содержание) и модельный N-модульный вариант «Авторской модели антикризисного управления в системе модернизации экономики современной России»; обосновать научно-теоретический экономический прогноз эффективности внедрения «Авторской модели антикризисного управления в системе модернизации экономики современной России» в реальную экономику конкретного предприятия; собрать, проанализировать и систематизировать основные выводы по этапу работы, посвященному определению методологического основания исследования антикризисного управления в системе модернизации экономики.
2. Организовать и осуществить опытно-экспериментальную деятельность по внедрению «Авторской модели антикризисного управления в системе модернизации экономики современной России». Для этого предстоит: разработать программу, методику и технологию внедрения авторской модели в реальную экономику на предприятии; организовать и провести экономический эксперимент по внедрению авторской модели антикризисного управления; осуществить комп-

лексный компаративный (сравнительный) системный анализ результатов экономического эксперимента по внедрению авторской модели в экономику предприятия; сделать и представить основные выводы по этапу работы, посвященному организации и осуществления опытно-экспериментальной деятельности по внедрению «Авторской модели антикризисного управления в системе модернизации экономики современной России» на предприятии.

3. Основываясь на результатах экономического авторского эксперимента, определить теоретико-практические тенденции и перспективы использования авторской модели антикризисного управления в системе модернизации экономики современной России. Для этого: рассмотреть сравнительное расчетное тождество прогнозного и реального экономического эффекта от внедрения «Авторской модели антикризисного управления в систему модернизации экономики современной России» на примере предприятия; разработать методико-технологические рекомендации для внедрения «Авторской модели антикризисного управления в систему модернизации экономики современной России» как унифицированной основы для других предприятий и областей РФ; определить и обосновать основные тенденции и перспективы использования «Авторской модели антикризисного управления в систему модернизации экономики современной России»; проанализировать, систематизировать и сформулировать основные выводы по этапу работы, посвященному определению тенденций и перспектив использования авторской модели антикризисного управления в системе модернизации экономики современной России.

Методическая база исследования представляет собой совокупность научных приемов и методов исследования антикризисного управления в контексте системной модернизации экономики современной России, в том числе: конкретно-исторический; диалектический; формально-логический; структурно-функциональный; компаративный (сравнительный) анализ; кластерный анализ; абстрагирование; обобщение; анализ и синтез; эксперимент (прямой и косвенный, то есть – внедрение и вторичный анализ экономико-статистических данных по проблеме исследования); моделирование; прогнозирование и т.д.

В результате анализа теорий развития и обновления экономической системы, появившихся в экономической науке в XIX, XX и XXI веках, разработана авторская концепция антикризисного модернизационного управления, имеющая теоретическое и практическое значение, согласно которой, в авторской интерпретации понятия, «под модернизационным

антикризисным управлением понимается совокупность институциональных и идеологических аспектов формирования специфического механизма организации экономического функционирования и развития общества в условиях модернизации». В работе раскрыты признаки антикризисного управления, выделено понятие «антикризисного управления» от смежных понятий в системе управления современной экономикой, например управления рисками (risk management). На базе концепций антикризисного управления, созданных представителями российской и зарубежной экономической теории, разработана авторская концепция и модель модернизационного антикризисного управления, проанализированы его компоненты, способы осуществления и критерии эффективности.

На основе анализа теоретического представления о двух способах практического осуществления антикризисного управления в модернизационном плане – упреждающем и опережающем, обосновано существование конкретных моделей реализации антикризисного управления свойственных этим способам его осуществления. Выявлены особенности эволюции антикризисного управления, применительно к указанным способам.

В целях обеспечения определения путей выхода отечественной экономики, из настоящего длящегося кризиса, предложено авторское прогностическое видение авторской модели антикризисного модернизационного управления в условиях современного этапа глобализации.

Среди рассмотренных в работе основных теоретических проблем, необходимо назвать следующие:

- раскрытие сущности антикризисного управления как совокупности институциональных и идеологических аспектов формирования специфического механизма организации экономического функционирования и развития общества в условиях модернизации;
- изучение экономической природы антикризисного управления и специфики его осуществления, применительно к этапу модернизации российской экономики;
- раскрытие содержания упреждающего и опережающего способов реализации модернизационного антикризисного управления;
- определение соотношения понятий «упреждающее антикризисное управление» и «опережающее антикризисное управление»;
- анализ исторической эволюции модели антикризисного управления в России;
- изучение экономических характеристик современной российской модели антикризисного управления и прогнозирование их развития в условиях глобализации.

Практическая значимость данного исследования заключается в том, что теоретические положения и выводы, сформулированные в работе, могут быть использованы для совершенствования российской экономической теории и модернизационной практики государства. Они могут быть, также, применены: для дальнейших научных изысканий в сфере экономической теории и специально практики антикризисного управления; в процессе преподавания учебных дисциплин «Экономическая теория» и «Антикризисное управление»; в практической деятельности органов государственной власти и управления, для определения путей и направлений дальнейшего прогрессивного развития Российского государства, способов осуществления его экономической модернизации, в том числе при подготовке законопроектов по соответствующим вопросам.

Литература

1. Аунапу Э.Ф. Эволюционно-ориентированные системы антикризисного управления корпорациями. Дис. ... доктора экономических наук. 08.00.05. Барнаул, 2006. – 354 с.
2. Бажутин А. С. Антикризисное управление развитием промышленного предприятия. Дис. ... к.э.н. 08.00.05. Ижевск, 2010. – 190 с.
3. Векшина О.И. Организационно-методическое обеспечение антикризисного управления промышленным предприятием-должником в рамках процедуры банкротства наблюдения. Дис. ... к.э.н. 08.00.05. Ярославль, 2004. – 256 с.
4. Михаленя М. А. Стратегическое антикризисное управление промышленным предприятием: организационно-методические аспекты. Дис. ... к.э.н. 08.00.05. Москва, 2010. – 155 с.
5. Нагдалиев Н. З. Организация антикризисного управления промышленным предприятием в рыночной экономике. Дис. ... к.э.н. 08.00.05, 08.00.10. Москва, 2010. – 188 с.
6. Нефедкин В.В. Формирование стратегии антикризисного управления на промышленных предприятиях. Дис. ... к.э.н. 08.00.05. Саратов, 2003. – 152 с.
7. Соколова Г. Ю. Процессная реструктуризация как инструмент антикризисного управления организацией. Дис. ... к.э.н. 08.00.05. Сыктывкар, 2010. – 192 с.
8. Щербань Е.Г. Организационно-методические основы превентивного антикризисного управления промышленным предприятием. Дис. ... к.э.н. 08.00.05. Саратов, 2004. – 264 с.

О. В. Коровкина,
магистрант факультета социологии РГСУ

СТИЛИ РУКОВОДСТВА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА В КОЛЛЕКТИВЕ

Общество, как известно, представляет собой сложную, многоуровневую, целостную и динамически развивающуюся систему. Неотъемлемым атрибутом любой системы, экономической, технической, социальной – является управление, которое обеспечивает ее сохранение и развитие, упорядочение структуры, взаимодействие с окружающей средой и достижение целей системы. По мере развития производства и научных исследований в области социологии и психологии управления, социологии организации, социальной психологии появились различные подходы к оценке управления как специфической человеческой деятельности управления. В последние годы в России происходят фундаментальные преобразования в управленческой деятельности, в структуре и функциях управления, в процедурах разработки и принятия управленческих решений. В нашем современном обществе происходят глубинные трансформации, начиная с социально-политической жизни, и, заканчивая, личной жизнью отдельного человека, то есть идет пересмотр единообразия ценностных ориентаций и смысложизненных установок к свободному выбору жизненной позиции, идеалов, стандартов поведения. В этих условиях идет и трансформация всей системы управления, происходит смена управленческих кадров. Но значительная часть новых людей, начинающих профессионально заниматься управленческой деятельностью, не обладает необходимой управленческой грамотностью. Поэтому возвращение к данной теме и рассмотрение ее с учетом происходящих в стране изменений, рыночных преобразований, и так как сейчас особое внимание стало уделяться вопросам наиболее эффективного взаимодействия руководителя с подчиненными, на наш взгляд, крайне актуально. Актуальность исследования обуславливается и тем, что характер взаимоотношений во многом определяется способностью руководителя учитывать на практике динамику восприятия, понимания и отношения к нему подчиненного коллектива. Для этого необходимо формировать у руководителя рефлексивное отражение восприятия подчиненными его основных качеств, без чего деловое и межличностное общение будет малоэффективным, в то же время управленческие решения будут страдать некоторой односторонностью.

Проблема исследования состоит в том, что в реальной жизни стили руководства не соответствуют теоретической основе, которая была ранее разработана многими исследователями, такими как, Л.К. Аверченко, Г.М. Андреева, М. Альберт, Р.Р. Блейк, В. Врум, Н.Г. Васильченко, Н.Г. Веселова, И.Н. Герчикова, В. Зигерт, Б. Карлоф, А.М. Китов, Р.Л. Кричевский, И.Д. Ладанов, Р. Лайкерт, Л. Ланг, Э. Мэйо, Е. Мелибруд, М. Мескон, Д. Мутон, А.А. Реан, Б. Рейвен, В.А. Розанов, С.И. Розум, П. Росси, Т. Санталайнен, С. Седерберг, Н. Смелзер, Э.Е. Старобинский, Ф.У. Тейлор, Е.Е. Туник, Ф. Фидлер, Дж. Френч, Ф. Хедоури, Х. Хекзейнхаузен, В.И. Шкатулла, М.Г. Ярошевский и др. Так как люди, как личности в эмоциональном плане отличаются друг от друга по многим параметрам: эмоциональной возбудимости, длительности и устойчивости возникающих у них эмоциональных переживаний, доминированию положительных (стенических) или отрицательных (астенических) эмоций. Но более всего личностей различают по силе и глубине чувств, а также по их содержанию и предметной отнесенности.

Учитывая важность управления персоналом, представляется необходимым уточнить, какие цели преследует управленческая деятельность такого рода. В современной литературе, как правило, выделяют две группы целей менеджмента персонала: организационные и личные. Организационные цели традиционно стоят в центре управления персоналом, да и управления в целом. Обычно их связывают с обеспечением эффективности предприятия. И с этой точки зрения управление персоналом есть деятельность по использованию сотрудников для достижения эффективности организации.

Так, Р.Л. Кричевский [1, С. 105] выделяет две группы критериев, или показателей, эффективности коллектива и соответственно управления персоналом в данном случае различия между понятиями «коллектив» и «предприятие» (несущественны): психологические и непсихологические. К первым он относит удовлетворенность членством в трудовом коллективе и трудом, мотивацию членов коллектива, авторитет руководителя, самооценку коллектива; ко вторым, непсихологическим критериям – действенность, экономичность, качество, производительность, нововведения, прибыльность. Безусловно, в данной трактовке эффективности управления коллективом отражены ее важнейшие проявления. Однако столь детальная и дифференцированная характеристика эффективности трудно применима на практике. К тому же некоторые показатели, например, «удовлетворенность членством в коллективе» и «самооценка коллектива», во многих отношениях перекрещиваются друг с другом. Поэ-

тому представляется целесообразным использование более конкретной и простой трактовки эффективности, т.е. цели управления персоналом. В общей форме можно сказать так: эффективность управления персоналом – это достижение организационных и индивидуальных целей, или основной целью управления является выполнение реальной работы и получение положительных результатов.

Управление – одна из самых сложных и вместе с тем самых тонких сфер общественной деятельности [2, С. 345]. Это взаимодействие между собой в различных сферах деятельности людей, а человек – существо сложное и многогранное, каждый со своими взглядами, ценностями, моральными, психологическими и психическими устоями. Поэтому можно утверждать, что в процесс управления входят традиционные социально-психологические явления (лидерство, психологический климат, психология общения и т.п.), социально-психологические проблемы трудовой деятельности, влияние стилей руководства (морально психологическое состояние коллектива). Поэтому в социологии и психологии управления можно выделить следующие – основные задачи. Первая – изучение реальных фактов постоянно развивающихся социально психологических характеристик управленческой деятельности.

Вторая – из огромного многообразия фактов управленческой деятельности выделение наиболее важных и на этой основе определение тенденций развития, разработки социологических и психологических аспектов деятельности человека, группы и организации в целом.

Третья – построение наиболее выраженных направлений развития управленческой деятельностью в будущем.

Четвертая – выработка научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию системы управления, разработка путей повышения эффективности и качества жизнедеятельности организационных систем.

Люди, входящие в различные формы общественного производства: отрасли, объединения, акционерные общества, предприятия и т.д., целью деятельности которых является выполнение определенных функций являются объектом изучения социологии и психологии управления.

Управленческие отношения в различных типах общностей, организаций, социальных институтах и общества в целом являются предметом управления. Другими словами предметом управления является социально-психологическая сторона всего многообразия управленческих отношений охватывающих людей как членов трудового коллектива [3, С. 134]. Это многообразие можно представить как управленческие отношения или

как совокупность социальных и психических явлений и отношений в организации:

- отношения между управляющей и управляемой системами или отдельными их элементами;
- различного рода социальные явления и процессы, и учет их в деятельности менеджера;
- психологические факторы эффективной деятельности менеджеров;
- социальные и психологические особенности принятия индивидуальных и групповых решений;
- социальные и психологические проблемы лидерства;
- проблемы мотивации поведенческих актов субъектов управленческих отношений и другие.

Литература

1. Еникеев М.И. Общая и социальная психология: учебник для вузов. М.: Норма, 2002. – 624 с.
2. Кричевский Р.Л. Если Вы – руководитель... СПб.: Питер, 1996. – 258 с.
3. Пугачев В.П. Управление персоналом организации: учебник. М.: Аспект Пресс, 1999. – 279 с.

С. В. Красниковский,
магистрант факультета социологии РГСУ

ВОСПРИЯТИЕ ЗНАЧЕНИЯ СВОЕЙ РАБОТЫ И ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ МОСКОВСКИХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИНТЕРНЕТ

Вводный комментарий

В марте-апреле 2011 года под руководством научного руководителя Л.С. Елуфимовой было проведено исследование трудового поведения пользователей сети Интернет, целью которого было охарактеризовать особенности трудового поведения пользователей сети Интернет в современный, кризисный период существования отечественной экономики.

Цель настоящей статьи – охарактеризовать некоторые особенности трудового поведения и обозначить основные социально-демографические характеристики пользователей Интернета, типичные для обозначенного периода.

Метод сбора первичной информации – опрос, реализованный в форме интернет-анкетирования.

С использованием средств и возможностей ряда профессиональных Интернет-ресурсов, опрашивались пользователи сети Интернет, проживающие в Москве. Объем выборочной совокупности составил 294 человека.

Структурно, в проведенном исследовании респонденты были представлены следующим образом: 62% женщин и 38% мужчин; по возрасту они распределились следующим образом: 18–24 года – 47%, 25–30 лет – 32%, 31–45 лет – 11%, 46–55 лет – 7% и старше 55 лет – 3%.

Больше половины опрошенных (63%) имеют высшее образование. Еще четверть (25%) – неоконченное высшее (это работающие студенты и те, кто начал работать недоучившись в ВУЗе). 7% опрошенных имеют средне-профессиональное образование, 5% – среднее общее.

В социо-профессиональном плане участники исследования выглядели следующим образом. Половину (51%) составили специалисты, служащие, инженерно-технические работники. Второй по численности группой (16%) оказались работающие студенты, предприниматели – 4%, домохозяйки – 3%, работающие пенсионеры – 3%, руководители предприятий – 5%), рабочие – 7%, военнослужащие и госслужащие составили 9%.

Остальные респонденты (2%) остались неидентифицированными в рамках нашего исследования.

До 1 года имеют рабочий стаж 10% респондентов. Почти каждый третий (29%) имеет опыт работы от 1 года до 3-х лет. Группа респондентов с опытом работы 3–5 лет составляет 27%. Группа опрошенных, имеющих опыт работы от 5 до 10 лет составила 11% общей численности выборки. Опыт работы от 10 до 20 лет имеют 7% респондентов. Стажем более 20 лет обладают 11% респондентов. Трудовой стаж 5% обследованных остался неизвестен.

Для рассмотрения вопросов отношения к труду важно иметь представление о материальном положении респондентов. Индикатором материального положения в нашем случае выступала самооценка ими своих покупательских возможностей.

В соответствии с самоидентификацией своего материального положения, респонденты распределилась следующим образом: 6% – бедные, еле «сводящие концы с концами», которым денег хватает только на еду. 19% полагают, что могут обеспечить себя едой и предметами первой необходимости, но не в состоянии приобрести предметы длительного пользования. 32% – могут обеспечить себя едой и предметами первой необходимости. 27% опрошенных относится к имущественной категории, представители которой в состоянии приобретать товары длительного пользования, кроме квартиры или дома. Не испытывают никаких материальных затруднений и могут купить все, включая жилье, 11% респондентов. 5% затруднились с оценкой собственного материального положения.

Таким образом, можно утверждать, что проведенное нами исследование охватило различные категории интернет-пользователей: не только мужчин, и женщин, или людей с различным уровнем образования, но и относительно богатых и относительно бедных, тех, кто начинает свою трудовую деятельность и тех, кто уже ее завершает (или уже завершил), наемных работников и собственников бизнеса. И хотя организованная при проведении исследования выборка не репрезентирует совокупность пользователей сети Интернет (генеральную совокупность), полученные данные позволяют получить некоторое представление «точечного» характера о современных процессах в социально-трудовой сфере, отражающее некоторые типичные тенденции.

Восприятие респондентами значения своей работы

Отвечая на вопрос о том, чем, образно говоря, для респондентов является их работа, 5% респондентов сравнили ее с «куском черствого хлеба»

(в переложении, это можно интерпретировать как вид занятий, приносящий доходы, позволяющие человеку существовать на уровне потребления ниже социально нормального для данной территории). 40% опрошенных дали такой ответ, как «работа является куском хлеба». То есть, можно полагать, что 2/5 респондентов полагают, что доходы, которые им приносит их работа позволяют лишь добывать средства к существованию, обеспечивающие удовлетворение основных потребностей, без особых излишеств. Примерно такое же количество респондентов (44%) сравнили свою работу «куском хлеба с маслом». Значит, работа этим людям предоставляет такой набор благ, который достаточен с материальной точки зрения для удовлетворения всего комплекса их насущных потребностей (обеспечивает социально-нормальный для данного региона уровень потребления), но недостаточен для перехода на качественно иной, более высокий уровень потребления. Значительно меньше, лишь около 11%, (почти каждый десятый) опрошенных, охарактеризовали свою работу, как «кусочек хлеба с маслом и икрой».

При ответах на вопросы о работе, предполагающих более прозаические формулировки, подавляющее большинство московских пользователей Интернета ответили, что работа является средством получения денег, обеспечения материального достатка (отметили, что работают ради этого 64%). Каждый пятый (20%) работает ради морального удовлетворения (сюда входят такие мотивы, как престижность занятия, возможность общения, участия в социальных сетях, возможность обретения желательного статуса). Для 13% опрошенных их работа привлекательна своей содержательной стороной. Для 12% работа лишь средство времяпрепровождения, условие общения с приятными людьми. 6% рассматривают работу, как деятельность, приносящую пользу обществу¹.

Действительно полученное распределение ответов позволяет заключить, что работа является для большинства пользователей сети Интернет необходимостью и носит характер фактора экономического принуждения. В обществе, не обремененном какой-либо общенациональной идеей или разделяемой большинством системой ценностей либо идеологией, ценность трудовой деятельности как фактора, работающего на дело общественной пользы с неизбежностью обречена

¹ Сумма процентов превышает 100, поскольку, по условиям опроса, респондент мог выбрать более одного варианта ответа.

на сдачу своих позиций (людям, как бы не понятно, а ради «какого-то» общества имеет смысл трудиться). И получается, что в сложившейся ситуации имеет смысл и социальные перспективы (и уважение (!!!)) лишь работа на себя и на благо своей семьи. Лишь небольшая часть опрошенных может похвастаться, что их работа позволяет им не просто удовлетворять насущные потребности, но позволяет перейти на иной, более высокий уровень потребления.

Отношение к работе

Информацию, позволяющую оценить психологический настрой людей в отношении своей работы, респондентам предлагалось ответить на вопрос о тех эмоциях, которые обычно вызывает у них их работа.

Ниже дано распределение ответов на вопрос: «Какого рода эмоции (чувства) вызывает у Вас Ваша работа в последнее время?»:

Положительные эмоции – 26%

Нейтральные эмоции – 48%

Отрицательные эмоции – 26%

В принципе, эти данные согласуются с приведенными выше выводами о значении работы в жизни наших респондентов – что работа для большинства носит лишь инструментально-обеспечительный характер.

У большинства респондентов отношение на эмоциональном уровне стабильно-нейтральное (как к чему-то, не стоящему того, чтобы к нему всерьез относиться или тратить на него свои нервы). Еще у четверти оно положительно, другая же четверть придерживается противоположного мнения на этот счет (оно отрицательно, что, возможно, говорит о скрытом до поры намерении искать новую работу после окончания кризиса).

Значимым фактором трудового поведения выступает его мотивация.

На основе проведенного исследования, нами была произведена группировка респондентов согласно ведущим типам характерной для них мотивации трудового поведения. Мы относили пользователей Интернет как работников к одному из трех мотивационных типов: (1) ориентированные на содержание своего труда, (2) ориентированные на оплату труда и (3) в равной мере ориентированные и на содержание и на оплату своего труда.

Были получены следующие распределения:

1) доля ориентированных на содержание своего труда – 10%;

- 2) доля ориентированных на оплату труда – 71%;
- 3) доля в равной мере ориентированных и на содержание и на оплату своего труда – 19%.

Это согласуется с ранее приведенными данными о том, как воспринимается респондентами их работа (средством получения, достижения чего она является).

Вывод

Подытоживая сказанное, можно констатировать, что для большинства обследованных пользователей Интернет их трудовая деятельность (их работа) направляется внешней, а не внутренне обусловленной, системой трудовой мотивации, а труд имеет экономически-принудительный характер. Это может сигнализировать о неразрешившемся в нашем обществе кризисе труда, о некондиционном для осуществления продекларированной «сверху» модернизации состоянии человеческого фактора. Однако, эти выводы требуют в дальнейшем более серьезной проверки.

Р. Ю. Пономарев,
магистрант факультета социологии РГСУ

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННО-СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ СРЕДИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ИХ СЕМЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Массовая трудовая миграция представляет собой относительно новый как для России, так и для стран СНГ вид мобильности населения. Развитие трудовой миграции обусловлено тяжелой экономической ситуацией и разрушением прежней сферы занятости на постсоветском пространстве. В результате трудовой миграции сформировался значительный сектор занятости, созданный исключительно благодаря личной инициативе граждан и определивший главный способ заработка для миллионов жителей бывшего СССР¹.

На фоне данного процесса армия, как общественный институт, являющаяся одновременно включенной в систему глобальных социальных отношений и достаточно обособленной и изолированной общественной формацией, так же столкнулось с проблемой перемещения большого количества людей (гарнизонных военнослужащих и их семей) для обеспечения функционирования и дееспособности вооруженных сил РФ.

Безусловно, рассмотрение процессов военно-социальной работы в этой сфере будет иметь свою специфику. Это объясняется совокупностью особенностей армии, как социального института, ее юридическо-правовой основы, системой внутренних механизмов управления, а так же особенностями взаимодействия личности и социума в условиях прохождения военной службы.

Целью статьи является анализ факторов регуляции и управления процессом служебного перемещения военнослужащих, а так же аспектов социальной работы с данной общностью. При этом наибольший интерес представляет именно часть личного состава вооруженных сил, проходящая службу по контракту, так как в условиях современной России исследование социального положения и статуса профессионального военнослужащего требует особого внимания и подхода к изучению. При постепенном переходе воо-

¹ Иванова Т.Д. Трудовая миграция россиян: экономические и социальные эффекты (по результатам социологического исследования) // Проблемы прогнозирования. – 2008. – № 4 – С. 1.

руженных сил на контрактную основу крайне важно отслеживать процесс интеграции, внедрения и усвоения новых норм и форм взаимодействия во всех сферах общественных отношений – от правового статуса до вопросов материального и бытового обеспечения.

При предложенном системном подходе предоставляется возможность достаточно четко охарактеризовать ситуацию в сфере процессов, связанных с мобильностью и военно-социальной работы с целевой категорией военнослужащих, внутри армии, как социального института.

С социологической точки зрения, анализ процесса служебного перемещения военнослужащих представляет наибольшую ценность при рассмотрении его во взаимосвязи степени социального обеспечения и благополучной социальной адаптации включенных в процесс людей. Данная проблема теоретически освещается в различного рода методических пособиях по организации военно-социальной работы среди личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации.

По мнению автора, характер деятельности военнослужащих приводит к тому, что территориальная трудовая мобильность крайне тесно сопряжена с социальной мобильностью как самого военнослужащего, так и его семьи. Учитывая данную особенность, следует отметить большую роль семьи, как одного из определяющих факторов при миграционных процессах в армии. Изменяющиеся социально-экономические, политические и духовные условия жизни в стране оказывают существенное влияние на все процессы развития Вооруженных Сил, в том числе на социальную мобильность семей военнослужащих в рамках военно-социальной системы Вооруженных Сил.

Система военной службы четко стратифицирована и представляет собой пирамиду, которая, начиная с основания, по мере продвижения вверх сужается, т.е. количество должностей, воинских званий и соответственно людей, находящихся на этих должностях и в соответствующих воинских званиях, уменьшается. Если сравнивать социальную мобильность различных категорий офицеров (младшие, старшие, высшие), то можно утверждать, что младшие офицеры по сравнению со старшими и высшими более мобильны. По мере продвижения по служебной лестнице скорость и интенсивность социальной мобильности различных категорий офицеров в зависимости от условий и факторов (как субъективных, так и объективных) может как возрастать, так и падать¹.

¹ Дубоград Е. В. Социальная мобильность семей офицеров Вооруженных сил: состояние и пути управления ею в современных условиях – С. 1

Социальную мобильность семей офицерского состава можно характеризовать как процесс изменения ими своего положения в социальной структуре Вооруженных Сил и общества в целом в результате добровольной или вынужденной смены профессии, должности, специальности, квалификации и места службы, осуществляемой как офицером, так и членами его семьи. Однако, это явление крайне редко является положительным для офицерской семьи. Это связано с тем, что спецификой воинской деятельности частично исключаются или ограничиваются для военнослужащих целый ряд основных прав и свобод. Предоставляемые же военнослужащим льготы лишь отчасти компенсируют ограничения, трудности, опасность и ответственность военной службы.

Особую остроту в социальной сфере вызывает уровень денежного содержания военнослужащих, наличие в Вооруженных Силах значительного количества бесквартирных офицеров, неразвитость инфраструктуры социальных служб в гарнизонах и воинских частях и особенно в отдаленных и обособленных¹. Наиболее проблемными факторами, влияющими на социальное благополучие и адаптацию семей военнослужащих, являются:

- регион дислокации части; жизненные условия, материальное положение семьи; материально-бытовые условия в гарнизоне; обеспеченность работой жены; наличие школы и дошкольных учреждений для детей, возможностей для культурного развития;
- социальные и материально-вещественные условия службы (возможность повышения профессионального и культурного уровня, материальное стимулирование, режим служебной деятельности и отдыха, моральное стимулирование);
- организация службы (соответствие планов боевой подготовки современным требованиям, обеспеченность служебной деятельности необходимой учебно-материальной базой, выполнение работы, не связанной с должностными обязанностями, соблюдение нормативных актов и планов учебно-боевой деятельности);
- морально-психологический климат (отношения между руководителем и подчиненным, отношения с сослуживцами);
- функциональное содержание службы².

¹ Методическое пособие по организации и проведению военно-социальной работы в подразделении (части), 2009. <http://armyrus.ru/>

² Дубограй Е. В. Указ. соч. – С. 5.

Принципиально важным является акцентирование внимания специалистов военно-социальной работы на том факте, что не только сам человек как таковой, не только сама по себе социальная военная среда или конкретный воинский социум являются объектом и предметом этого вида социальной деятельности (на их изучение направлены усилия и других социальных наук). Именно взаимосвязь человека и социальной военной среды обуславливает три основных задачи военно-социальной работы:

- организация и осуществление воздействий на человека в целях его социализации в военной среде, обеспечение вхождения в конкретный воинский социум;
- совершенствование социальной военной среды в интересах человека;
- оптимизация взаимодействия человека и социальной военной среды.

По мнению автора, основные проблемы социальной работы с военнослужащими и их семьями, которым в силу служебных обстоятельств приходится переезжать с места на место, лежат в сфере организационно-распорядительных технологий и сфере научно-просветительского характера.

Действительно, одной из основных причин невозможности нормальной социальной адаптации на новом месте семей военнослужащих является элементарное отсутствие материальной базы (развитость инфраструктуры в региональном масштабе, проблемы с жильем и обустройством быта и пр.). При явной проблеме несоблюдения элементарных прав этого контингента юридическо-правовая база не дает возможности выхода на правовое регулирование вопроса. Таким образом, органы военно-социальной работы так или иначе должны брать на себя регуляторную роль по адаптации семей военнослужащих к новым условиям жизни, налаживанию бытовой сферы и обеспечению необходимых социальных услуг. Так же в эту категорию следует отнести и благополучное вхождение вновь прибывших семей в систему межличностных и межсемейных отношений в части, военном городке; военнослужащего – к новому воинскому коллективу. Одна из кризисных проблем управления военно-социальной работой, а, следовательно, и социальным благополучием военнослужащих, – это ведомственный подход, ведущий к распылению сил и средств, дублированию усилий специалистов различного профиля и приводящий к тому, что обычный солдат, находящийся в нормальном состоянии, выводится за рамки клиентов социальной работы, а ее службы начинают свою работу только тогда, когда он переходит в категорию проблемных лиц. Такой подход отражает ориентацию руководителей социальной работы на ее кризис-интервентную модель в ущерб моделям

комплексного, профилактического и превентивного характера¹. То есть проблема эргономичности служебных ресурсов встает только тогда, когда руководство видит уже часто неисправимое падения качества жизни и эффективности потенциала военнослужащего. Все перечисленное вместе создает крайне печальную и дезорганизованную картину руководства мобильной функциональностью среди военнослужащих.

Вторая же из основных групп проблем лежит в сфере научной интерпретации понятия «военно-социальная работа» и развития его в системе смежных прикладных социальных наук. Содержание этого направления можно охарактеризовать такими его функциями, как формирование общественных организаций в области социальной работы (ассоциаций, союзов, комитетов, фондов); проведение симпозиумов, семинаров, конференций военно-социальных работников; организация изучения, обобщения и распространения передового опыта военно-социальной работы; издание и распространение научной, учебной и методической литературы по социальной работе в воинской среде; связь с общественными организациями, средствами массовой информации и другие.

Анализ изученной литературы по проблеме исследования показал, что система социальной работы с различными категориями военнослужащих и членами их семей в современном российском обществе находится еще в стадии становления и характеризуется незавершенностью формирования на основе новых принципов жизнедеятельности. Это является следствием недостаточной социальной ориентации государственной политики, низкого уровня финансирования социальных программ, отсутствия высококвалифицированных специалистов по социальной работе, подготовленных по специализации «Социальная работа с военнослужащими».

Военная социология, как отрасль социологического знания, призвана сделать решительные шаги в исследовании многих актуальных проблем современного военного строительства, научной организации и повышения эффективности ратного труда, боевой деятельности, обучения и воспитания личного состава, социального управления воинскими коллективами в Вооруженных силах. В перспективе все большую роль будут играть такие методы управления людьми, которые развивают их заинтересованность в делах. Военные социологи в долгу перед практиками в разработке методов формирования и использования общественного

¹ Липский И.А. Военно-социальная работа на уровне человека // Армия и общество. – 2005. – № 1. – С. 87.

мнения воинского коллектива как фактора его укрепления, развития активности, инициативы и творчества личного состава, «изжития» негативных явлений¹. Необходимо освободиться от боязни специальных критических, военно-социологических исследований ряда острых проблем – отрыва офицеров от солдат, чинопочитания, военной формы бюрократизма и его причин и т.д. Как показывает мировой опыт, выводы таких исследований могут играть большую конструктивную роль. Социологам предстоит многое сделать, чтобы разработать целостную концепцию участия народа и личного состава в развитии и практическом осуществлении военной политики, контроле за состоянием и совершенствованием армии, оптимальностью и расходом военного бюджета, людских и временных ресурсов.

Литература

1. Иванова Т.Д. Трудовая миграция россиян: экономические и социальные эффекты (по результатам социологического исследования). М., 2006.
2. Дубограй Е.В. Социальная мобильность семей офицеров Вооруженных сил: состояние и пути управления ею в современных условиях. М., 2008.
3. Серебрянников В.В. Военная Социология в России: возрождение и развитие. М., 2008.
4. Смирнов А.И. Взаимодействие общества и армии как социального института в современной России. Автореферат. М., 2010.
5. Липский И.А. Военно-социальная работа на уровне человека // Армия и общество. – 2005. – С. 84–95.
6. Методическое пособие по организации и проведению военно-социальной работы в подразделении (части), 2009. <http://armyus.ru/>.

¹ Серебрянников В.В. Военная Социология в России: возрождение и развитие. М., 2008.

А. И. Савенков,
магистрант факультета социологии РГСУ

МОТИВАЦИЯ ПЕРСОНАЛА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА

В современной системе управления персонала все большее значение приобретают мотивационные аспекты. Мотивация персонала является основным средством обеспечения оптимального использования ресурсов, мобилизации имеющегося кадрового потенциала. Основная цель процесса мотивации – это получение максимальной отдачи от использования имеющихся трудовых ресурсов, что позволяет повысить общую результативность и прибыльность деятельности предприятия. Для мотивации сотрудников компании сегодня используют как финансовые, так и нефинансовые методы вознаграждения. А соотношение отдельных аспектов мотивационной сферы сотрудников и наиболее эффективных методов управления ими ни теория менеджмента, ни практика управления персоналом не дает.

Мотивация труда – долговременный, ключевой предмет социологических исследований труда. Мотивацией труда в широком, а точнее, в весьма условном смысле принято называть субъективное отношение работника к труду, его заинтересованность, незаинтересованность в процессе и результатах труда, направленность работника на трудовую деятельность, его побуждение к труду, обуславливающее степень вовлеченности в трудовой процесс [2, С. 105–106].

Мотивация это объект пристального внимания многих исследователей. Существует многочисленная литература, сложился ряд подходов в исследовании мотивации в психологии и социологии, особенно социологии трудовой сферы. Эти подходы имеют длительную предысторию. К примеру, основные направления психологии мотивации складывались в первой половине XX века в трудах З. Фрейда, К. Левина, И.П. Павлова, У. Мак Даугалла, У. Джеймса, Э. Торндайка.

Интересен анализ подходов и уровней в объяснении движущих сил и факторов поведения индивида – индивидуальных (личностных) или ситуационных. Хекхаузен (немецкий психолог) разграничивает их как объяснения с первого, второго, третьего и четвертого взглядов. В первом случае основной причиной различий поведения в сходных ситуациях признаются личностные диспозиции (теории свойств). Во втором – воздействие ситуации, что особенно важно для объяснения интраиндивидуальных изменений во времени; третий

взгляд – попытка объединить два источника объяснений – и личностных, и ситуационных факторов (в процессе взаимодействия и взаимовлияния); четвертый учитывает социокультурные различия в возможностях осуществления деятельности. Поскольку одна из целей нашего исследования – определение факторов успешности стратегий поведения в сфере занятости, главное внимание мы обращаем на аспект мотива как целеполагания, определения цели деятельности. При этом важны опора на ценности, интересы, потребности, далее – формирующиеся установки и ориентации деятельности. В социологии, в тех ее отраслях, которые связаны с исследованием трудовой сферы, разрабатываются различные подходы к определению, механизмам, типологиям, классификациям мотивов и мотивации.

В российской социологии с понятием «мотив» чаще всего связано понятие потребности. Исследования мотивации в рамках советской социологии труда тесно соотносятся с социально-психологической концепцией мотива как конкретного опредмеченного побуждения к действию, сущность которого составляет реализация потребностей личности (А.Н. Леонтьев), в результате которой субъект осуществляет целенаправленную деятельность. В 1960–70-х годах были разработаны подходы к исследованию трудовой мотивации (В.А. Ядов, А.Г. Здравомыслов) как иерархии и механизма взаимосвязи обобщенных мотивов, ценностных ориентаций, социальных установок (системы диспозиций личности).

В социологической литературе, посвященной трудовой мотивации, при выделении «мотивов-суждений» и «мотивов-побуждений» ссылаются на принятые в теоретических рассуждениях и эмпирических исследованиях разграничения «мотивов понимаемых» и «реально действующих», «истинных» и «провозглашаемых».

Для понимания сути мотивации большое значение имеют работы не только тех советских психологов, которые большое внимание уделяли обусловленности сознания и внутреннего побуждения предметно-практической деятельностью (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев), но и тех, кто существенное внимание уделял знаково-символической деятельности. В первую очередь здесь следует назвать Л.С. Выготского, который подчеркивал, что взаимоотношение сознания и деятельности опосредствуется культурой с ее знаково-символической структурой, наиболее полно проявляющейся в речевой деятельности. Особенно важно, что в знаково-символических компонентах сознания, к которым относятся и мотивы «в собственном смысле слова», побуждения, аффекты содержатся «в переработанном виде».

Анализ литературы, посвященной мотивации труда, свидетельствует о том, что лишь в немногих случаях понятие «мотивы труда» и «мотивация» сопос-

тавляются с такими понятиями, как «потребности», «интересы», «благо», «деятельность». Например, трактовка мотивации труда как противоречивого единства различных компонентов: ценностей труда, требований к работе и возможности реализации этих требований [5]. Действительно, реальная ситуация (объективные возможности реализации требований к работе) влияет на характер и содержание мотивации, более того, на мнение о том, что важно, значимо в работе. Так выяснилось, например, что «традиционные выводы о меньшей значимости работы на предприятии для молодежи находят подтверждение в неблагоприятных условиях труда. Если же условия для заработка и самореализации улучшаются, фактор возраста теряет свое преобладающее значение» [8, С. 57].

Исследования, проведенные в 1990-х годах показали, что значимость труда среди важнейших ценностей жизни снизилась, а разница между ценностями семьи и работы увеличилась. Стабильно в ядро ценностей труда входит заработок. Для значительного числа рабочих в ядре ценностей труда по-прежнему остается общение. Для другой части в ядро ценностей вошла гарантия занятости. Ушла из ядра ценностей труда польза людям. Реализация способностей и повышение квалификации- ценности труда, которые входят в ядро ценностей только у незначительного числа рабочих.

Из вышеперечисленного можно сделать следующий вывод: «материальное благополучие» и «заработок» в настоящее время такие же идеологемы, транслируемые посредством различных каналов коммуникации, какими в «классическое» советское время были самоценность труда и интересная работа. А это значит, что такого рода мотивация не всегда может совпадать с реальной заинтересованностью работника (его габитусом, если употребить терминологию П. Бурдьё) и определять характер его практических поступков и деятельности. Вполне возможно, что мы являемся свидетелями некоторой инверсии: в прошлые времена за содержанием труда – фаворитом среди ценностей – «в тени» (находясь на неявных, второстепенных позициях) «скрывалась» зарплата, существенным образом, однако, определявшая реальную заинтересованность. В настоящее время, наоборот, – за материальной обеспеченностью – этим идолом не просто рыночной экономики, но общества, ставшего рыночным, в тени находится интерес к содержанию самой работы, а также другие стороны трудовой деятельности, соответствующие реальной заинтересованности работника в труде [6, С. 127–128].

Переходя к современному состоянию мотивации персонала в России, стоит отметить, у нас принято считать, что лучшая награда за труд – деньги. Но лучшие западные практики показывают, что такой подход не является единственно верным. В нашей стране принято считать, что че-

людей трудится исключительно ради денег, ведь только очень редкие энтузиасты работают волонтерами. Но если компания предоставит своему сотруднику возможность посещать корпоративные курсы по изучению иностранного языка или абонемент в бассейн, то, разумеется, работник с большим удовольствием воспользуется этим предложением, а его лояльность повысится.

Западные менеджеры по управлению персоналом давно пришли к выводу о том, что сотрудники – главная ценность компании, их нужно холить и лелеять, ведь от трудоспособности коллектива зависит успех фирмы.

Например, Соединенные Штаты Америки – идеологи современных методов ведения бизнеса. Они являются родоначальниками таких понятий как «HR» и «внутрикорпоративная культура». Практически все американские компании, помимо системы вознаграждений, предоставляют своим сотрудникам медицинское страхование за счет фирмы, программы повышения квалификации, корпоративные обеды и многое другое. Например, корпорации IBM и AT&T в ответ на изменения демографической ситуации в стране разработали и успешно реализовали так называемые семейные программы. Большая часть сотрудников этих компаний – люди в возрасте до 40 лет, у многих из которых есть маленькие дети. Руководство корпораций предоставляет этим работникам возможность работать по гибкому графику, помощь в подборе нянь, корпоративные детские сады и ясли, а также организует праздники для сотрудников с малышами. Большое внимание американцы уделяют и повышению квалификации своих работников.

В каждой из вышеупомянутых корпораций затраты на все виды обучения составляют практически 800 млн. долларов в год. Обучение, по мнению американцев, способствует повышению индивидуальной трудовой отдаче и увеличению прибыли компании.

А вот в корпорации Walt Disney Co.: на центральной улице «Диснейленд-парка» окна кафе посвящают наиболее ценным сотрудникам.

Если говорить о французах, то они не то чтобы не любят работать – они просто предпочитают не перерабатывать. Об этом свидетельствует 35-часовая рабочая неделя, утвержденная в большинстве французских компаний. И это несмотря на то, что во многих странах Евросоюза рабочая неделя составляет 40 часов. К дополнительному вниманию к своей персоне со стороны компании французы относятся как к чему-то само собой разумеющемуся. Практически 69% жителей Франции считают лучшей нематериальной мотивацией скользящий или гибкий график работы, вплоть до фриланса. Не менее важными французы считают медицинское и социальное страхование за счет компании, а также помощь в выплате

кредитов. Широкое распространение во Франции получило и корпоративное питание. Кстати, дополнительное образование и повышение квалификации за счет работодателя французам вовсе не интересно, хотя многие фирмы и стараются внедрять многочисленные обучающие программы. Этим славятся автомобильные компании Renault и Peugeot.

В Японии дела обстоят следующим образом: человек устраивается на работу на всю жизнь. Будучи однажды принятым в компанию, японец остается там вплоть до официального выхода на пенсию. Фирма, в которой работает специалист, становится практически второй семьей. Следовательно, нематериальная мотивация сотрудников осуществляется по психологической схеме «отец-сын», где отцом выступает компания, а сыном – сотрудник.

Компания способствует получению кредита, а нередко и сама беспроцентно кредитует своих сотрудников. Также фирма берет на себя все расходы в случае дорогостоящей учебы работника и его детей. Многие японские компании финансируют семейные торжества своих сотрудников – свадьбы и юбилеи, а также организуют спортивные мероприятия. Некоторые предприятия предоставляют жилье своим сотрудникам.

Любопытно, что в некоторых японских корпорациях приветствуются браки между сотрудниками. Таким образом, корпорация еще сильнее привязывает специалиста к своему рабочему месту – в этом случае работа становится практически домом. Обеспечивают высокую мотивацию к труду широкие возможности карьерного и профессионального роста. Повышения могут быть незначительными, но их регулярность отлично мотивирует сотрудников [1].

Достаточно интересный пример можно наблюдать на известном японском заводе Kimitsu, где провели реструктуризацию рабочего персонала, где основным мотивирующим критерием выступал возраст.

Руководство компании всегда стремилось поддерживать японский социальный компромисс пожизненной занятости и таким образом минимизировать принудительные увольнения. Следовательно, работая в прямом сотрудничестве с союзом компании, управление отложило много мер, которые задерживали инновационное отклонение от общепринятой практики в японском производстве и сталелитейной промышленности, сосредотачиваясь в особенности на рабочих старшего возраста. Цели состояли в том, чтобы увеличить внутреннюю гибкость посредством модернизации работы; в частности молодые рабочие должны были быть одобрены своими коллегами старшего возраста, с одной стороны потому что они были расценены как более подверженные изменению и, с другой, чтобы уменьшить затраты на

заработную плату. Таким образом принятые меры были сосредоточены в особенности на способах вознаграждения для рабочих старшего возраста и их условий занятости. Вознаграждение служащего в возрасте 55 и старше систематически и значительно уменьшалось, чтобы уменьшить затраты компании. В то же самое время, практика, известная как «shukko», который является передачей рабочих старшего возраста к заключающей субподрядный договор фирме, была установлена. Это вовлекает в командировку рабочих другому, вообще меньшей компании, но без их контрактов с оригинальным отменяемым работодателем. Служащие продолжают брать свою заработную плату и премии, заплаченные оригинальным работодателем; для его части фирма хозяина приносит пользу от прибытия новых рабочих и платежей вкладу в обмене. Таким образом цель состоит в том, чтобы отфильтровать наименее производительных и невыгодных служащих, не доходя до удаления их непосредственно с работы внутреннего рынка труда. Процедуры не являются только денежно-кредитными или экономическими, они также требуют обширные усилия и энергию от компании-учредителя. Например, необходимо найти компанию, которая не только примет такого данного взаимы служащего, но также окажет услуги, необходимые, чтобы уменьшить неудовлетворенность служащего и косвенно контролировать качество выполнения работы в целях оценки, так как система занятости компании-учредителя все еще в действительности функционирует. Таким образом издержки на управлении персоналом значительны, и с точки зрения стоимости и с точки зрения усилия [10, С. 14].

Можно предположить, что характер взаимосвязи показателей работы на вышеуказанных предприятиях и трудовой мотивации объясняется скрытым влиянием социально-демографических характеристик рабочих (полом, возрастом, уровнем образования, стажем работы на предприятии), которые существенно различались на предприятиях разного типа.

Возвращаясь к существующей российской модели мотивации труда, стоит отметить, что она во многом впитала в себя элементы советской модели стимулирования труда. Однако резкое изменение экономической ситуации в нашей стране, возникновение рыночных отношений повлияло на изменения в системе человеческих ценностей. Многие работники убеждены, что для безбедной жизни важны должность (статус), власть, связь с нужными людьми, работа в рыночном секторе экономики [9, С. 21].

Анализ изменений в мотивации труда за 1990-е годы приводит к выводу, что значимого усиления трудовой мотивации рабочих не произошло. Устойчивую мотивационную структуру приобрели ориентации рабочих, основанные на патерналистских ожиданиях. Удельный вес работников

с такой мотивацией не только не снизился, но даже несколько увеличился. К числу основных тенденций в мотивации труда рабочих относят: гипертрофированный рост мотива заработка, а также появление и устойчивое закрепление на втором месте нового мотива – «гарантии занятости». Однако из-за невозможности реального «насыщения» мотивы заработка и материального благополучия при их постоянной артикуляции посредством различных каналов коммуникации стали в настоящее время для большинства такими же идеологемами, как самооценność труда и интересная работа в советский период [6, С. 7].

Современный этап в развитии мотивации труда (с 2001 г.) можно условно назвать этапом перехода от адаптационной модели мотивации к моделям интенсификации и достижительности на основе повышения значимости высококвалифицированного труда, больших возможностей для формирования продуктивных партнерских отношений рабочих с руководством и администрацией предприятий. Мотивация интенсивного высокопроизводительного труда в реальности еще не сложилась, но поиск ее предпосылок, действенных и эффективных как для рабочего, так и для предприятия актуален и в свете поставленной национальной по масштабам задачи радикального повышения производительности труда как минимум в 4 раза до 2020 г. [7, С. 15].

Интересны результаты опросов современных работников российских предприятий, проведенных в 2001 г. Обработанные данные опроса говорят о том, что мотивация, отражающая ценности рыночной экономики – усиление связи заработка от результатов работы, характерна для мужчин 25–39-летнего возраста. Молодежь придает большое значение творческой части работы. Для женщин в возрасте 40–49 лет отмечается сужение мотивационной сферы, для них ценным мотивом трудовой деятельности становится отсутствие угрозы увольнения, следовательно, основная мотивационная потребность этой группы – безопасность и защищенность. Более 40% опрошенных рабочих ответили, что трудиться лучше с большей отдачей им также помогли бы уверенность в стабильности своего рабочего места и отсутствии угрозы сокращения [4, С. 70].

Это неслучайно, так как рынок, создавая гибкую систему мотивационных механизмов интенсивного и высокопроизводительного труда, вместе с тем не гарантирует права на труд, доход и социальную защиту.

Следует отметить, что начальный этап развития российской экономики столкнулся с невиданным дефицитом квалифицированных рабочих и инженерных кадров. Причем социокультурные причины кадрового дефицита по своему значению не уступают пагубным последствиям отсутствия у правительства

реформаторов внятной политики по их подготовке. Можно согласиться с исследователями, которые отмечают, что произошел сдвиг в системе ценностей: люди не хотят заниматься промышленным трудом, не хотят работать на производстве, они ищут более «чистую» и выгодную работу. Молодых людей прельщает работа в «светлых» офисах, а не в «серых» производственных помещениях. Кадровый рабочий, слесарь-инструментальщик Н.Д. Медведев, со стажем 45 лет на одном предприятии, на вопрос: «Почему не идет на завод молодежь», отвечает: «Зарплата у нас небольшая. И за проходной – режим, дисциплина. От звонка до звонка надо отработать. Они к этому теперь не привыкли. Чтобы настоящим рабочим стать, нужно года 2–3 отработать, не каждый захочет такой срок трудиться. И вообще рабочая профессия теряет престиж» [7, С. 15].

Определяя перспективы исследования мотивации труда можно высказать ряд соображений, которые окажутся полезными при дальнейшем исследовании мотивации труда. Для изучения мотивации труда, понимаемой как сознательное побуждение к трудовой деятельности, целесообразнее всего использовать метод анализа взаимосвязей между показателями мотивации труда и трудовым поведением, результатами трудовой деятельности. Обязательно комплексное изучение мотивации труда (как ценностей труда и оценок возможностей, которые предоставляет работа, оценок удовлетворенности отдельными элементами рабочей ситуации и работой на предприятии в целом, так и показателей, характеризующих различные поведенческие компоненты трудовой деятельности).

При проведении исследований на конкретных предприятиях необходимо подключать всю имеющуюся информацию о рабочих местах, многообразных условиях и факторах, определяющих трудовое поведение рабочих (условия для повышения квалификации, проявления инициативы и самостоятельности, повышения эффективности труда, характер общения в рабочем коллективе и взаимоотношений с руководством). Целесообразно также привлечение информации об эффективности производственной деятельности структурных подразделений предприятия с целью дальнейшего анализа взаимосвязей между показателями мотивации труда рабочих и показателями производственной деятельности этих структурных подразделений. Для всего этого необходимо использование различных методов сбора информации: не только массовых опросов, но и наблюдения, изучения статистики, а также глубинных интервью. Но все же особая роль в выявлении реальных побудительных мотивов остается за исследовательской интерпретацией, опирающейся на уже известные особенности функционирования ценностного сознания, его взаимодействия с потребностями и интересами, а также с объективными условиями

жизнедеятельности. Обращая на это внимание, в заключении, хотелось бы ознакомить читателя с размышлением относительно интерпретации социальной реальности сделанным А.Б. Гофманом: «...нет никаких оснований полагать, что индивидуальные участники социальных процессов заведомо лучше, чем исследователи, понимают, что с ними происходит, и, что, если социолог сведет свое объяснение к мотивам индивидуальных акторов, оно будет удовлетворительным» [3, С. 23].

Литература

1. Ананьева Е. Мотивация персонала в зарубежных компаниях // Работа.Ру.- 2010.-8 ноября [Электронный ресурс]. URL:http://www.rabota.ru/rabotodateljam/upravlenie_personalom/osobennosti_natsionalnoj_motivatsii.html (дата обращения: 25.04.2011).
2. Бессокирная Г.П., Попова И.М. Изменилась ли мотивация труда рабочих в 1990-е годы? (Методология изучения, результаты и перспективы исследований) // Мир России. – 2005. – Т. XIV. – № 4. – С. 105–137.
3. Гофман А. Б. Существует ли общество? От психологического редукционизма к эпифеноменализму в интерпретации социальной реальности // Социологические исследования. – 2005. – № 1.
4. Дьякович М.П., Хлопова Т.В. К оценке трудового потенциала предприятия // Социологические исследования. – 2003. – № 3. – С. 67–74.
5. Катильский Е. Мотивация на рынке труда // Вопросы экономики. – 1997. – № 2.
6. Попова И.П., Козина И.М. «Слабые группы» на рынке труда: гендерная специфика мотивации поведения // Журнал исследований социальной политики. – 2007. – Т. 5. – № 3. – С. 5–7.
7. Темницкий А.Л., Максимова О.Н. Мотивация интенсивного труда рабочих промышленного предприятия // Социологические исследования. – 2008. – № 11. – С. 13–23.
8. Трудовые отношения на новом частном предприятии / отв. ред. А.Л. Темницкий. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2000.
9. Шапиро С.А. Мотивация. М.: ГроссМедиа, 2008. – 150 с.
10. Lanciano E., Nitta M., How do Japanese and French firms in steel industry address the institutional change and the globalization? Employment adjustment and age management in a downsizing context. 2010. P. 13.

Е. В. Салова,

магистрант факультета социологии РГСУ

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ В ГЕРМАНИИ И РОССИИ: сравнительный анализ

В истории человечества миграция всегда играла важную роль. Она поддерживала процесс мирового экономического роста, способствовала развитию государств и обществ, связывала и обогащала культуры и цивилизации. Мигранты часто были в числе наиболее динамичных и предприимчивых членов общества – людей, которые рисковали выехать за пределы своей общины и страны в поисках новых возможностей для себя и своих детей. В двадцатом столетии мир стал свидетелем интенсивного роста миграции населения. За период с 1980 по 2005 год число международных мигрантов в мире удвоилось [14].

Международная миграция растет не только по своим масштабам и скоростным показателям, она характеризуется также увеличением количества участвующих в ней стран и людей. В миграционные процессы вовлечены люди самых разных национальностей, которые говорят на различных языках, исповедуют разные религии, живут по разным обычаям. При этом вплоть до 60–70-х годов XX века большинство мононациональных стран, принимавших иммигрантов, справлялись с передачей им своих культурных образцов. Включаясь в новое общество, люди по большей части отказывались от культурных и политических традиций прежней родины, утрачивали приверженность ее порядкам.

По мере увеличения масштабов международной миграции её экономические, социальные, культурные и политические последствия возрастают. Миграция может быть созидательной экономической и социальной силой, вызывающей приток работников, развитие экономики, обогащение культуры. Особенно ощутимые выгоды миграция приносит депопулирующим обществам со стареющим населением, каковыми сегодня является большинство развитых стран мира. Иммигранты с готовностью едут в такие государства и готовы предложить местным рынкам труда не только свои высококвалифицированные руки и головы, но и насытить рынок труда массовыми профессиональными навыками. Безусловно, значимы и отрицательные проявления миграции – незаконное пребывание, нелегальная работа, проявления этнической сегрегации, ксенофобии и расизма. Целый ряд европейских стран на протяжении уже довольно значительного времени по-разному выстраивая свою миграционную систему, пытается

добиться эффективного социального и экономического оптимума в этой сфере. За последние 30–50 лет Европа – а именно там формулируется большинство миграционных заказов и политик (причем, типически разных) – знала разные по удачности опыты [23].

Опыт выстраивания миграционной политики послевоенной Германии противоречив. В нем, безусловно, много позитивного: умение быстро реагировать на меняющуюся международную общественно-политическую и миграционную ситуацию; постоянно проводимое и законодательно закрепленное желание из обширного массива людей, потенциально готовых переселиться в страну выбрать этнически близких (этот в высшей степени полезный опыт не был вовремя взят на вооружение российскими миграционными институтами, а нынешние попытки его мобилизации в виде разработки государственной Программы переселения Соотечественников, скорее всего, безнадежно опоздали. Отдельного внимания заслуживает по-разному осуществляемая в разные исторические периоды времени, но постоянно проводимая политика интеграции мигрантов (хотя как отдельная законодательная позиция интеграция была закреплена только в Законе об иммиграции 2005 года). Начиная с 1950 г. она предполагает нечто среднее между вариантами компактного поселения и дисперсного размещения. Только в исключительных случаях мигрантов расселяют в несвойственный им ранее тип поселения (то есть столь пространственный в России 1990-х гг. способ расселения горожан из Казахстана и Средней Азии в глухих сельских поселениях России с целью поднять глубинку или без такой цели, но по причине наличия там дешевого жилья, и зачастую полного отсутствия работы, не популярен) [18]. Разные интеграционные программы действуют для разных социальных и демографических групп мигрантов, выплачиваемые пособия направлены строго адресно, с учетом всех имеющихся о конкретном переселенце фактов, связанных с имущественным и материальным положением его и его семьи. Переселяющиеся имеют широкий доступ к необходимой информации, передающейся «некулуарным», а вполне официальным образом. Большое значение для всесторонней адаптации на местах имеют общины, причем, они делают это не только по своему личному усмотрению и желанию, но и «с благославления» и по просьбе Правительства страны. При всем внимании к адаптационной проблематике, вопросы реального включения в германский социум для мигрантов, особенно средних и предпенсионных возрастов, остаются весьма тяжелыми и удающимся не всем мигрантам. Только огромные усилия со стороны каждого отдельного человека, его неутомимое желание вписаться в новую жизнь, отсутствие боязни перед ранее несвойственной сферой деятельности,

наряду с деятельностью государственных институтов позволяют адаптироваться в немецкой среде. Немецкий иммиграционный опыт ощутимее, чем опыт других принимающих государств, дает понять российским миграционным институтам, что свои и интеграционные проблемы случаются даже там, где этой проблематикой серьезно занимаются. Но без серьезнейшего внимания к этим вопросам миграционная политика провальной будет почти наверняка [11].

Принципиально в Германии признается право любого официально принятого переселенца жить на всей территории страны без каких-либо ограничений, что закреплено во Всеобщей декларации прав человека (1948 г., ст. 13). Однако на самом деле размещение прибывших мигрантов регламентируется Законом о распределении переселенцев (Aussiedler) и поздних переселенцев (Übersiedler) по землям (1989 г.) [4]. Не усиление, но, в некотором смысле, «укоренение» пространственных социально-экономических различий между восточной и западной частями страны способствовало тому, что в 2000-е гг. распределение вновь прибывших иммигрантов по землям и закрепление за ними определенного места жительства стало одним из острейших вопросов для переселенцев. Личные пожелания переселенцев учитываются в ограниченной степени и только тогда, когда они преобладают над государственными интересами ФРГ. Типичным примером примата личных интересов можно назвать воссоединение семьи, когда родители хотели бы проживать в одном населенном пункте со своими взрослыми детьми. Не так отчетливо этот интерес прослеживается в отношении братьев, сестер и более отдаленных родственников [11].

Основная масса мигрантов, переселяющихся в Германию на постоянное место жительства (и евреев, и даже немцев – несмотря на то, что сейчас многие из них – выходцы из деревень Казахстана, Сибири и Поволжья, и воссоединяющихся турок) предпочитают оседать в городах. удельном весе иностранного населения в некоторых городах: Франкфурт-на-Майне – 28%, Штутгарт – 24%, Мюнхен – 23%, Кёльн – 19%, Гамбург – 15%, Берлин – 13%. В отдельных городских районах доля мигрантов иногда достигает 60% [7].

Суммарная аттрактивность трех западных земель – Северный Рейн – Вестфалии, Баварии и Баден – Вюртемберга находится на уровне, превышающем 60% всех иностранцев Германии. Сама по себе цифра – фактическое свидетельство победы переселенцев над законодательным желанием государства поселить мигрантов в желаемых ему местах – и один из законодательно-пространственных «уроков» для России.

Законы, а социальная помощь нуждающимся выплачивается на основании Закона о социальной помощи и Социального Кодекса, работают, но территориальная концентрация переселенцев не становится существенно меньшей.

Социальная помощь выплачивается мигрантам исходя из следующей логики: «Тот, кто не в состоянии собственными силами обеспечить свое существование или в силу сложившихся особых обстоятельств не может получить помощь от других, имеет право на персональную материальную поддержку, отвечающую его личным потребностям. Эта поддержка должна способствовать преодолению сложившегося положения, служить полноценному участию в общественной жизни и обеспечивать ведение достойного человека существования» [20]. Однако, применительно к иммигрантам (в том числе немцам-репатриантам), нормативные положения уточняются:

- мигрант может получать «social», если он докажет, что у него действительно нет других возможностей «прокормить» себя, в том числе отсутствует жилье и бизнес на родине, нет материально успешных ближайших родственников;
- размеры социальной помощи иммигрантам должны быть таковыми, чтобы не наносить ущерба благополучию немецкого общества и не формировать негативного отношения к переселенцам со стороны местных жителей, т.е. существенно меньшими, чем у граждан ФРГ;
- иммигрант обязан приложить все усилия для самостоятельной адаптации, по поиску вариантов трудоустройства, способствующих двум благим целям – его включению в местный социум и отказу от «social».

Виды (от большего к меньшему размеру помощи: ALG I, ALG II и ALG II облегченный) и величина пособия сильно разнятся, зависят от многих факторов: возраста получателя, количества человек в семье, наличия детей и стариков, места учебы детей и др. Социальное пособие составляет примерно 250 € в месяц на главу семьи и 150 € на каждого ее члена, срок выплаты пособия не ограничивается. Государство оплачивает также жилье из примерного расчета 50 кв. м на главу семьи и 10–15 кв. м на остальных членов, в зависимости от возраста и других критериев [1].

Система социального обеспечения выстроена так, что предлагает самую минимальную «сеть безопасности», ограничивая возможности «поживания на социальной лавке». Логика препятствия социальному «нахлебничеству» исходит из выбранной государством социальной модели, финансирование в которой идет за счет налогов, уплачиваемых работающим населением, а оказание социальной помощи в ней связано с

(предыдущим) статусом занятости, когда не работавшие или имеющие небольшой трудовой стаж индивиды получают незначительные пособия.

В период с 1980 по 2003 гг. абсолютное число заявок иностранцев на социальную помощь выросло с 70 523 до 624 472, т.е. почти в 9 раз, а число не-немцев среди получателей социальной помощи увеличилось с 9 до 29,1%. При этом резко выросло и абсолютное число получателей социальных пособий – с 780 629 до 2 142 470 человек (в 2,7 раза) [24].

С принятием в 2005 г. Закона об иммиграции произошел переход к более активным мерам по интеграции. Главенствующая роль была отдана языковой политике. Правительством было предложено создать 4579 классов по обучению немецкому языку за 17,5 млн. €, выделив еще 31,5 млн. € на проекты общей интеграции на местном уровне [13]. Для ряда категорий мигрантов были отменены пособия по безработице, означаящие, что после истечения срока предоставления пособий по безработице ранее работавшие мигранты могут претендовать только на базовую социальную помощь. Новое законодательство также позволяет налагать санкции на получателей «social», которые не занимаются поиском работы или отказываются принимать предложения о временной работе, оплачиваемой из расчета 1 € в час. При этом конкретные меры по стимулированию активного поиска занятости фактически не определены и проблемы с интеграцией иммигрантов на рынке труда остаются весьма острыми [20].

В июле 2007 г. был проведен второй интеграционный саммит с участием 86 представителей эмигрантских и других общественных объединений страны, на котором Глава правительства ФРГ Ангела Меркель представила новый Интеграционный план. В его разработке совместно с немецкими политиками участвовали представители деловых кругов, спортивных организаций, церквей и объединений мигрантов. Документ представляет собой свод из 400 добровольных обязательств, которые берут на себя представители государства, коммунальных властей и общественных организаций по содействию интеграции иностранцев и немецких граждан иностранного происхождения в трудовую, культурную и общественную жизнь Германии. С 2008 г. на программы, способствующие интеграции иностранцев, Правительство ФРГ намерено ежегодно выделять 750 млн. € [21].

Согласно статистике, в 2007 году 14% мигрантов и выходцев из эмигрантских семей в возрасте от 25 до 65 лет были безработными (в среднем по стране в этой возрастной группе – 7,1%). Особенно страдают от безработицы мигранты без немецкого гражданства – 16% из них в 2007 году не имели работы.

Мигрантами и выходцами из эмигрантских семей в Германии считаются иностранцы, приехавших в Германию после 1950 года. В 2007 году в Германии проживали 7,3 млн. иностранцев (8,9% от всего населения страны) и 8,1 млн. выходцев из эмигрантских семей с немецким паспортом (9,9% населения). Таким образом, всего в 2007 году в Германии проживало 15,4 млн. иностранцев и выходцев из эмигрантских семей. В том же году население Германии сократилось на 112 тыс. человек и составило 82,3 млн. человек. Иностранцы и мигранты, проживающие в Германии, являются, в первую очередь, выходцами, из Турции, Польши, России, Италии, Сербии, Хорватии, Греции.

Согласно данным Федерального статистического ведомства Германии, обозначился определенный социологический портрет иностранцев и выходцев из эмигрантских семей в Германии. В среднем они моложе коренных немцев (34,3 года по сравнению со средним возрастом немцев 44,9 лет), чаще не состоят в браке (45% неженатых и незамужних мигрантов по сравнению с 38,1% среди немцев), среди них больше мужчин (50,8% по сравнению с 48,5% среди немцев), они чаще живут в западных землях или Берлине (95,9% по сравнению с 81% немцев) [3].

После распада СССР Россия стала одним из мировых лидеров миграционных процессов: в 1990-х годах по величине миграционного прироста она уступала лишь США и Германии. Эксперты ООН утверждают, что в случае отказа от приема мигрантов население России к 2050 году сократится более чем на 30 млн. человек [8].

Одна из сложностей процесса интеграции состоит в том, что даже те иммигранты, которые легально прибыли в страну и освоили ее язык, на деле часто оказываются на вторых ролях, несмотря на провозглашенные «равные возможности для всех членов общества». В этом случае речь идет уже не столько о культурной интеграции – хорошем знании языка, культуры и правовых норм принимающей страны, сколько о следующем этапе – полноценной социальной интеграции.

В Российской Федерации вопрос об уровнях интеграции мигрантов пока не стоит вообще. До настоящего времени на государственном уровне приоритетные задачи по языковой и социокультурной адаптации мигрантов даже не были сформулированы. Упоминание о необходимости адаптации и интеграции мигрантов присутствовало в одобренной в 2003 году Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации, но не было подкреплено законодательными нормами и конкретными рекомендациями. Задача адаптации и интеграции прибывающих переселенцев была наиболее полно сформулирована в принятой в

2006 году Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом [6]. Однако конкретные меры и подходы к организации этих процессов на местах оставлены на усмотрение региональных властей.

В то же время необходимость осуществления целенаправленной государственной политики на этом направлении становится все более очевидной. Мигранты, прибывающие из зарубежных стран, как правило, недостаточно владеют русским языком, знаниями о культурном наследии и истории, основами российского законодательства и реалиями российского быта. Сами этнические мигранты далеко не всегда ориентированы на освоение принятых в среде принимающего города обычаев и норм поведения. Отсутствует образовательная инфраструктура, позволяющая мигрантам из зарубежных стран повысить свой уровень владения русским языком, получить другие знания, которые помогли бы им адаптироваться и интегрироваться в принимающее общество. Посещение подобного учебного курса как обязательное условие получения рабочего места до недавнего времени оставалось лишь рекомендацией отдельных ученых и экспертов.

Субъекты Российской Федерации, принимающие значительные потоки мигрантов на протяжении уже почти двадцати лет, как правило, вынуждены разрабатывать собственные подходы к решению проблемы их адаптации и интеграции. При этом основная нагрузка все это время приходится на социальную сферу, главным образом на систему образования, поскольку в школы и дошкольные образовательные учреждения поступает все больше детей и подростков, идентифицирующих себя с другими культурами.

Один из новаторов на этом направлении работы – г. Москва. Экономически эффективный мегаполис со столичными функциями и развитой инфраструктурой, высоким уровнем жизни и большим числом привлекательных рабочих мест, Москва, следуя общемировым тенденциям, стала главным центром притяжения миграционных потоков. Этому способствует как географическое положение города, так и его роль как крупнейшего транспортного узла не только России, но и всего постсоветского пространства.

Общий объем прибывающих в Москву мигрантов ежегодно составляет более миллиона человек. В 2006 году по месту пребывания было зарегистрировано 1,26 млн. человек (в 2005 году – 1,2 млн. человек) иностранных граждан, преимущественно из стран СНГ. Наибольший

удельный вес, около 80%, составляют граждане Украины, Казахстана, Узбекистана, Молдовы, Азербайджана и Таджикистана. Несмотря на то, что основные полномочия по определению миграционной политики и регулированию миграционных процессов закреплены за федеральными органами, правительство Москвы с начала 2000-х годов в инициативном порядке разрабатывает и реализует целевые программы, направленные на регулирование миграции в условиях мегаполиса

В московской системе образования вопросы адаптации и интеграции мигрантов уже давно стали частью образовательного процесса, включены в планы и содержание столичного образования. Апробированы многие интересные нормативно-организационные подходы, созданы учебно-методические пособия. Работает сеть специализированных общеобразовательных учреждений, осуществляющих первичную адаптацию мигрантов.

Опыт, накопленный в данной сфере, находит отражение в целевых программах правительства Москвы по вопросам межнациональных отношений и миграционной политики. Более того, именно усилиями Департамента образования города Москвы одной из задач Московской городской миграционной программы на 2008–2010 годы стала «адаптация и интеграция иммигрантов на основе взаимоуважения к культуре, религии, обычаям, традициям и жизненному укладу жителей города» [21].

Прибывающие мигранты вынуждены адаптироваться к новым условиям жизни. Так и коренные жители городов, находясь в постоянном процессе их социализации и адаптации. Психологическая установка на терпимое, толерантное восприятие окружающего мира – основное условие нормальной интеграции мигрантов. Поэтому, чтобы интеграция прошла успешно, соответствующие встречные усилия должны предприниматься и со стороны принимающего общества. Такой подход носит универсальный характер.

Роль образования в вопросах сохранения межнационального мира и согласия подчеркивают положения одобренных ООН Декларации принципов толерантности, Декларации и Программы действий в области культуры мира [9]. Эти документы рекомендуют уделять особое внимание социально наименее защищенным группам (а именно к ним, как правило, относят мигрантов), предоставить им правовую и социальную защиту, обеспечить уважение самобытности их культуры и ценностей и содействовать, в особенности посредством образования, их социальному и профессиональному росту и интеграции. Декларация принципов толерантности призывает поощрять методы систематического и рацио-

нального обучения толерантности, вскрывающие культурные, социальные и религиозные источники нетерпимости, лежащие в основе насилия и отчуждения.

Современные общественные науки выработали достаточно четкие критерии формирования образовательно-культурной среды толерантности. Среди них наиболее важно содействие со стороны государства и общества климату взаимного уважения, пониманию и солидарности между всеми лицами, независимо от этнического происхождения или религиозной принадлежности, поощрение решения проблем с помощью диалога, основанного на принципах верховенства закона [17].

Решение проблем интеграции мигрантов связано с участием в целенаправленном и последовательном продвижении русского языка в зарубежных странах. Поддержка средствами образования русского мира и российских соотечественников в зарубежных странах – важная самостоятельная сфера деятельности государственной политики и, в частности, московского образования. Перспективным для России направлением миграционной политики эксперты считают привлечение образованной молодежи из семей соотечественников и русскоязычного населения, особенно из стран СНГ. Можно полагать, что по мере развития российской экономики и научно-образовательного потенциала, всестороннего укрепления ее положения на международной арене зарубежная молодежь, получившая современное образование, будет стремиться к деловым, образовательным, научным связям с Россией. Это позитивно отразится на характеристиках миграционных потоков в Россию. Особенно показательно в этом отношении последнее десятилетие. В странах «нового» и «традиционного» зарубежья сегодня существует достаточно сложная проблема сохранения русского языка и русской культурной идентичности у детей из русскоязычных семей, оказавшихся за пределами России в иноязычной, инокультурной среде [5].

С 20-х годов XX века стремление к сохранению русской языковой идентичности остается одной из наиболее стойких традиций российских эмигрантов. В Париже и Берлине, Праге и Белграде, Харбине и Сан-Франциско, других центрах русского зарубежья великие русские писатели и философы, деятели науки и культуры призывали к сохранению культурных традиций и любви к родине, к России.

Интеграция – долгий и сложный процесс, требующий от мигрантов и граждан принимающих стран взаимного уважения и желания приспособиться друг к другу. Интеграция признает различия, но требует от мигрантов, равно как и от граждан, сотрудничества и чувства сопричас-

тности. По мнению экспертов ООН, работавших в Глобальной комиссии по международной миграции, интеграция мигрантов в принимающее сообщество зависит, прежде всего, от их знания национального языка, способности найти приемлемо оплачиваемую работу, их правового статуса и участие в общественной и политической жизни, а также доступа к системе социального обеспечения. В отсутствие эффективной политики интеграции эти вопросы решаются правительствами крайне медленно, и поэтому страны, принимающие мигрантов, не в состоянии извлечь выгоду из того вклада, который миграция может дать обществу. Мигрантам необходимо гарантировать такие условия, при которых они будут в состоянии реализовать свой потенциал и оправдать ожидания. Отсутствие интеграционной политики ведет к изоляции и маргинализации мигрантов и их детей. Рост числа неблагоприятных и изолированных сообществ мигрантов (гетто) влечет за собой высокие социальные и финансовые издержки. Это может сказаться на общественной безопасности и привести к тому, что другие члены общества будут чувствовать угрозу, исходящую от присутствия приезжих. Риск в данных ситуациях заключается в том, что мигранты и представители других меньшинств могут начать искать агрессивные способы выражения собственной неудовлетворенности и утверждения своей идентичности. Все заинтересованные стороны – сообщества мигрантов, институты гражданского общества, национальные и местные органы власти, а также частный сектор – имеют шанс, действуя сообща, предотвратить негативные последствия миграционного процесса. Гарантировать мигрантам полноценную жизнь в обществе, к которому они присоединились, – это не просто вопрос следования принципам прав человека, но и вопрос взаимного интереса и выгоды. Мигранты, принятые и уважаемые другими членами общества, скорее реализуют свой человеческий потенциал и принесут пользу принявшей их стране. Социальное единство позволяет представителям всех сообществ почувствовать свою безопасность и общие цели и становится важным компонентом экономического успеха [15]. Отечественный и мировой опыт современных мегаполисов показывает, что при неизбежности значительных миграционных потоков сфера образования и воспитания в сотрудничестве с медицинскими и социальными службами способна обеспечить социокультурную, и прежде всего, языковую адаптацию детей мигрантов и тем самым в значительной мере предотвратить их маргинализацию [5].

При сравнении опыта, накопленного московским мегаполисом, с политикой в сфере адаптации мигрантов, которую проводят ведущие мегаполисы мира и государства, можно сделать вывод о том, что московское образование движется в русле основных тенденций развития образова-

тельной политики тех государств и городов мира, которые, как и российская столица, принимают большие потоки мигрантов – представителей иных, по сравнению с коренным населением, языков и культур. Например, в Германии, где более 13% учащихся начальных школ и 19% воспитанников детских садов – это дети мигрантов, а в Берлине из семей мигрантов происходит каждый четвертый ученик, активно решаются такие проблемы адаптации детей мигрантов, как интенсивное обучение немецкому языку, усиленное внимание к образованию девочек из мусульманских семей, постоянное психологическое сопровождение процесса обучения в школе. В целях адаптации и интеграции взрослых мигрантов, помимо курсов по изучению государственного языка, организована помощь в получении этой категорией жителей необходимой профессиональной квалификации и трудоустройстве. Федеральное министерство труда и социальных дел стремится сочетать проекты профессиональной интеграции с мерами, направленными на содействие мирному сосуществованию немцев и иностранцев и на преодоление ксенофобии (например, проект «Интеграция мусульман и мусульманских организаций в Германии»), ряд образовательных программ осуществляет и Федеральное министерство образования («Межкультурное образование в школах», выставочный проект в музеях «Иностранцы в Германии – немцы за рубежом», проект «Как жить в многонациональном обществе») [10]. В Берлине политика по адаптации и интеграции международных мигрантов законодательно определяется принятой в 2005 году интеграционной концепцией. Главные цели в этой сфере – помочь прибывающим из-за границы как можно раньше мобилизовать свои ресурсы и потенциал, чтобы сами мигранты проявляли инициативу в поиске своего места в принимающем их обществе (ключевой лозунг интеграционной политики Берлина звучит так: «интеграции требуется участие») [11].

В Послании Президента РФ Федеральному собранию, прозвучавшем в 2006 году, отмечено, что для решения проблемы экономического, социального и демографического развития страны необходима эффективная миграционная политика. На направлении регулирования миграции приоритетом остается привлечение из-за рубежа соотечественников [18], причем термин «соотечественник» следует толковать широко – это не только представители русского этноса, но и люди других национальностей, родившиеся и выросшие на территории бывшего СССР. Эти принципы нашли отражение в Национальной программе демографического развития России, которая предусматривает увеличение миграционного притока населения до 420–440 тыс. человек в год, при этом преимущество отдается постоянным иммигрантам из числа русских и русскоязычных

граждан республик бывшего СССР». Безусловно, необходимо стремиться к соблюдению вышеозначенных приоритетов, определенных руководством государства, тем более что русскоязычные мигранты имеют больше шансов на успешную и быструю интеграцию в российское общество. Однако государственная система адаптации мигрантов должна быть выстроена таким образом, чтобы гарантировать успешную интеграцию мигрантов любой этнической и религиозной принадлежности, из любой страны исхода. Ведь, каким бы сильным ни было стремление снизить уровень иммиграции из близлежащих государств СНГ, в глобальном масштабе будет продолжаться воссоединение семей и решаться вопрос о привлечении трудовых мигрантов.

Эффективная система адаптации и интеграции крайне необходима не только для решения проблем вновь прибывающих иммигрантов, но и для работы с людьми, в течение уже долгого времени проживающими на территории нашей страны. Среди них – и трудовые мигранты, прибывших из стран СНГ и дальнего зарубежья и задержавшиеся здесь на длительный период времени, и русскоязычные иммигранты.

Крайне важным представляется включение вопросов адаптации и интеграции мигрантов в концепцию государственной миграционной политики, федеральные и региональные целевые программы.

Социально-культурная интеграция мигрантов, направленная на содействие их равному участию в социально-экономической и культурной жизни страны, должна стать одним из основных направлений иммиграционной политики России. Меры иммиграционной политики следует сфокусировать на расширении возможностей изучения русского языка, а также культуры, истории и основ государственного устройства страны.

Литература

1. Бажанов Г.В. Вынужденная миграция: проблемы социального обеспечения мигрантов и практика их решения на примере Германии. http://student.ncstu.ru/Science/articles/hs/07/socio/10.pdf/file_download.
2. Бургмер Г.Н. Педагогические интеграционные процессы – специфика проблем интеграции школьников из мигрантской среды // Миграция: актуальные проблемы адаптации и интеграции. Сборник материалов XV и XVI московско-берлинских международных семинаров по актуальным проблемам миграции. М., 2007. – С. 110. х О.С. Иммиграционная политика в Российской Федерации.
3. Газета «ЗАГРАНИЦА» № 23 (435).

4. Германия: Правовая информация: гражданство и статус. <http://www.germany.ru/consult/status/paragraf.html>.
5. Горячев Ю.А., Захаров В.Ф., Курнешова Л.Е., Омельченко Е.А. Интеграция мигрантов средствами образования: опыт Москвы. М.: Издательский дом «Этносфера», 2008. – 168 с.
6. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом».
7. Данные исследований группы д-ра Д. Нойтаца – Институт Восточно-европейской истории Albert Ludwigs-Universitet Freiburg, Фрайбург – Германия.
8. Данные из доклада ООН «Народонаселение мира в 2004 году». Источник текста: www.unfpa.ru.
9. Декларация принципов толерантности. Статья 4. Пункт 4.2. <http://www.unesco.ru>.
10. Денисенко М.Б., Хараева О.А., Чудиновских О.С. Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада. М., 2003. – С.140.
11. Карачурина Л.Б. к.г.н., доцент, зам. зав. кафедрой «Демографии» Института Демографии ГУ – ВШЭ, г. Москва.
12. Лойшнер П. Основные характеристики миграционной политики Берлина в свете актуальных проблем // Миграция: актуальные проблемы адаптации и интеграции. М., 2007. – С. 15.
13. Менц Г. «Полезные» гастарбайтеры, обременительные беженцы и вторая волна сокращения социальных расходов: связь между миграцией и государством всеобщего благосостояния //Прогнозис. – 2007. – № 1 (9). – 2 Апреля 2007 г.
14. Миграция во взаимосвязанном мире: новые направления деятельности. Доклад Глобальной комиссии ООН по международной миграции.
15. Миграция во взаимосвязанном мире // Альманах «Этнодиалоги». – 2006. – № 1 (24). – С. 46.
16. Национальная программа демографического развития России. М., 2006. – С. 11.
17. От толерантности – к культуре мира // Альманах «Этнодиалоги». – 2003. – № 2 (20).

18. Послание президента РФ Федеральному собранию РФ. 2006. Информация с сайта www.kremlin.ru.
19. Пуэ Т. Социальная помощь для переселенцев и иностранцев из стран СНГ: пер. с нем. Франкфурт-на-Майне, 1989. – 188 с.
20. Социальный Кодекс- Sozialgesetzbuch, § 9.
21. Утверждена постановлением правительства Москвы «О Московской городской целевой миграционной программе на 2008–2010 годы от 21.08.2007 г. № 711–ПП.
22. Collett E. One Size for All? Tailored Integration Policies for Migrants in the EU //European Policy Centre Working Paper. – 2006. – № 24.
23. Lepsius R. National und Nationalismus in Deutschland //Lepsius R. Interessen, Ideen, Institutionen. Opladen, 1990. S. 232–247.
24. <http://www.journal.prognosis.ru/a/2007/04/02/144.html>.
25. <http://www.mn.ru/print/issue/2007-28-23>.

Т. А. Сергеева,

магистрант факультета социологии РГСУ

ФОРМИРОВАНИЕ СТИЛЕЙ ПОТРЕБЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Переход современных рыночных обществ к эпохе постмодерна сопряжен с целым рядом социокультурных изменений, которые непосредственно касаются феномена потребления. Одна из главных особенностей общества постмодерна – изменение места и функций потребления в жизни общества. Потребление, являясь одной из важнейших сфер жизнедеятельности человека, занимает ключевое место в современном российском обществе, приобретает все большие формы и все большее значение.

Социологи отмечают появление в российском обществе потребительской идеологии, которая в 90-е годы XX века становится господствующей и характеризуется «насаждением гедонистических принципов организации жизни, пропагандой быстрого, немедленного обогащения любой ценой, потребления дорогих престижных вещей, в целом красивой жизни»¹.

В настоящее время меняется не только масштабы и значения, но и сам характер потребления. Изменение характера потребления проявляется и в том, что оно становится не просто рациональным решением о покупке того или иного товара или услуги, а приобретает символическое значение. Потребление рассматривается не только как средство удовлетворения базовых потребностей человека, но интерпретируется в контексте символов, знаков, ценностей. Потребляя определенные товары или услуги, человек конструирует себя, свою идентичность, статус, стиль жизни, а значит, и социальное пространство в целом.

Феномен потребления пронизывает повседневные практики индивидов всех социальных страт, однако именно молодежь все чаще рассматривается социологами в контексте потребления. Исследователи отмечают, что «современная молодежь является самым активным агентом потреб-

¹ Петрушкина Е.В. Социальное конструирование стилей потребления студенческой молодежи. Автореф. ... канд. социол. наук: Москва, Московский Городской Педагогический Университет, 2006. – С. 3.

ления на рынке...»¹. Потребительские практики не только составляют значимую часть повседневности молодежи, играют важную роль во всех видах молодежных активностей, но и приобретают характерные черты и особенности стилей жизни.

Стили потребления молодежи конструируются не только самими молодыми людьми. Активным агентом конструирования выступает общество, формируя потребительские ориентации и задавая потребительские стандарты. Поэтому актуальным становится вопрос о соотношении этих двух процессов – конструирования стилей потребления самими индивидами, с одной стороны, и обществом через разнообразные общественные институты, с другой.

Изучение социального конструирования потребительских стилей современной молодежи особенно актуально в период процессов социальной трансформации, поскольку позволяет получить информацию о реальных потребительских практиках молодежи, оценить возможность и границы влияния общества на потребительские стили и разработать механизмы влияния на стили потребления молодежи.

Анализируя стили потребления в социологической традиции, так же анализируются существующие в социологии подходы к изучению феномена потребления. Проблематика потребления находится в центре внимания как российской, так и зарубежной социологической науки. В большинстве определений данного феномена прослеживаются две основные линии: первая линия связана с пониманием потребления в русле экономических концепций, вторая – с наделением потребления социальными и культурными смыслами (социологический подход).

Анализ социологических концепций потребления как российских, так и западных ученых позволяет автору условно выделить три ключевых методологических направления в изучении феномена потребления: классическое (представленное структуралистскими концепциями), пост-модернистское (основанное на конструктивизме) и социально-конструктивистское (сочетающее в себе принципы первых двух направлений).

¹ Елишев Сергей. Проблемы современной российской молодежи: чего хочет молодежь?. – август 2010. http://ruskline.ru/analitika/2010/8/17/problemny_sovremennoj_rossijskoj_molodyozhi_chego_hochet_molodezh.

Рассматривая классические социологические теории (К. Маркс, М. Вебер, Г. Зиммель, Т. Веблен, В. Зомбарт)¹, можно сказать, что определяющим фактором поведения потребителей с позиций данной методологии является социально-экономическое положение индивида, а потребление в обществе определяется его классовой структурой. По мнению автора, концепции потребления, существующие в рамках классической социологической теории, утверждают объектную позицию индивида, подверженного влиянию объективно заданной социальной структуры общества, и не рассматривают индивида в качестве субъекта, самостоятельно конструирующего свои потребительские практики.

Анализируя постмодернистские социологические теории (М. Фезерстоун, Ж. Бодрийяр, Э. Фромм, С. Майлз, Дж. Ритцер, Ф. Джеймсон, Д. Лион), автор выводит смысл потребления за рамки приобретения и использования товаров и услуг, рассматривает потребление, в первую очередь, как символическую, а не инструментальную деятельность, а индивида – в качестве активного субъекта, конструирующего свою жизнь и жизнь общества. Серьезным ограничением, является тот факт, что данные концепции стремятся отбросить структуралистский подход, не принимая во внимание воздействие социальной среды на индивида. Здесь, как отмечает автор, следует согласиться с мнением В.И. Ильина, который говорит о том, что: «Даже в странах, далеко продвинувшихся по пути постмодернистской трансформации, пока слишком много фактов, напоминающих о существовании мощных социальных полей, вырваться за пределы влияния которых удастся немногим. В постсоветской России сила притяжения социальных полей гораздо сильнее, что характерно для всех обществ, мучительно рождающихся в процессе модернизации»².

Третье направление анализа, представлено деятельностно-конструктивистской концепцией В.И. Ильина и структуралистско-конструктивистской концепцией П. Бурдьё. Обе концепции позволяют рассматривать

¹ Ильин В.И. Потребление в социальном поле / Социология потребления / под. ред. Л.Т. Волчковой, Ю. Гронова, В.Н. Мининой. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2001. – С. 30.

² Елишев С. Формирование ценностных ориентаций современной молодежи посредством государственной молодежной политики. – Май 2010. http://ruskline.ru/analitika/2010/05/19/formirovanie_cennostnyh_orientacij_sovremennoj_molodyozhi_posredstvom_gosudarstvennoj_molodyozhnoj_politiki/

потребление как двусторонний процесс. Социальная среда, имеющая внешний характер по отношению к индивиду, с помощью разнообразных общественных институтов конструирует потребительские стили. Но, с другой стороны, эта среда формируется людьми и существует лишь в той мере, в какой люди воспроизводят ее нормы и ценности в своей деятельности. Человек сам участвует в конструировании своего стиля потребления, однако это конструирование происходит в рамках пространства, предлагаемого социальной средой.

Деятельностно-конструктивистская концепция В.И. Ильина взята за основу, поскольку позволяет рассматривать стиль потребления в качестве социального конструкта, создание которого происходит как на микроуровне в ходе повседневных, межличностных взаимодействий, так и на макроуровне – в социокультурном пространстве в рамках определенных институциональных условий.

В социологической традиции рассматривается молодежь как агент потребления, так же существуют подходы к рассмотрению молодежи (психоаналитический, структурно-функциональный, субкультурный, культурологический) и осуществляется рассмотрение и описание на пространство потребительских практик молодежи.

Социологические теории, изучающие молодежь в рамках психоаналитического подхода, основываются на концепции жизненного пути личности. Эта концепция базируется на идеях З. Фрейда, а также его последователей (А. Фрейд, Р. Бенедикт, Э. Фромм, Л. Фойер, Л. Шелефф, Э. Эриксон, Д. Рисмен, В. Райх и др.), согласно которым молодежь рассматривается в контексте процесса социализации, а молодость, как определенный жизненный период, характеризуется переходом из одного социального статуса («детского») в другой («взрослый»). В целом, психоаналитический подход, по мнению автора, хотя и позволяет полнее раскрыть индивидуальность молодого человека при осуществлении потребительских выборов, тем не менее не оставляет нормативного пространства для потребительских практик, не вписывающихся в практики «нормального большинства», которые трактуются как отклоняющиеся, подлежащие коррекции и фиксируются психоаналитиками как «подростковая фаза выпадения из взросления»¹.

¹ Омельченко Е.Л. Молодежь: Открытый вопрос. Ульяновск: Изд-во «Симбирская книга», 2004. – С. 79.

Структурно-функциональный подход, представленный в западной социологии концепциями Т. Парсонса и Ш. Айзенштадта, рассматривает молодежную культуру с точки зрения той социальной функции, которую она выполняет в обществе – функции снятия напряжения между молодежью и обществом. Автор отмечает, что структурно-функциональный подход оказал значительное влияние на изучение молодежных культур, акцентировал значимость возрастной дифференциации в обществе и расширил возможности системного исследования молодежных проблем. Однако такой подход имеет и свои недостатки. Критика структурного функционализма основывается на том, что, рассматривая молодежь в качестве агента потребления, нельзя описывать молодежь как единую, монолитную, целостную группу, не учитывая, стиливых особенностей потребительских практик молодых людей.

Ограниченность функционализма заключается и в том, что данный подход не позволяет объяснить социальное явление с точки зрения его генезиса, а лишь указывает на определенную взаимосвязь явлений внутри социальной системы, оставляя, таким образом, за рамками исследования анализ процесса конструирования стилей потребления молодежи, механизмов и агентов конструирования.

В центре внимания сторонников субкультурного подхода (А. Коэн, У. Миллер, Д. Доунс, П. Уиллис, Ф. Коэн, Ст. Коэн, С. Холл, Т. Джефферсон, М. Брейк и др.) оказались различные молодежные субкультуры, девиантное поведение различных групп молодежи, а также идеи, согласно которым принадлежность молодого человека к определенному классу играет существенную роль в процессе социализации. Субкультурные теории обогатили социологию молодежи целым набором открытий, однако субкультурный подход, по мнению автора, драматизирует моменты субкультурного сопротивления, и не включает в поле анализа рассмотрение «обычной» молодежи и ее повседневных потребительских практик в контексте учебы, работы, досуга, семьи.

Для культурологического подхода (в западной социологии – *cultural studies*) характерно рассмотрение феноменов общественной жизни с позиций феноменологической социологии. Среди основных концепций, разрабатываемых в русле культурологического подхода применительно к анализу потребительских практик молодежи, анализируются концепции К. Мангейма, М. Мид, С. Фриса, М. Абрамса и ряда других социологов.

Автор приходит к выводу, что наиболее адекватным с точки зрения изучения молодежи как агента потребления, а также повседневных потребительских практик молодежи, можно считать культурологический подход,

а также концепцию С. Фриса, рассматривающего молодежь в качестве активного субъекта потребления и междисциплинарную концепцию молодежных культур Е.Л. Омельченко. Феномен конструирования стилей потребления рассматривается в аспекте управленческих воздействий.

Анализируя социальные основания конструирования, автор обращается к идеям, изложенным в концепциях П. Бергера и Т. Лукмана, о том, что социальная реальность конструируется в процессе совместной деятельности людей, обеспечивающей создание общего семантического поля.

Индивид выступает основным элементом конструирования, именно через него объект и субъект реальности связываются друг с другом, создавая человеческую среду как социокультурное и психологическое образование.

Социальные институты объективируют этот опыт, вырабатывают ценности, нормы поведения, требования и интересы, генерируют и транслируют определенный стиль потребления.

Стиль потребления индивида определяется не только его свободным выбором, но и влиянием среды. При анализе внешних воздействий среды на потребительские практики индивида, а также его собственных свободных потребительских выборов целесообразно использовать социологическую категорию «поля» и концепцию социокультурного поля В.И. Ильина. Суть данной концепции заключается в том, что поведение индивида объясняется не только его личностными характеристиками, сколько ситуацией.

Анализируя управленческую составляющую социального конструирования, автор, ссылаясь на идеи В.И. Ильина¹, разделяет две категории – «образ потребления» и «стиль потребления». Образ потребления (как одна из сторон образа жизни) представляет собой совокупность устойчивых характеристик потребительского поведения группы, обусловленная ее местом в социальном пространстве. Данная категория определяет область необходимого, принудительного поведения. Основной составляющей образа потребления является экономический потенциал членов группы, который жестко определяет границы выбора. Стиль потребления

¹ Петрушкина Е.В. Социальное конструирование стилей потребления студенческой молодежи. Автореф. ... канд. социол. наук: Москва, Московский Городской Педагогический Университет, 2006. – С. 20.

определяется как устойчивые формы использования тех или иных благ, свободно выбранные индивидом в пределах рамок, навязываемых образом жизни.

Стиль потребления – это категория, отражающая свободу, которой обладают люди в пределах образа потребления, навязываемого социальным полем.

Так же хотелось отметить, что при формировании стилей потребления современной молодежи нужно учитывать тот факт, что с одной стороны – общество через целый ряд институциональных образований участвует в формировании стилей потребления молодого человека, навязывая ему определенные потребительские стандарты, а с другой стороны не стоит забывать – что в формировании стилей потребления участвует и сам индивид, осуществляя выбор через свои повседневные потребительские практики.

Литература

1. Ильин В.И. Потребление в социальном поле // Социология потребления / под. ред. Л.Т. Волчковой, Ю. Гронова, В.Н. Мининой. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2001.
2. Омельченко Е.Л. Молодежь: Открытый вопрос. Ульяновск: Изд-во «Симбирская книга», 2004.
3. Петрушкина Е.В. Социальное конструирование стилей потребления студенческой молодежи: социолого-управленческий аспект. Автореф. .. канд. социол. наук: Москва, Московский Городской Педагогический Университет, 2006. – С. 188.
4. Елишев С. Формирование ценностных ориентаций современной молодежи посредством государственной молодежной политики. – Май 2010. <http://ruskline.ru/analitika>
5. Елишев С. Проблемы современной российской молодежи: чего хочет молодежь?. – Август 2010. <http://ruskline.ru/analitika>

А. Е. Слабиков,
магистрант факультета социологии РГСУ

СОВРЕМЕННАЯ ЛИЧНОСТЬ: СОЦИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР (на основе теории Э. Фромма и Р. Фанка)

Современное общество находится на новом витке своего развития. Оно характеризуется интенсивным разворачиванием глобализационных процессов, которые, в свою очередь, ведут к формированию общих и относительно единых моделей социального поведения среди группы развитых, модернизированных стран.

Однако в результате происходящих в России интеграционных процессов, велика вероятность того, что, решая одни проблемы, преимущественно социально-экономического и политического порядка, мы, сами того не сознавая, будем создавать социально-психологический и личностные проблемы, ещё труднее поддающиеся разрешению.

Именно поэтому для нашей страны особенно актуален анализ современной личности в сопоставлении с западными исследованиями, включающими в себя раскрытие социально-психологических особенностей индивида и их взаимосвязь со складывающимися социальными условиями.

В данной статье делается попытка осветить специфику современной «универсальной» личности при помощи концепции социального характера. Как известно, данный подход к исследованию социальной стороны личности был предложен Э. Фроммом в рамках психоаналитической социологии, что и обуславливает его специфику. Структура социального характера включает в себя наряду с социальными аспектами поведения личности глубинные психосоциальные черты, формирующиеся у личности в зависимости от существующих социально-исторических условий. Подобный интегральный возможностями в сравнении с другими попытками анализа социального поведения, а именно – жесткой социальной типизацией, поверхностными исследованиями общественного мнения, ценностно-идеалистическим подходом и другими¹.

¹ З. Бауман Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.

В настоящее время а науке возникла необходимость дополнить предложенную Фроммом в 40–60-х годах типологию социального характера с учетом новых сложившихся социальных условий и научных представлений о них.

В социологии в 70-е годы возникает теория, наиболее полно характеризующая духовную сторону изменений в современном обществе и современной личности, - теория постмодернизма. При внимательном рассмотрении можно отметить близость теории постмодернистского общества и психоанализа, на котором базируется концепция социального характера.

Концепция социального характера нашла свое применение в рамках теории постмодернизма с легкой руки ученика и ассистента Э. Фромма немецкого социолога и психоаналитика Райнера Фанка. В настоящее время именно Р. Фанк владеет правами на литературное наследие Фромма, руководит архивом великого ученого и считается лучшим знатоком его произведений во всем мире.

Результатом научных наблюдений немецкого ученого, а также проведенного им масштабного эмпирического исследования социального характера в Германии стала немецкоязычная книга «Я и мы. Психоанализ постмодернистского человека». Выборку эмпирического исследования составило молодое поколение как главный носитель новой ориентации характера. Кроме того, самое пристальное внимание исследователем было обращено на атрибуты современной социальной и культурной жизни – индустрию развлечений и свободного времени, рекламу, потребительское поведение, публикации в СМИ, – все то, что можно отнести к единицам качественного анализа¹.

Новый предложенный Фанком и основанный на адаптации к постмодернистскому обществу тип социального характера назван им «Я-ориентация» («ориентация на себе») и является логическим продолжением фроммовского типологии социального характера.

Сам немецкий исследователь дает следующее описание современному типу: «ориентированная на себе личность страстно стремится к свободному самоопределению, спонтанности, автономности, к снятию

¹ Fromm E.& Maccoby M. Social Character in a Mexican Village // Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1970.

каких-либо запретов или условий. Решающим мотивом для современной личности является желание создания собственной, специфической, сфабрикованной реальности, отличающейся от окружающего мира и носящей отпечаток личной индивидуальности согласно лозунгу: «пока ты сам не сделал что-то из себя, ты ничто!»¹.

В своем анализе современного социального характера Фак последовательно придерживается синтетического подхода, сочетающего в себе социологическую и психоаналитическую перспективы. В основу своего социологического взгляда Фанк положил представления о постмодернистском обществе двух немецких социологов – У. Бэка и его концепцию «общества риска» и Г. Шульце и его трактовку современного «общества благосостояния» и идею формирования единого стиля жизни.

Фанк выделяет три ключевых социальных фактора формирования постмодернистского характера:

1. Потребительская ориентация рынка: формирование искусственных, ареальных потребностей у личности, виртуализация, продажа чувств и эмоций.
2. Технические инновации, цифровые технологии, расширяющие границы пространства и времени, делающие возможным продуцирование новых реальностей, превосходящих по своей силе и интересу подлинную реальность.
3. Суггестивное влияние на человеческое поведение, чувства, восприятие, вкусы людей, манипулирование и внушение².

Фанк различает в предложенной им постмодернистской ориентации две стороны проявления социального характера – пассивную и активную.

В современном рыночном обществе выделяются два главных социально-экономических типа – производитель, занимающий активную позицию на рынке и навязывающий свой продукт, и потребитель, пассивно и зачастую неразборчиво потребляющий предлагаемую продукцию.

¹ Funk R. The Psychodynamics of the Postmodern «I-am-me» Orientation// International Conference on the 20 th Anniversary of the International E. Fromm Society, October 29, 2005, Switzerland.

² Funk R. Ich und Wir. Psychoanalyse des Postmodernen Menschen.// Deutcher Taschenbuch Verlag, 2005.

Переводя данную картину на социально-психологический язык, можно отметить, что принадлежность субъекта к тому или другому типу детерминируются его позицией по отношению к фабрикуемой им реальности, в то время как активный тип продуцирует, творит новые «миры». Подобно тому, как рыночные производитель и потребитель не существуют друг без друга, так и два социально-психологических типа «Я»-ориентации находятся в симбиотической зависимости.

Пассивная и активная стороны постмодернистской ориентации могут проявляться а различных ситуациях у одной и той же личности, но зачастую одна из них доминирует, определяя общую направленность социального характера¹.

При описании постмодернистской ориентации Фанк через ряд социально-психологических установок-потребностей отразил социальное поведение и психосоциальные черты современной личности. В общем и целом, структура и содержание современного социального характера предстают в следующем виде.

1. Отношение к окружающей действительности

Для личности окружающий мир не имеет четких границ и не является жестко детерминированным, так как не может сковывать свободу действий и творчества личности. Мир постоянно воссоздается индивидом по собственному сценарию. При этом активный тип постоянно занимает активную позицию, стремится к действию и совершенствованию, в то время как для пассивного индивида активность означает лишь сопричастность к чему-либо посредством новых медийных и интерактивных средств коммуникации, а также страсть к потреблению.

2. Отношение к другим людям

Современная личность, очень контактна, но одновременно исключает близкое, глубокое общение, основанное на взаимной заботе и внимании. Пассивный индивид межличностному общению предпочитает обезличенные развлечения – концерты, кино, телевидение.

¹ Романов И.Ю. Психоанализ, общество и психоаналитики // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2 июня 2006.

3. Отношения к самому себе

В современном обществе образец для подражания отсутствует, в результате происходит утрата чувства собственного «Я», своей реальности и идентичности. Если для активных типов идентичность – продукт собственного поиска, то для пассивных она заключается в продуктах групповых, мы-переживаний. Пассивные индивиды копируют стили жизни популярных людей, ТВ знаменитостей и т.п. Они стремятся к групповой принадлежности, стать частью какой-либо группы.

4. Отношения к работе, свободному времени

Работа служит не воспроизведению жизни, а производству жизненных миров и переживаний. Современный человек много работает ради обеспечения доступа к наслаждениям и потреблению. Пассивный индивид рассматривает свою работу как большую семью, в которой он принадлежит в качестве одного из ее членов. Хорошая атмосфера в коллективе для них важнее позиции или заработной платы.

5. Отношение к образованию, социальной и политической ответственности

Для пассивных типов характерно более утилитарное восприятие знаний. Образование понимается ими как потребительская возможность, доступ к существующим «know-how» технологиями. Высокую ценность имеет инструментальное знание, основанное на коммуникации и цифровой технике¹.

По мнению Фанка, путь к продуктивным отношениям лежит в развитии «Я»-компетенции, проистекающей из возможности использовать в жизни собственные потенции, различать между собой фантазии и реальность, внутренний и внешний мир².

¹ Funk R. The Psychodynamics of the Postmodern «I-am-me» Orientation// International Conference on the 20 th Anniversary of the International E. Fromm Society, October 29, 2005, Switzerland.

² Сикорский Б.Ф. Информационное общество и проблема динамики социального характера. <http://old.ournet.md/cerber/osa/Publication/pubbru14.html>

Подводя итог рассмотрению подхода Фанка к описанию современного социального характера, следует отметить, что его анализ является наиболее удачным примером исследования из области психоаналитической социологии. Ему удалось отразить противоречивую сущность современной личности – носителя, с одной стороны, таких продуктивных черт, как креативность, спонтанность, независимость, толерантность, с другой стороны, непродуктивных черт – иррационализм, нарциссизма, гедонизма, рыночной и рецептивной ориентаций.

Преимущество данного анализа заключается также в системном подходе к исследованию социального характера, позволяющего не просто раскрыть его содержание, но и проследить структуру этого явления, его основные элементы, сто не удалось до конца сделать основателю концепции социального характера Э. Фромму.

Литература

1. Fromm E. & Maccoby M. Social Character in a Mexican Village // Englewood Cliffs. N.J.: Prentice-Hall, 1970.
2. Funk R. The Psychodynamics of the Postmodern «I-am-me» Orientation // International Conference on the 20th Anniversary of the International E. Fromm Society, October 29, 2005, Switzerland.
3. Funk R. Ich und Wir. Psychoanalyse des Postmodernen Menschen // Deutscher Taschenbuch Verlag, 2005
4. 3. Бауман Индивидуализированное общество М.: Логос, 2005
5. Бэк У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс – Традиция, 2000
6. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. <http://lib.ru/ekonomy/inozemcew.txt>
7. Романов И.Ю. Психоанализ, общество и психоаналитики // Журнал практической психологии и психоанализа, 2 июня 2006 г.
8. Панфилов Т.В. «Информационный человек»: личность в эпоху глобализации// <http://polit.mezhdunarodnik.ru/art.php>
9. Сикорский Б.Ф. Информационное общество и проблема динамики социального характера <http://old.ournet.md/cerber/osa/Publication/pubru14.html>

С. Ю. Терёхин,

магистрант факультета социологии РГСУ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ ДЕТЕЙ-СИРОТ В РОССИИ

В настоящее время считается, что семья является источником и основным звеном передачи ребенку социально-исторического опыта, прежде всего, эмоциональных и деловых отношений между людьми. Потеря семьи – тяжелейшая трагедия в жизни ребенка, которая оставляет глубокий след в его судьбе.

Сиротство как фактор разрушает эмоциональные связи ребенка с окружающей его социальной средой, миром взрослых и сверстников, развивающихся в более благоприятных условиях, и вызывает глубокие вторичные нарушения физического, психического и социального характера.

В последние годы социально-экономические причины, обуславливающие рост сиротства, значительно обострились. В среднем по каждому региону ежегодно выявляется от 2 до 4 тыс. детей, по различным причинам лишившихся родительского попечения, появляются социальные сироты¹.

Сиротство – это негативное социальное явление, характеризующее образ жизни несовершеннолетних детей, лишившихся попечения родителей. Дети-сироты – это лица, у которых умерли оба родителя или единственный родитель².

Социальные сироты – это особая социально-демографическая группа детей от 0 до 18 лет, лишившихся попечения родителей по социально-экономическим, а также морально-нравственным причинам, то есть это дети, которые имеют родителей, лишенных родительских прав, страдающих тяжелыми заболеваниями, в том числе и психическими, вследствие алкоголизма, наркомании и т.п.; отказавшихся от своих детей.

Таким образом, в данном исследовании социальный сирота – это ребенок, который имеет биологических родителей, которые по каким-то причинам не занимаются его воспитанием и не заботятся о нем. Всех

¹ Абдрахманова Г.С. Критерии и показатели эффективности управления школой // Наука и школа – 1998. - № 6.

² Акимова М.К., Козлова В.Т. Индивидуальность учащихся и индивидуальный подход – М.: Просвещение; 1992 – 245 с.

этих детей объединяет пребывание в государственных интернатных учреждениях¹.

В целом к категории детей, оставшихся без попечения родителей, относятся дети, у которых родители умерли, лишены родительских прав, ограничены в родительских правах, признаны без вести пропавшими, недееспособны, отбывают наказание в местах лишения свободы, уклоняются от воспитания детей.

На сегодняшний момент в России существуют следующие учреждения для детей-сирот:

- 1) детские дома;
- 2) дома ребенка;
- 3) детские дома семейного типа;
- 4) школы-интернаты;
- 5) школы-интернаты с углубленной профессиональной подготовкой;
- 6) школы-интернаты различной воспитательной направленности².

В процессе изучения теоретических источников, посвященных современному состоянию системы помощи детям, оставшимся без попечения родителей, были выделены следующие проблемы в деятельности данных учреждений:

- 1) неблагоприятная адаптация воспитанников, вызванная комплексом причин социального (изменения социального статуса ребенка), медицинского (отягощенная наследственность, невротизация), психологического (социально-педагогическая запущенность) характера;
- 2) организационно-воспитательная перегруженность, неоправданное стремление педагогов и воспитателей заполнить день ребенка как можно большим количеством мероприятий, при этом система воспитания применительно к современной российской действительности асоциальна, ребенок не готовится к жизни в реальном социуме;
- 3) слабая координация ведомств и служб государственной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;

¹ Борозинец Н.М., Евмененко Е.В., Козловская Г.Ю., Палиева Н.А. Социально-психологические аспекты помощи детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей. Ставрополь, 2003 – 98 с.

² Возрастные стандарты социализации детей-сирот. М.: Исполнительная дирекция по президентской программе «Дети России», 1999.

- 4) недостатки в медицинском, социально-правовом обслуживании детей-сирот.

Указанные проблемы снижают эффективность процесса социализации данной категории детей. Результатом трудностей социализации является низкий уровень социальной адаптации, социальной активности, социальной компетентности воспитанников детских домов, сформированности социальных ценностей

Важнейшей организационной формой социально-адаптивной поддержки детей-сирот в детском доме-школе является модель социально-психолого-педагогического сопровождения.

Психологическое подразделение службы социально-педагогической поддержки представлено специалистами психологами, социальное – социальными педагогами, коррекционно-педагогическое – специалистами логопедами и учителем-дефектологом, валеологическое – специалистом валеологом¹.

Служба социально-адаптивной поддержки детей-сирот в своей деятельности руководствуется международной конвенцией о правах ребенка, законом «Об образовании», нормативными документами, Уставом детского дома, должностными обязанностями специалистов.

Цель деятельности службы: поддержка естественного развития социально адаптированной личности воспитанника детского дома, способной к самопознанию, самосовершенствованию в самостоятельной жизни.

В решении проблем, возникающих в работе службы социально-педагогической поддержки, специалисты, прежде всего, руководствуются интересами ребенка.

Можно выделить следующие направления деятельности по социально-адаптивной поддержке детей-сирот:

1. Диагностическое направление

Такой компонент как диагностика имеет значение для выявления проблем ребенка и субъектного потенциала их разрешения. Диагностика выступает неотъемлемой составляющей процесса поддержки, от ее качества зависит успешность деятельности всех специалистов службы социально-педагогической поддержки.

¹ Воспитание трудного ребенка. Дети с девиантным поведением / под ред. М.И. Рожкова. М.: Владос, 2001. – 216 с.

Функции координатора деятельности специалистов службы социально-адаптивной поддержки детей-сирот для выработки коллективных, квалифицированных и обоснованных рекомендаций осуществляет психолого-медико-педагогический консилиум (ПМПК).

Психолого-медико-педагогический консилиум, являющийся структурой диагностико-коррекционного типа – необходимое звено процесса социально-адаптивной поддержки. Его деятельность направлена на решение проблем, связанных с воспитанием, обучением, социальной адаптацией и интеграцией в общество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с негативными особенностями в развитии, детерминирующими школьную и социальную дезадаптацию.

Специалисты консилиума опираются на знание возрастных особенностей детей, проводят динамическое наблюдение и обследование воспитанников. Задачами консилиума выступают:

- консультирование воспитателей и учителей школы в вопросах коррекционно-развивающего воспитания и обучения;
- выработка индивидуальных комплексных программ сопровождения развития воспитанников.

Учитывая, что консилиум является полноправным составляющим процесса социально-адаптивной поддержки детей-сирот, работа выстраивается по взаимосвязанным этапам:

- а) диагностический. В процессе работы консилиума обсуждаются результаты проведенного диагностического исследования зафиксированной проблемной ситуации или выявленной в ходе первичного обследования;
- б) поисковый этап. На этом этапе собирается как можно больше информации о путях и способах решения выявленной на первом этапе проблемы развития. Здесь же распределяются полномочия в решении проблемы, адаптируется информация для осознания ее ребенком;
- в) договорной этап. На этом этапе специалисты обсуждают со всеми заинтересованными лицами (т.е., если необходимо в детский дом приглашаются учителя массовой и специальной школы, руководители кружков, и т.д.) возможные варианты решения проблемы, позитивные и негативные стороны разных решений, строят прогнозы эффективности, выбирают совместно различные методы и формы поддержки.

После выбора способа решения проблемы распределяются обязанности по его реализации. Если проблем оказывается несколько, то определяются

сферы деятельности, способ взаимосвязи, а иногда и очередность их решения. Уточняются сроки исполнения и возможность корректировки индивидуальных программ социально-педагогической поддержки детей-сирот.

Таким образом, имеющаяся комплексная диагностика дополняется хорошо разработанными, индивидуальными программами коррекции выявленных проблем.

Распределив обязанности по реализации выработанных программ сопровождения, специалисты включаются в выполнение намеченного плана действий.

Обсудив результаты деятельности, специалисты социально-педагогической поддержки детей-сирот определяют, решена ли индивидуальная проблема или необходимо проектировать новые методы предупреждения и коррекции.

2. Профилактическое направление

Цель деятельности специалистов – предупреждение возможного неблагополучия в психическом развитии воспитанников и эмоциональных срывов, устранение психофизических перегрузок и т.д. В основе профилактической работы лежит создание максимально благоприятных условий для гармоничного развития личности ребенка в стенах детского дома, поддержание психологически комфортного климата жизнедеятельности.

3. Психолого-педагогическое просвещение

Организации более высокого уровня деятельности педагогов способствует эффективная система педагогических советов и методических объединений. Эта форма работы обеспечивает наибольшую продуктивность интеграции воспитательской работы.

4. Консультирование

Это направление предполагает консультирование детей и воспитателей по результатам диагностики и социологических исследований, посещение уроков психологами, социальными педагогами, логопедами, валеологом (при необходимости консультирование воспитателей, администрации по итогам наблюдения за процессом обучения воспитанников детского дома). Специалисты обсуждают возможные варианты решения проблемы, позитивные и негативные стороны разных решений, строят прогнозы эффективности, помогают выбрать различные методы.

Бывших воспитанников консультируют социальные педагоги и психологи, организуя помощь в решении возникших проблем.

На консультациях поднимается широкий спектр жизненных проблем, которые можно определенным образом квалифицировать как проблемы трудоустройства, защиты прав и законных интересов, помощь в решении проблем общения, построения семейных отношений и т.д.

5. Коррекционно-развивающее направление

Данное направление деятельности является одним из основных. Особенности развития личности воспитанников детского дома определяют основные аспекты воздействия. Особое внимание уделяется обогащению и расширению конкретного чувственного опыта, знаний, формированию коммуникативных умений. С младшими детьми используется система игр: дидактических, ролевых, сюжетных и др. Развивающие занятия с детьми стимулируют формирование познавательных процессов – памяти, внимания, мышления, речи, а также способствуют становлению интересов, увлечений детей.

6. Коррекционное направление

Коррекционное направление работы построено с учетом данных социально-психолого-педагогического диагностирования детей и включает в себя индивидуальную и групповую формы работы. Индивидуальная работа направлена на коррекцию личностных особенностей детей, групповая – на изменение форм межличностного общения, поведения и др.

В ходе коррекции развития ребенка специалисты учитывают: своеобразие психофизического состояния, неравномерность состояния психики человека, индивидуальные особенности, нарушения и отклонения в развитии, потенциальные возможности организма детей.

7. Социально-развивающее направление

Оно ориентировано на создание развивающей среды в детском доме, развитие склонностей, способностей, интересов детей, подготовка их к взрослой жизни вне стен детского дома. Работа осуществляется в следующих направлениях: семейное воспитание, нормативно-правовое просвещение, повышение профессиональной ориентации, определение социальной роли и статуса, культурно-нравственное развитие.

Помимо реабилитации и социальной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в сферу деятельности социаль-

ных педагогов входит социальная защита их прав. Сотрудники службы устанавливают контакты с представителями государственных органов управления, общественными организациями, учебными заведениями, службами по социальной защите семьи и детства, со всеми структурами, в которых необходимо представлять интересы воспитанников до 18 лет (всего более 40 организаций)¹.

Литература

1. Абдрахманова Г.С. Критерии и показатели эффективности управления школой // Наука и школа – 1998. – № 6.
2. Акимова М.К., Козлова В.Т. Индивидуальность учащихся и индивидуальный подход. М.: Просвещение; 1992. – 245 с.
3. Бондаревская Е.В. Гуманистическая парадигма личностно-ориентированного образования // Педагогика. – 1999. – № 4.
4. Бондаревская Е.В. Личностно-ориентированный подход как технология модернизации образования // Методист. – 2003. – № 2.
5. Борозинец Н.М., Евмененко Е.В., Козловская Г.Ю., Палиева Н.А. Социально-психологические аспекты помощи детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей. Ставрополь, 2003. – 98 с.
6. Визер Н.А. Психолого-педагогическое сопровождение детей-сирот как средство их социализации // Научно-практическая конференция «Специальное (коррекционное) образование». Ставрополь: Изд. Ставропольского краевого института повышения квалификации работников образования, 2004. – 460 с.
7. Возрастные стандарты социализации детей-сирот. М.: Исполнительная дирекция по президентской программе «Дети России», 1999. – 54 с.
8. Воспитание и развитие детей в детском доме: хрестоматия / под ред. Ивановой Н.П. М.: Педагогика, 1996. – 104 с.
9. Воспитание трудного ребенка. Дети с девиантным поведением / под ред. М.И. Рожкова. М.: Владос, 2001. – 216 с.

¹ Воспитание и развитие детей в детском доме: хрестоматия / под ред. Ивановой Н.П. М.: Педагогика, 1996. – 104 с.

И. В. Ульрих,

магистрант факультета социологии РГСУ

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ МЕР ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ПОСЛЕДСТВИЙ ГЛОБАЛЬНОГО ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

**(на примере социальной политики США в период
мирового финансового кризиса 1929–1933 гг.)**

В 1929 г. разразился Мировой экономический кризис, который продолжался до 1933 г. включительно и сильнее всех поразил именно США. Кризис начался в Нью-Йорке с краха на фондовой бирже. В 1927 г. совет Федеральной резервной системы США принял решение оказать помощь Великобритании в поддержании золотого стандарта фунта стерлингов и снизил учетную ставку с 4 до 3,5%. Кроме этого, он организовал скупку государственных ценных бумаг, что привело к увеличению банковских резервов. Эти меры привели к росту курсов акций и вызвали расширение практики в выдаче кредитов для приобретения ценных бумаг. Кредиты выдавались в виде онкольных счетов – счетов, обеспеченных ценными бумагами и ликвидируемых по первому требованию открывшего их банка. К моменту начала кризиса величина займов коммерческих банков биржевым спекулянтам составила 8,3 млрд. USD при рыночной стоимости всех котирующихся ценных бумаг, равной 89,7 млрд. USD. Банки были готовы выдавать деньги на приобретение ценных бумаг без проверки платежеспособности и под небольшие гарантии.

Отрезвление наступило 24 октября 1929 г. В этот день на Нью-Йоркской фондовой бирже в продажу поступил большой пакет акций компании «Дженерал моторс», а затем пришло сообщение о банкротстве крупных фирм и на продажу поступили новые крупные пакеты акций. Курсы акций начали резкое падение, что, в свою очередь, вызывало новое предложение акций на продажу. За три дня, с четверга, 24 октября, по понедельник, 28 октября, промышленный индекс Доу-Джонса сократился на 20%. Для многих компаний, покупавших акции в кредит, это падение означало финансовый крах. Начался обвал курсов, продолжавшийся до 1932 г., в результате чего промышленный индекс Доу-Джонса (индекс курса акций на основной нью-йоркской бирже) снизился на 90%. Через год после биржевого краха стали закрываться банки, и с 1930 по 1933 гг. в стране были закрыты 9 тысяч банков. Были ликвидированы 2/3 предприятий, финансовая система практически не действовала, золотой

стандарт исчез, а международное движение капитала замерло. Кризис охватил банковскую систему, промышленность, сельское хозяйство. По своему характеру он представлял собой циклический кризис перепроизводства, когда вследствие недостаточной покупательной способности населения произведенная масса товара не нашла сбыта и оказалась нереализованной. В итоге нарушился процесс общественного воспроизводства, разорились многие торговые и промышленные предприятия, транспортные компании, банки. К 1932 г. промышленное производство в США сократилось в целом на 46%, а по отдельным видам продукции значительно больше: производство чугуна – на 79%, стали – на 76%, автомобилей – на 80%. Из 279 доменных печей, в числе действующих, оставалось только 44 печи, кризис вызвал массовую волну банкротств. За 1929–1933 гг. потерпели крах 135 тыс. торговых, промышленных и финансовых фирм, разорились 5 760 банков. Убытки корпораций только в 1932 г. составили 3,2 млрд. долл. Обороты внешней торговли сократились в 3,1 раза. Страна была отброшена к уровню 1911 г. [1].

Неизбежное последствие циклического кризиса – ухудшение положения трудящихся. Резко снизился их жизненный уровень. Падение курса акций затронуло от 15 до 25 млн. американцев. Охваченные паникой люди стремились разменять банкноты на золото. Росло число безработных, несколько миллионов были полубезработными. С членами семей безработные составляли почти половину всего населения. Заработная плата снизилась более чем вдвое. Многие лишились жилья, возникли «гуверовские городки» – поселения безработных на окраинах городов, выстроенные из ящиков и строительных отходов. Население голодало – только в Нью-Йорке в 1931 г. от голода погибли 2 тыс. человек. Промышленный кризис переплетался с аграрным. Сбор пшеницы упал к 1934 г. на 36%, кукурузы – на 45%. Цены на сельскохозяйственные продукты снизились на 58%, а более 40% фермерских доходов шло на погашение задолженности и налоги. За годы кризиса разорились около 1 млн. ферм, они были принудительно проданы, и фермеры лишились собственности на землю. Для сдерживания падения цен и сокращения предложения продуктов на рынок их уничтожали – пшеницу сжигали в топках паровозов и пароходов, молоко из цистерн выливали в водоемы, картофельные и хлопковые поля заливали керосином или запахивали.

В США в этот период утвердилась философия «американского индивидуализма», не признающего государственного регулирования экономики, его вмешательства в дела частного бизнеса, хотя в годы первой мировой войны оно применялось. Вступивший в президента Герберт Гувер (1874–1964) первоначально ограничился введением торгового протекциониз-

ма, считая, что кризис будет преодолен автоматически и страна справится с ним за 60 дней. В 1930 г. для резкого сокращения ввоза товаров в США был принят высокий таможенный тариф. В ответ на это другие страны тоже повысили ввозные пошлины.

Был создан Национальный Совет безработных. В 1930 г. состоялась общенациональная демонстрация, в которой участвовали 1,2 млн. безработных. В горной, текстильной, автомобильной, швейной отраслях развернулось стачечное движение. Оно становилось все более массовым. В 1933 г. численность стачечников превысила миллион человек. В этих условиях в целях предотвращения банкротства Гувер с конца 1931 г. предпринял попытки государственного кредитования банков, промышленности, транспортных предприятий. Для этого была создана Национальная кредитная корпорация, которая в январе 1932 г. была преобразована в Реконструктивную финансовую корпорацию. Для оказания помощи крупным фермерам организовано правительственное «Федеральное фермерское бюро». Задачи этого бюро заключались в поддержании уровня цен на сельскохозяйственную продукцию [1]. Деятельность бюро не увенчалась успехом и в конечном итоге привела к дезорганизации рынка и дальнейшему разорению фермеров. Социальные противоречия продолжали обостряться. К марту 1933 г. число безработных достигло 17 млн. человек. Таким образом, обещание Гувера быстро преодолеть кризис оказалось невыполненным.

С 1933 г. президентом США был избран Франклин Делано Рузвельт (1882–1945). К этому моменту положение в стране было чрезвычайным. Для выхода из него требовались неординарные меры. Правительством Рузвельта были осуществлены крупномасштабные реформы, которые вошли в историю под названием «Новый курс Рузвельта». Несмотря на то, что «Новый курс» не был заранее обдуманной системой нововведений, он представляет одну из самых известных и эффективных реформ в мировой истории. Рузвельтом проведено в жизнь больше реформ, чем было обещано в предвыборной кампании. Уже 9 марта была созвана специальная сессия Конгресса и в течение 100 дней (за 3 месяца) заложены основы политики «Нового курса». Отрицая политику «грубого индивидуализма» Гувера, президент Рузвельт рассчитывал преодолеть кризис путем планирования хозяйства, установления «классового мира» внутри страны и доброго соседства с другими странами.

Теоретической базой «Нового курса» стало учение выдающегося английского экономиста Джона Мейнарда Кейнса (1883–1946). В условиях глубоких изменений в экономике капиталистических стран при господс-

тве монополий Кейнс и его последователи признавали необходимым участие государства в регулировании хозяйственной жизни.

Исходя из этого, основной целью реформ Рузвельта стало активное вмешательство государства в процесс общественного воспроизводства.

В осуществлении «Нового курса» выделяют два этапа: первоначальный – с 1933 до 1935 гг. и второй этап – с 1935 г., когда обозначились сдвиги влево. Основные мероприятия «Нового курса» таковы. Прежде всего, началось спасение банковской и финансовой систем. Для их оздоровления запрещался вывоз золота за границу; был прекращен обмен банкнот на золото. В США были закрыты все банки. Несмотря на то, что многие общественные деятели и политики требовали национализации банков, Рузвельт не пошел на это. В принятом единогласно Чрезвычайном законе о банках предусматривалось возобновление функции и получение правительственных кредитов (займов) из федеральной резервной системы, хотя это разрешалось только благополучным, т.е. наиболее крупным банкам. К концу марта 1933 г. было вновь открыто 4/5 банков – членов Федеральной резервной системы, однако 2 тыс. банков разрешение на это не получили. Созданная при президенте Гувере Реконструктивная корпорация расширила свои операции – за первые 2 года «Нового курса» сумма займов, выданных ею, превысила 6 млрд. долл.. В результате усилилась концентрация банковской системы – число банков с 25 тыс. сократилось до 15 тыс. Для увеличения финансовых ресурсов государства и расширения его регулирующих функций в этот период США отказались от золотого стандарта, изъяли золото из обращения и провели девальвацию (обесценивание) доллара. В январе 1934г. золотое содержание доллара снизилось на 41%. Заслуживает внимания метод девальвации денежной единицы, примененный правительством Рузвельта. Девальвация доллара затруднялась активным торговым и платежным балансом. Встать же на путь массового выпуска необеспеченных золотом бумажных денег Рузвельт не считал возможным. Поэтому он нашел оригинальный путь инфляционного развития. США осуществили крупномасштабные закупки золота по ценам, превышающим курс доллара по отношению к золоту. До конца 1933 г. золота было закуплено на 187,8 млн. долл. Это искусственно снизило курс доллара. Одновременно золотой запас был изъят из федеральных резервных банков и передан казначейству. Банкам взамен выдавались золотые сертификаты, приравненные к золоту и обеспечивающие банковский резерв. В начале 1934 г. был принят закон о золотом резерве, устанавливающий новую цену на золото – 35 долл. за унцию, действовавшую до 1971 г. Благодаря девальвации доллара распределение дохода изменилось в пользу промышленного, а не ссудного капитала. Тем

самым были предотвращены массовые банкротства в кредитной сфере, уменьшилась задолженность монополий правительству, усилились экспортные возможности США [1]. Для стимулирования мелких акционеров и вкладчиков (частных средств) была создана корпорация по страхованию банковских вкладов, а также приняты меры защиты вкладов от риска из-за биржевой спекуляции. Введение государственного страхования депозитов (вкладов) способствовало предотвращению банкротств, повышало доверие вкладчиков. Центральное место в мероприятиях «Нового курса» отводилось проблеме восстановления промышленности. В июне 1933 г. был принят один из двух наиболее важных законов – закон о восстановлении национальной промышленности (НИРА). Для его проведения была создана Администрация национального восстановления, в состав которой вошли представители финансовой олигархии (от торговой палаты, от фирмы «Дженерал моторс», «Стандарт ойл», от группы Моргана и других концернов), а также экономисты, деятели Американской федерации труда. Председателем Администрации национального восстановления был назначен генерал Хью Джонсон. Эмблемой этого органа стал синий орел. Если такой эмблемы на продукции той или иной компании не было, то общество ее товары бойкотировало. Закон о восстановлении промышленности вводил систему государственного регулирования этого подразделения экономики. Он включал три раздела. Первый раздел предусматривал меры, способствующие оживлению экономики и выводу ее из бедственной ситуации. Основной упор делался на «кодексы честной конкуренции», в которых устанавливались правила конкуренции, занятости и найма. Ассоциация предпринимателей всю промышленность разделила на 17 групп, каждая из которых обязывалась разработать такой кодекс. Кодексами для каждого предприятия устанавливались объемы производства, уровень заработной платы, продолжительность рабочей недели, рынки сбыта продукции, единая политика цен. В каждом кодексе обязательно оговаривались условия занятости и найма. При найме на работу не допускалась дискриминация членов профсоюза, рабочим предоставлялось право на их организацию, определялись нижний предел зарплаты (минимум) и максимально допустимая продолжительность рабочей недели. В случае утверждения кодекса президентом, он становился законом, а действие антитрестовского законодательства приостанавливалось. В целом во всех отраслях промышленности администрация Рузвельта санкционировала 746 кодексов, охвативших 99% американской индустрии и торговли. Во втором и третьем разделах закона определялись формы налогообложения и фонд общественных работ с указанием порядка использования средств этого фонда. Для оказания помощи

безработным Конгресс создал Администрацию общественных работ, которую возглавил министр внутренних дел Г. Икес. На организацию общественных работ выделялось 3,3 млрд. долл., сумма невиданная по тем временам. В числе других мер борьбы с безработицей были – создание трудовых лагерей для безработной молодежи в возрасте 18–25 лет. Они обеспечивались бесплатным питанием, жильем, форменной одеждой, им платили 1 долл. в день. Численность молодежи в лагерях достигала 250 тыс. человек. Работами руководили офицеры резерва ВС. Учитывая популярность такой меры, к 1935 г. лагеря были расширены вдвое и в них до второй мелиорацию, занималась лесонасаждением, ремонтировала дороги. Администрация чрезвычайной помощи во главе с советником президента Г. Гопкинсом (1890–1946) выдавала штатам дотации для помощи безработным. Масштабы общественных работ, организованных американским правительством, следует признать значительными – на них к январю 1934 г. было занято 5 млн. человек. Пособия получали 20 млн. американцев. В 1933 г. было создано Управление долины реки Теннесси, на которое было возложено освоение этого наиболее отсталого района. Здесь осуществлялось строительство ГЭС, производились лесонасаждения и борьба с эрозией почв, контролировалась промышленность, снабжаемая электростанцией Теннесси. Работы были предоставлены 40 тыс. человек. Для трудоустройства безработных на Юге США создавалась современная инфраструктура – строились автострады, аэродромы, мосты, гавани и так далее. Сам Рузвельт придавал этому закону очень большое значение: «В историю закон о национальном промышленном восстановлении войдет, возможно, как наиболее важное и далеко идущее законодательство, когда-либо принятое конгрессом».

Закон о восстановлении национальной промышленности вводился на два года. Он предусматривал либеральные реформы в области трудовых отношений. Первоначально закон исходил из компромисса между капиталом и рабочими. Для предпринимателей имела значение отмена антитрестовского законодательства. В то же время профсоюзы получали право на коллективную защиту. С целью добиться «классового мира», положить конец конкуренции за счет рабочих в пункте 7а «Кодекса честной конкуренции» за рабочими признавалось не только право объединения в профессиональные союзы, но и заключения коллективных договоров с предпринимателями. Тем самым рабочие удерживались от революционной борьбы. В то же время американские монополии не забывали о своих интересах: они предписывали в кодексах фиксировать уровень зарплаты минимальным, а продолжительность рабочей недели – максимальной. После введения таких кодексов общий уровень зарпла-

ты снизился. Реализация этого закона укрепила положение крупных монополий, так как, в конечном счете, они определяли условия производства и сбыта; менее сильные компании были вытеснены. Поэтому закон НИРА следует рассматривать, хотя и принудительной, но удобной для американских монополий формой картелирования. Несмотря на то, что сначала НИРА был воспринят американскими деловыми кругами с энтузиазмом, к осени 1934 г. они, недовольные излишней регламентацией и централизацией, стали поднимать вопрос о пересмотре этого закона, тем более, что с марта по июль 1933 г. производство промышленной продукции резко пошло вверх. В целях предотвращения радикального развития «Нового курса» они создали специальную организацию «Лигу американской свободы». Поэтому в 1935 г., когда президент Рузвельт поставил вопрос о продлении срока действия этого закона, он натолкнулся на сильное сопротивление разных сил. Представители крупного бизнеса критиковали НИРА с позиций идеалов свободы частной предпринимательской деятельности и видели в нем почти «государственный социализм»; мелкие предприниматели считали, что НИРА ослабляет их позиции в конкурентной борьбе с монополиями [2]. В 1935 г. сторонников оказалось меньше, чем противников, и 27 мая 1935 г. Верховный суд США признал его неконституционным, хотя регулирующая роль государства во многом сохранилась. Второй важный закон – закон о регулировании сельского хозяйства – Конгресс США принял в начале 1933 г. в канун объявленной фермерами всеобщей забастовки. Для его проведения была создана Администрация регулирования сельского хозяйства, так называемая AAA. Для преодоления аграрного кризиса закон предусматривал меры повышения цен на сельскохозяйственную продукцию до уровня 1909–1914 гг. В их числе:

1. Сокращение посевных площадей и поголовья скота. За каждый незасеянный гектар фермеры получали компенсации и премию, средства, которые мобилизовались за счет налога на компании, налога на муку и налога на хлопчатобумажную пряжу. К моменту введения такой меры, существовавшие цены на зерно делали более выгодным его использование в качестве топлива, и в некоторых штатах зерно и кукурузу сжигали вместо дров и угля.
2. Чрезвычайные меры по финансированию государством фермерской задолженности, которая к началу 1933 г. достигла 12 млрд. долл.
3. Инфляционные меры. Правительство получало право девальвировать доллар, ремонетизировать серебро, выпустить на 3 млрд. долл. Казначейских билетов, государственных облигаций. В результате фермеры за 1933–1935 гг. получили кредиты на сумму

более 2 млрд. долл., и продажа разорившихся ферм с аукционов прекратилась.

Проведение этого закона в жизнь привело к тому, что запахали 10 млн. акров засеянных хлопком площадей, уничтожили 1/4 всех посевов. За один год действия AAA было забито 23 млн. голов рогатого скота и 6,4 млн. голов свиней. Мясо убитых животных превращали в удобрения. Если наблюдались не урожаи, то это считалось удачей. Так, в 1934 г. США поразили жесточайшая засуха и песчаные бури, что существенно сократило урожай. Таким образом, удалось поддержать цены и улучшить положение в аграрном секторе – доходы фермеров к 1936 г. выросли на 50%. Благодаря займам многие фермерские хозяйства справились с кризисом. Однако около 10% всех ферм (600 тыс.) разорились и были проданы с молотка. Меры, предусмотренные законом о регулировании сельского хозяйства, прежде всего, затрагивали мелкие фермерские хозяйства, так как крупные фермеры могли сокращать посевы за счет малоплодородных земель, компенсируя эти потери улучшением обработки хороших земель, покупкой сельскохозяйственных машин и удобрений, добиваясь повышения производительности и увеличения получаемых продуктов. Льготными кредитами могли пользоваться также конкурентоспособные фермы, не обремененные долгами. Крупные сельскохозяйственные монополии и фермеры имели и большую прибыль от повышения цен. Благодаря этому процесс концентрации земельной собственности усилился.

В 1935 г. в политике «Нового курса» обозначился поворот влево. За 1933–1939 гг. бастовало более 8 млн. человек. В 1936 г. произошло сплочение всех рабочих организаций, и они влились в единый Рабочий альянс Америки. Были созданы Лига объединенных фермеров и Союз издольщиков. В результате широкого движения трудящихся правительство Рузвельта на втором этапе осуществления «Нового курса» в значительно большей степени вынуждено было учитывать интересы рабочих и фермеров. Важнейшим завоеванием рабочего класса США следует признать принятие закона Вагнера, билль которого был вынесен на рассмотрение Конгресса после отмены НИРА. В билле признавались необходимость коллективной защиты рабочими своих интересов через профессиональные союзы и путем заключения с предпринимателями коллективных договоров. За рабочими признавалось право на стачки. Администрация не могла применять репрессии за принадлежность к профсоюзу и вмешиваться во внутренние дела рабочих организаций. Судам вменялось в обязанность рассматривать жалобы профсоюзов за нарушение закона. Не менее важное значение имел закон о социальном обеспечении, принятый несколько недель спустя после закона Вагнера. Им вводилась система пенсий по старости и пособий по безра-

ботице. Пенсии устанавливались с 65 лет; оказывалась помощь больным и инвалидам. Пенсионные фонды формировались из взносов трудящихся и предприятий. Нормы пенсионного обеспечения устанавливались едиными для всей страны. Круг получателей пособий, размеры и сроки выплат определялись законодательством штатов. Однако закон распространялся на рабочих и служащих торговли, сферы обслуживания. На втором этапе проведения «Нового курса» увеличились масштабы общественных работ. Если на первом этапе на эти цели выделялось 3,3 млрд. долл., то в 1935 г. – 4,9 млрд. долл., а в 1938 г. – еще 5 млрд. долл. Создана новая Администрация по реализации общественных работ, возглавляемая Г. Гопкинсом. К началу 1936 г. общественными работами было занято 3,5 млн. человек. В 1938 г. был принят закон о справедливых условиях труда, которым запрещалось использование детского труда, на предприятиях федерального значения устанавливались единые нормы заработной платы, ее минимальный и максимальный уровень, максимальные пределы продолжительности рабочей недели – 44 часа. На этом этапе правительство оказывало помощь не только крупному фермерству, но и низкодоходным хозяйствам. Рабочие-мигранты могли проживать в лагерях, арендаторы для покупки ферм получали займы, могли объединиться в кооперативы. Несмотря на то, что продолжались меры по сокращению посевных площадей, началась кампания по восстановлению плодородия почв, что вызывалось негативными последствиями ряда засух и пыльных бурь, наблюдавшихся в 30-е годы XX века. Все меры, проведенные «Новым курсом», сделали его одной из самых прогрессивных страниц истории США.

Оценивая «Новый курс», нужно отметить, что он соответствовал исторической эпохе утверждения государственного монополистического капитализма (ГМК) и отражал тенденцию перехода экономики США на стадию ГМК. Благодаря активной регулирующей роли государства, страна смогла выбраться из кризиса, прибыли американских монополий пошли в гору. Политическая активность рабочих, фермеров, городской мелкой буржуазии, негритянского народа вынудили Рузвельта при проведении политики «Нового курса» проявить гибкость, маневрирование, учесть интересы различных слоев населения и сделать уступки трудящимся. В то же время «Новый курс» нельзя расценивать как переход к социалистическому планированию, поскольку частная собственность оставалась незабываемой, не было национализировано ни одного предприятия или банка [2].

В результате политики «Нового курса» в США укрепились позиции крупной буржуазии, что прослеживается во всех сферах экономики – промышленности, банковской системе, аграрном секторе. Концентрация производства и банков усилилась. Наиболее благоприятные последс-

твия эта политика имела для ведущих групп американского монополистического капитала.

Литература

1. Фетисов Г. О мерах преодоления мирового кризиса и формировании устойчивой финансово-экономической системы // Вопросы экономики. – 2009. М.: Высшая школа, 2009.
2. Булатова А.С. Мировая экономика и международные экономические отношения / под ред. проф. А.С. Булатова, проф. Н.Н. Ливенцева. М.: Магистр, 2010.
3. Кудрин А. Мировой финансовый кризис и его влияние на Россию // Вопросы экономики. – 2010. – № 3.
4. Акиндинова Н., Миронова В. Российская экономика на фоне мирового кризиса: текущие тенденции и перспективы развития // Вопросы экономики. – 2010. – № 9.
5. Васильев В.П. Мировой экономической кризис, причины и пути выхода / Вестник Московского университета // Социология и политология. – 2009. – № 9.
6. Шейнис В. Экономический кризис и вызовы модернизации // МЭ и МО. – 2009. – № 9.
7. Кушлин В. Факторы экономического кризиса и базис его преодоления // Экономист. – 2009. – № 2.
8. Локтева Ж.В. Особенности развития экономики России в период общемирового кризиса // Справочник экономиста. – 2009.
9. Мау В. Россия и мировой кризис. Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису // Вопросы экономики. – 2009. – № 2.
10. Пахомов Ю. Корни кризиса. Мировой финансовый кризис: цивилизационные истоки // Экономист. – 2009. – № 4.
11. Суэтин Л. О причинах современного финансового кризиса // Вопросы экономики. – 2009. – Вып. 5.

Е. Н. Устинова,
магистрант факультета социологии РГСУ

ИППОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ В РЕАБИЛИТАЦИИ И СОЦИАЛИЗАЦИИ ИНВАЛИДОВ

Одним из проблемных факторов образования на наш взгляд, в настоящее время является иппотерапевтические программы (лечебно-оздоровительная езда), в основе которых лежат конный спорт, рекреационный туризм, психологическое и оздоровительное воздействие.

Потребность в педагогике, развивающейся не только как важная теоретическая дисциплина, но и как область практической деятельности, становится явной везде, где есть необходимость в усовершенствовании человеческой деятельности с учетом интеллектуальных и эмоциональных резервов. Особенно это проявляется в экстремальных условиях, к которым относится рекреация с элементами верховой езды. Хотя современный конный спорт требует от человека больших физических усилий и психического напряжения он является и стабилизирующим феноменом в процессе образования.

Техника спортивной подготовки и навыки внутренней дисциплины, прививаемые с детства и в любом возрасте в конной секции или клубе, способствуют концентрации и умению безболезненного вхождения в сложный учебный процесс избранного ВУЗа. Методика межличностных отношений командной составляющей конного сообщества облегчает студенту общение с сокурсниками и педагогами, а самодостаточность спортсмена, привыкшего часто выступать в личном зачете кроме яркого индивидуализма и независимости суждений, заставляет стремиться к совершенству при овладении новыми знаниями и быть лично ответственным за свои поступки.

Зародившиеся в глубокой древности искусство верховой езды неотделимо от истории мировой культуры, до сих пор популярно и остается надежным мостиком между цивилизованным обществом и природой с ее животным миром, без которых не может существовать сам человек. Состояние конного спорта напрямую зависит от благосостояния государства, из чего следует, что конный спорт – это своеобразное лицо экономического положения страны.

С каждым годом увеличивается количество желающих научиться ездить верхом, строятся новые конно-спортивные базы, открываются новые конные маршруты. Наше правительство субсидирует многие социальные

программы, связанные с паралимпийским конным спортом и лечебной верховой ездой.

Занятия на лошадях доступны всем здоровым людям любого возраста. Оздоровительное воздействие верховой езды, конного спорта и конного туризма на организм человека, в том числе и на его перегруженную стрессами психику, неоспоримо. Езда верхом на лоне природы во время туристских походов и прогулок отвечает всем требованиям активного отдыха в путешествиях: она обеспечивает активную нагрузку на всю скелетную мускулатуру и внутренние органы всадника. Деятельность всех конноспортивных предприятий Москвы и области, прежде всего, имеет рекреационную направленность, а любой вид конного спорта содержит высокий аттрактивный потенциал, что влияет на повсеместное распространение и популярность такого вида отдыха, как конный туризм.

В социальных программах, направленных на реабилитацию инвалидов, применяют лечебную верховую езду с привлечением и частичным использованием услуг конноспортивных предприятий.

На рубеже XX и XXI веков во всех развитых странах основным назначением лошади стало спортивное использование: от массового любительского «хобби»-спорта до профессиональной турнирной карьеры.

Увеличивающиеся доходы населения, сокращение рабочей недели, стремление к здоровому образу жизни в условиях преимущественно городской среды привели к росту интереса жителей экономически развитых стран к живой природе и спорту, в частности конному (рис. 1).

Рис. 1. Значение верховой езды

Развитие школ верховой езды привело к тому, что конный спорт перестал быть привилегией и пошел в массы. Сегодня в таких школах занимаются тысячи человек.

Принципы и способы организации предприятий конного спорта в разных странах, конечно, имеют свои особенности, но объединяет их одно – воспитание с малых лет ответственных членов общества, умеющих оценивать

свои действия и принимать самостоятельные решения. Идея обучения верховой езде на пони малышей, начиная с 5–7 лет, находит активную поддержку среди родителей. Государственная поддержка спортивных организаций сильно влияет на финансовое благосостояние конноспортивных организаций. Многие высшие учебные заведения нашей страны на базе своих спортивных комплексов начинают организовывать и конноспортивные школы, секции, клубы или кружки коневодов, где студенты знакомятся с основами верховой езды или продолжают совершенствовать профессиональные навыки спортсмены-конники. Одним из первых подобных объектов еще в довоенное время стал конноспортивный манеж Московской сельскохозяйственной академии им. Тимирязева. В стенах которого проходят учебную практику студенты, проводятся конноспортивные соревнования любого уровня (от любительских до международных), а все жители близлежащих районов столичного мегаполиса (от семи и до семидесяти лет) имеют возможность приобрести первоначальные навыки верховой езды или провести увлекательно свободное время.

Подобных высших учебных заведений в Москве и Санкт-Петербурге более двадцати, многие ВУЗы организуют для студентов учебную практику или занятия конным спортом на договорной основе в конных хозяйствах области.

На волне финансового кризиса государственная поддержка развития конного спорта становится минимальной, основное бремя ложится на плечи частных владельцев спортивных конюшен и клубов. Конный туризм встал на рельсы самоокупаемости еще в середине восьмидесятых годов. Однако, несмотря на достаточно высокие цены желающих заниматься верховой ездой меньше не становится, а во многих конных организациях для студентов существует целая система скидок. В данной статье нет места для информации по всему спектру положительного влияния конного спорта, а конный туризм вообще не нуждается в рекламе, достаточно упомянуть о сорока российских интернет сайтах по конной тематике и двенадцати журнальных ежемесячных изданиях, редко больше дня задерживающихся на прилавках киосков. Предлагаем желающим сравнить стоимость книг так или иначе связанных с коневодством и конным спортом и подобными изданиями о собаках, кошках или других видах спорта.

Особо отметим такой немаловажный факт: среди всех реабилитационных программ самый высокий процент желающих заниматься иппотерапией. Практически все конные базы и комплексы оказывают поддержку обществам инвалидов и реабилитационным центрам. В мировом сообществе предпочтение иппотерапии отдают также все Европейские страны и США (рис. 2).

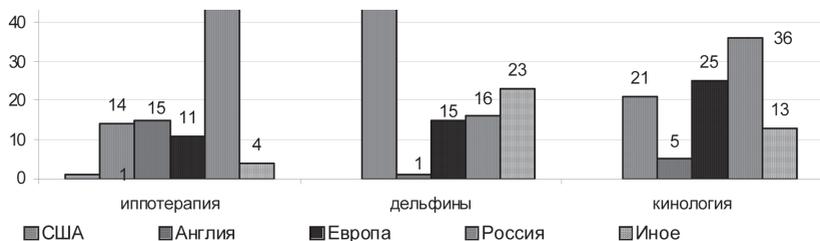

Рис. 2. Процентное соотношение реабилитационных программ (по видам)

Иппотерапия, будучи элементом анималотерапии, выполняет ряд важных функций:

- **Психофизиологическую.** Взаимодействие с животными может снимать стресс, нормализовывать работу нервной системы, психики в целом.
- **Психотерапевтическую.** Взаимодействие людей с животными может существенным образом способствовать гармонизации их межличностных отношений.
- **Реабилитационную.** Контакты с животными и растениями являются тем дополнительным каналом взаимодействия личности с окружающим миром, который может способствовать как психической, так и социальной ее реабилитации. Показательно, что стремление к взаимодействию с миром природы особенно проявляется у людей, подвергнутых тому или иному виду депривации.
- **Функцию удовлетворения потребности в компетентности.** Потребность в компетентности, выражаемая формулой «я могу», является одной из важнейших потребностей человека. Люди очень комфортно чувствуют себя в ситуациях, в которых компетентны, и очень дискомфортно в тех, где некомпетентны, вплоть до того, что стараются их избегать. Чем большее количество сфер деятельности «отмечено» его компетентностью, тем выше самооценка человека, благоприятнее «образ Я».
- **Функцию самореализации.** Как показали исследования психологов А. Маслоу, А.В. Петровского и других, одной из важнейших потребностей человека является потребность в реализации своего внутреннего потенциала, потребность быть значимым для других, представленным в их жизни и в их личности. Невозможность самореализации приводит к глубочайшему личностному кризису. Взаимодействие с природой позволяет опосредованно удовлетворить эту потребность.

- **Функцию общения.** Животные и даже растения в процессе взаимодействия человека с ними, могут осуществлять функцию партнеров по общению.

Однако наряду с положительными результатами в иппотерапии существует самый сложный момент – профессиональная компетенция руководителей программ и исполнителей – тренеров-преподавателей, инструкторов иппотерапии, помощников. В России не одно высшее учебное заведение не имеет программ по подготовке специалистов для данной сферы. Государственное бюджетирование социальных программ сводится к выделению определенных сумм под осуществление допустим программы реабилитации, но рейтинговый мониторинг организаций в дальнейшем осуществляющих эти программы не производится, что негативно сказывается на использовании выделяемых средств и приводит к немалой социальной напряженности в среде самых малозащищенных граждан нашей страны.

Подготовку специалистов от организаторов иппотерапевтических программ до обучения помощника инструктора иппотерапии проводит Российская международная академия туризма и ряд высших учебных заведений г. Санкт-Петербурга.

По словам А.Н. Сеселкина проректора РМАТ, диверсификация образования как процесс состоит в постоянном динамичном расширении (на современном этапе) спектра образовательных программ, реализуемых в системе профессионального образования на разных уровнях (двузовское, начальное, среднее, высшее, послевузовское, дополнительное профессиональное) в различных формах (очная, заочная, очно-заочная, дистантная и др.) с использованием соответствующих современных технологий (методов и средств обучения) и ориентированных на развитие новых направлений, специальностей, специализаций и квалификаций, отвечающих требованиям всего народного хозяйства, включая рынок труда, профессиональный рынок и социальную и культурную сферу.

И вот на этом этапе встает насущная проблема – недостаточная, а подчас и самая низкая компетентность преподавания основ иппотерапии, конного спорта и конного туризма, наряду с наличием в Москве таких высших учебных заведений как Российская международная академия туризма и Академия спорта, в Санкт-Петербурге – ряда ВУЗов, где готовят тренеров и менеджеров конного спорта. Самый открытый на сегодня вопрос – отсутствие программ преподавания – за пять-шесть лет студенты, в обязанность которых в будущем входит процесс обучения конника в настоящее время не в состоянии получить необходимые для этого навыки. Все тренеры-преподаватели получают высшее образование постфактум, то есть уже после того,

как стали обучать конному спорту и верховой езде других, имея за плечами большой соревновательный или преподавательский опыт.

Опыт и наработки программ в иппотерапии перестали быть критерием обучения. Последний раз учебные планы и программы составлялись с использованием научно-практического подхода в середине восьмидесятых годов, обучение в современном виде ведется каждым спортивным учреждением по самостоятельно составленным и утвержденным программам, подчас далеким от современных реалий (как, пример, совместная кафедра конного спорта и плавания). И это при наличии в России научно-исследовательского института коневодства, четырех Федераций конного спорта (России, Москвы, Санкт-Петербурга и Московской области), более тысячи конноспортивных комплексов, баз, школ и секций практикуют на своих базах иппотерапевтические занятия, которые не являются подконтрольными ни одной из государственных структур, проблема качества и безопасности отдана на откуп самим организациям, что не допустимо на наш взгляд для развитого общества.

Хочется верить словам А.М. Новикова, что для России еще не все потеряно и «формирование диверсифицированной системы профессионального образования будет происходить на основе современных идей построения и развития системы профессионального образования: гуманизации и демократизации, а также дифференцированности и гибкости (по содержанию образования) и единстве всех элементов системы».

Если есть потребность в кадрах, значит, кто-то их сможет готовить и качество подготовки должно соответствовать данной потребности!

И мониторинг организаций, осуществляющих на своих базах занятия по иппотерапии, будет гарантом качества и безопасности социальных программ всей России.

Литература

1. АЛЬФА КЕНТАВРА // Журнал. – 2005. – № 2 (2). – С. 44–45.
2. На здоровье // Альманах. – Октябрь 2007. – Выпуск № 15.

М. К. Юшина,

магистрант факультета социологии РГСУ

ВОЗДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ НА ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Ценностные ориентации – это результат процесса социализации молодежи, в ходе которого нормы жизни общества интериоризируются в ценности личности, если она эти нормы не отвергает. Социализация происходит при включении личности в различные референтные группы: семья, друзья, образовательные учреждения, работа, политические движения и др. Ценности являются устойчивой мотивационной основой поведения личности в обществе.

В ходе опроса, проведенного 2007 году¹, выявлено, что на получение хорошего образования нацелена большая часть молодежи (85,4%). Наряду с хорошим образованием, ориентация молодежи на хорошую (престижную) работу, также занимает одно из главных мест в ее жизненных планах.

«В целом российская молодежь демонстрирует достаточно высокий морально-нравственный уровень. В отношении большинства поступков и явлений, которые принято считать аморальными или, по меньшей мере, неэтичными, более половины молодых людей высказываются резко негативно. Среди безусловных табу – заброшенность и беспризорность детей, жестокое обращение с животными, употребление наркотиков, измена Родине» [1, С. 9].

Более половины молодежи считают совершенно недопустимыми хамство, грубость и использование нецензурной лексики, пьянство и алкоголизм, проституцию, деловую необязательность.

Но некоторые традиционно осуждаемые темы находят одобрение в молодежной среде, так например, оправдывается уклонение от уплаты налогов, дача/получение взятки.

¹ Опрос проведен 2007 году Институтом социальных и национальных проблем и Институтом социологии РАН, в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберта в Российской Федерации. Включал две группы: основную, собственно молодежь в возрасте от 17–26 лет – 1796 человек и контрольную, представляющую старшее поколение в возрасте от 40 до 60 лет – 655 человек.

Следует заметить, что приверженность к каким-либо ценностям не тождественно тому, как люди ведут себя в реальной жизни.

Так, к примеру, употребление алкоголя и пьянство осуждают около 60% молодежи, то в той же группе (по данным Общественной палаты РФ) постоянно употребляют алкоголь 80%, из них 30% – ежедневно [4]. Большинство молодых (55%) готово закрыть глаза на свои жизненные принципы, о которых было написано выше, для того, что бы добиться чего-то в жизни.

Роль государства в данной ситуации достаточно значима, так как именно в процессе социализации государством создаются благоприятные условия для успешной интеграции молодого поколения в культуру современной цивилизации [2]. Формируется мировоззрение, определяются ценности и приоритетные жизненные направления, вырабатывается стратегия достижения целей.

Следует отметить, что часть молодежи, а именно «поколение Y»¹ – поколение Интернета, отличает большая степень свободы, они сильные индивидуалисты. Но при этом нельзя говорить, что они далеки от государственной политики и не испытывают ее влияния на себе. Известно, что ценности выражаются в карьерных ориентациях. Так, для половины (52%) россиян в возрасте 18–30 лет государственная служба привлекательнее бизнеса [3]. Это говорит нам об осознании связи молодых с государством и приоритете вкладывать силы в его развитие и преобразование.

Мы не замечаем, как совершается смена поколений, а вместе с тем происходит трансформация ценностей. Необходимо обращать внимание на существующие проблемы и общезначимые ценности для их сохранения и трансляции в будущем. Как одной из таких мер хотелось бы выделить социальную рекламу.

В статье 3 Федерального Закона «О рекламе» от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ сказано, что социальная реклама – это «информация..., направленная на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства» [6].

За 1990-е годы под воздействием социальных потрясений произошли сильные трансформации ценностей, так снизилась рождаемость, ослабло доверие к власти, снизилась политическая активность населения, особенно среди молодежи, возросла этническая напряженность, повысился уровень алкоголизации и наркотизации в стране и т.д. В 2000-х

¹ «Поколение X» – родившиеся в начале 70-х гг., «Поколение Y» – родившиеся в период с 1983 по 1992 гг., «Поколение Z» – родившиеся после 2000 г..

гг. получила развитие социальная реклама, где наиболее «проблемные ценности» получили свое отражение.

Почему социальная реклама должна быть направлена на молодежь? Потому что ей жить в будущем, ей создавать наше государство, управлять им!

Социальная реклама направлена на несколько блоков:

1. Агитация здорового образа жизни (антиалкогольная, антитабачная, антинаркотическая кампании). Популяризация спорта.
2. Безопасность дорожного движения и профилактика травматизма.
3. Распространение информации о СПИДе, гепатите В, способов обезопасить себя.
4. Охрана окружающей среды, уборка города.
5. Популяризация донорства.
6. В поддержку отечественных производителей (реклама молочной продукции и рыбы).
7. Против насилия в семье над детьми.
8. Патриотизм и толерантность по отношению к различным нациям.
9. Против абортов.
10. Запрещенная социальная реклама (например, ролик против чиновников, 2009 г.).

Несмотря на такое многообразие тематических блоков, в социальной рекламе отсутствуют приоритетные направления. Молодежь постоянно учат как сделать, что правильно, а что неправильно, зачастую это не воспринимается, а вызывает критическое настроение, замкнутость.

Социальная реклама визуализирует, вызывает ассоциативный ряд, информация походит до «своего потребителя». Так, к примеру, пораженные внутренние органы ассоциируются в нашем сознании с вредом употребления алкоголя, табакокурения.

К участию в социальной рекламе привлекаются достаточно успешные и известные люди (спортсмены-чемпионы мира, актеры, писатели, бизнесмены), а также узкие специалисты (врачи, спасатели, депутаты Государственной Думы, ученые, летчики-испытатели и др.), чье мнение является экспертным по определенным вопросам.

31,5% молодых в возрасте 14–17 лет имеют идеал для подражания, в возрасте 25–30 лет он сокращается до 23,1% [1]. Таким идеалом может стать близкий родственник, друг, учитель, актер, герой фильма. Таким образом, участие именитых личностей усиливает успех социальной рекламы.

Стоит заметить, что на телевидении размещается небольшое количество роликов социальной направленности, гораздо больше и разнообразней они представлены в сети Интернет, например, на видеопортале RuTube.ru. Примечательно, что в одной из социальных сетей такие ролики загружены в различных группах по интересам, что говорит о ее эффективном влиянии. Молодежь не безразлична к своим проблемам и общества в целом, активно включается в распространение социальной рекламы среди сверстников.

Нельзя говорить, что у молодого поколения отсутствуют этические нормы и мораль, просто молодежь научилась обходить нормы, диктуемые обществом. Паутова Л.А. говорит о ценностях «Поколения Y» следующее: «...семья, любовь, дети по-прежнему в ядре сознания. Рожать одного, второго, третьего – этот тренд оседает в головах... Семья и дружба на первом месте точно, в пятерку попадают еще любовь, карьера и деньги. Это семейные карьеристы. «Поколение X» тоже называли бы любовь и дружбу, но деньги стояли бы гораздо выше семьи, карьеры и успеха» [3]. Объясняя это тем, что «Поколение Y» взрослело в период путинской стабильности, исчезла необходимость жить от зарплаты до зарплаты, это позволило думать о саморазвитии.

Всплеск социальной рекламы был отмечен в 2008–2009 гг., на этот период пришелся пик экономического кризиса, рекламный рынок терпел потери. Так как социальная реклама размещается на льготных условиях (по себестоимости, иногда – безвозмездно), то рекламные агентства размещали такого рода рекламу, получая хоть какую-нибудь прибыль, также по возможности реклама размещалась на максимально возможный срок, а не до периода, оговоренного в контракте.

Так, в первом квартале 2009 года по данным «TNS Россия» социальная реклама на наружных носителях заняла 1 место по количеству занимаемых поверхностей, обогнав категорию «услуги в области торговли» [7].

В апреле 2010 года 96% населения¹ страны отметили, что видели социальную рекламу за год. Наиболее распространенной считают рекламу против курения/употребления алкоголя, против наркомании, помощь детским дома/программы усыновления [8].

В целом отмечается положительная динамика по усвоению и осмыслению такого рода рекламы. Все респонденты хотят в будущем видеть рек-

¹ Исследование отношения к социальной рекламе проведено компанией КОМКОН совместно с благотворительным фондом CAF Russia в рамках проекта Социально активные медиа. Выборка 225 человек от 16 лет и старше, с помощью телефонного интервью. Опрашиваемые – жители городов-миллионников.

ламу донорства, помощи больным/инвалидам, старикам/ветеранам, информацию по опасным заболеваниям и т.д. Рекламы против курения и употребления алкоголя должно стать меньше, по мнению респондентов, но их процент не велик (5%).

18% населения считает, что поведение людей меняется под влиянием социальной рекламы, а 53% считают, что поведение изменится в будущем.

Среди молодежи возрасте 16–34 лет 60% ответили, что что-то изменили в своей жизни под влиянием социальной рекламы. На 40% молодых не оказало влияния.

Из группы молодежи, которые почувствовали на себе влияние рекламы, 39% узнали о социальных проблемах, 24% изменили свое поведение, 22% сделали пожертвования и 3% стали работать волонтерами. Примечательно, что во всех возрастных группах этот показатель в 2 раза ниже.

Более половины опрошенных сказали, что им приятнее читать газету, журнал, смотреть телевизор, если в них размещена социальная реклама (54% опрошенных).

Люди до 35 лет склонны поддерживать использование шоковой социальной рекламы для привлечения внимания к социальным проблемам – 47% высказали свое одобрение.

Однако, это может оказывать на целевую аудиторию обратный эффект. Так, при виде шприцов в рекламе против употребления наркотиков у неупотребляющих наркотики может возникнуть желание попробовать, а наркоманов со стажем такая реклама не остановит, так как они имеют сильную зависимость.

Стоит отметить, что после совершенных в Москве и Домодедово терактах на пункты забора крови приходит большое количество доноров, где значительную часть составляет молодежь. Нельзя не заметить, что многие стали донорами, увидев рекламу донорства по телевидению. Медики, выражая благодарность за оказанную помощь, просят не ограничиваться разовыми заборами крови, а призывают молодежь становится постоянными донорами. Что также нуждается в разработке как одна из тем донорской направленности.

Социальная реклама способствует созданию благоприятного психологического климата в обществе, она является значимым фактором позитивной динамики общественного мнения, оказывается необходимым условием интеграции молодежи, выступает как действенное средство социализации личности.

Литература

1. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Ценностные ориентации, нравственные установки и гражданская активность молодежи // Мониторинг общественного мнения. – № 1 (95). – Январь-февраль 2010. – С. 5–36.
2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: демографические тенденции историческое сознание // Мониторинг общественного мнения. – № 6 (94). – Ноябрь-декабрь 2009. – С. 5–36. http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/94/2009_6%2894%29_2_Gorshkov.pdf
3. Золотухина Д. X изучает Yi воститывает Z: Что думают социологи о поколении 16–25-летних // Русский репортер. – № 12 (140). – 31.03.2010. http://www.rusrep.ru/2010/12/sociologi_o_pokolenii/
4. Морозов М. Россия «под мухой» // Трибуна. – 13.08.2009. <http://www.tribuna.ru/news/2009/08/13/news5276/>
5. Паутова Л.А. Молодежная сегментация: Опыт фонда «Общественное мнение» // Мониторинг общественного мнения. – № 5 (99). – Сентябрь-октябрь 2010. – С. 26–39.
6. Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 N 38-ФЗ http://www.consultant.ru/popular/advert/26_1.html#p50
7. Время рекламы: Теория и практика рекламы. СМИ. РА. <http://www.advertime.ru/news/rynok/2010/060107.html>
8. http://www.festival.ru/netcat_files/203/215/Doklad_MMFR.pdf

Научное издание

Межвузовский сборник научных трудов

**ЭКОНОМИКА
И СОЦИУМ:
современные модели развития**

Выпуск 1

Компьютерная верстка и дизайн *А. Чиянова*

Подписано в печать 12.05.2011
Формат бумаги 60х90 1/16. Гарнитура «FuturisLigtC, Myrid Pro»
Объем 14,0 усл. печ. л. Тираж 500 экз.
Издательский дом «Наука»
111673, Москва, ул. Новокосинская, д. 19, пом. 3
Тел.: 8 (903)522-92-70
E-mail: info@idnayka.ru
Отпечатано в ГУП МО «Коломенская типография»
140400, Московская обл., г. Коломна, ул. III интернационала, д. 2а